

НОВАЯ ПОЛЬША 9/2014

Содержание

1. СОВЕТСКО-ПОЛЬСКАЯ ВОЙНА 1939 ГОДА
2. МЕЖДУНАРОДНЫЙ «МЕМОРИАЛ»: К 75-летию ПАКТА РИББЕНТРОПА — МОЛОТОВА
3. ПРИМИРЕНИЮ ПРЕПЯТСТВУЕТ ЛИЦЕМЕРИЕ
4. МЫ БЫЛИ ПОЛЯКАМ БРАТЬЯМИ...
5. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
6. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
7. ЕПИТИМЬЯ НА ВОСХОДЕ СОЛНЦА ДЛЯ ПИЛОТА «АЭРОФЛОТА»
8. ПОЛЬСКИЙ ПСИХИАТР И МАСОН ИЗ ПЕТЕРБУРГА
9. СТИХОТВОРЕНИЯ
10. НАТАЛЬЯ ДЕ БАРБАРО
11. СТАВ БОГАЧЕ, ПОЛЯКИ МЕНЯЮТ СВОЕ МЕНЮ
12. ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ СОЮЗ ДОНАЛЬДА ТУСКА
13. АБХАЗСКИЙ УЗЕЛ
14. ПОЛЯКИ УМЕЮТ ДАВАТЬ ДЕНЬГИ
15. ПЕРВОЕ ПОСЛЕ 1963 ГОДА СТИХОТВОРЕНИЕ БЕЗ СИГАРЕТ
16. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
17. ФОТОГРАФИЯ С БЕРЕГОВ НЕВЯЖИ

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКАЯ ВОЙНА 1939 ГОДА

Автор данной статьи еще со студенческих лет интересовался тематикой советско-польской войны 1939 г. Опираясь на опыт своей работы, в том числе отраженный в публикациях как в России,^[1] так и за рубежом^[2], хотелось бы поделиться с читателями своими наблюдениями над трансформацией подходов отечественной исторической науки к различным вопросам истории советско-польской войны 1939 г. от распада СССР до сегодняшнего дня.

Из письма от 20 мая 2004 г. ответственного секретаря редакции и редактора отдела повседневной истории российского исторического журнала «Родина»^[3] Татьяны Олеговны Максимовой, координатора спецномера, посвященного 100-летию мировой авиации, относительно возможности публикации статьи по «белому пятну» — роли авиации в советско-польской войне осени 1939 г.: «Статью же А. Степанова в данном исполнении наш научный редактор забраковал. Главная причина — источники. Они исключительно польские...»^[4].

Ровно пять лет спустя, в апреле 2009 г., на защите докторской диссертации автора в Санкт-Петербургском университете все три оппонента, положительно отзывавшиеся о самой работе в целом, не сговариваясь заранее указали, что советско-польская война осени 1939 г. — это некорректное понятие, которое в диссертации употреблять не следует, т.к. война Польше не объявлялась, и соответственно, был лишь ввод советских войск в восточные районы Польши. В ответ на замечание, что ряд отечественных историков уже признал факт ведения войны с Польшей, автору было указано, что они идут на поводу ненаучных тенденций, а что касается польских историков, то они настроены антироссийски и их доводы надо воспринимать критически. Чтобы найти выход из сложившейся ситуации, оппоненты подчеркнули, что автор не имеет специального военного образования, поэтому его терминологическую ошибку можно понять и признать незначительной по сравнению с достигнутыми в работе положительными результатами в целом...

Данные эпизоды из личного опыта автора являются лишь весьма небольшой частью сложившейся к настоящему времени картины отношения современной отечественной исторической науки к советско-польской войне 1939 г. Эта тема никогда не была и не является популярной у российских историков, а их отношение к этой войне в значительной степени базируется либо на отрицании таковой как явления, либо на ее игнорировании.

Чтобы не быть голословным, приведу конкретный пример. Так, в диссертационном исследовании В.В. Гагина, посвященном истории участия советских ВВС в локальных войнах и вооруженных конфликтах 1936–1940 гг., по словам самого же соискателя, первой задачей являлось «рассмотрение особенностей и эволюции советской внешней политики по отношению к противоборствующим сторонам конфликтов и войн в Испании и Китае, и агрессивным акциям сопредельных государств — Японии и Финляндии (sic!), а также определение масштабов влияния и результатов участия советских ВВС в боях на расстановку сил в регионах»^[5]. Итак, автор даже не упоминает о самом факте существования польской кампании. Отсутствие таковой в общем перечне войн и конфликтов 1936–1940 гг. с участием СССР автор ничем не обосновывает, попросту игнорируя ее.

Отметим, что описание боевых действий РККА в сентябре – октябре 1939 г., в частности, содержится в ряде документов из фондов РГВА: «Коллекции документов Украинского фронта»^[6] и «Коллекции документов Белорусского фронта»^[7]. Работая с путеводителями по описям фондов РГВА и зная о существовании «испанского фонда» (Ф. 35082) и фонда с материалами о боях на Халхин-Голе (Ф. 35083) соискателю не заметить их было бы трудно чисто физически, т.к. они идут следующими в перечне.

Вероятно, кто-то может себе позволить и в XXI веке считать Финляндию агрессором, а также не знать масштабы советско-польского столкновения или оценивать итоги последнего как весьма скромные и вообще не принимать их в расчет, но откровенное игнорирование самого факта наличия исследований и выводов своих непосредственных предшественников (не говоря уже о точке зрения польских историков по этому поводу, публиковавшихся на русском языке^[8]), а также документов архива, с фондами которого работал соискатель, — ситуация весьма показательная^[9]. Тем более удивительно, что В.В. Гагин не просто взялся защищать, но и успешно защитил свою кандидатскую диссертацию в 2007

г.^[10]! Конечно, возможно, что дело здесь выходит за рамки обсуждаемой нами темы, но тогда мы вынуждены констатировать не просто слабость (точнее — отсутствие) анализа советско-польского столкновения осени 1939 г., а методологическое несовершенство современной отечественной исторической науки.

Проследить эволюцию отечественной научной мысли относительно событий осени 1939 г. за последние сорок лет можно на примере двух приведенных ниже отрывков. Для того, чтобы читатель сам почувствовал разницу между советской точкой зрения на эти события, выраженной на страницах третьего тома «Истории Второй мировой войны», и современной точкой зрения образца 2010–2011 гг., даем их без каких-либо комментариев.

«Быстрые и решительные действия Советской Армии сорвали расчет гитлеровцев захватить Западную Украину и Западную Белоруссию. Как признает бывший генерал вермахта Н. Форман, меры, предпринятые советским правительством, помешали осуществлению задуманного плана выхода немецких войск непосредственно к границам СССР. Известно, что в начале сентября гитлеровское руководство обсуждало вопрос об образовании марионеточного украинского государства — «самостоятельной польской и галицийской Украины». Но и этот замысел провалился. По решительному требованию советского правительства фашистский вермахт вынужден был очистить ранее занятую территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. Тот день, когда об этом было принято решение, Гальдер назвал “днем позора немецкого политического руководства”»^[11].

«Официальные и неофициальные осуждения в Польше этого решения советского правительства, в том числе в резолюции Сейма 23 сентября 2009 года “в связи с 70-летием нападения СССР на Польшу”, тенденциозны и находятся вне контекста сложившейся военной обстановки: наступающие германские армии приближались к границам СССР. Немецкое командование нарушило согласованный рубеж предельного продвижения вермахта на восток и отвело за этот рубеж (демаркационную линию) свои войска только по категорическому требованию советского правительства. По свидетельству генерала вермахта Н. Формана, демарш Москвы помешал осуществлению задуманного плана выхода немецких войск непосредственно к границам СССР. Начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Ф. Гальдер назвал день 20 сентября 1939 г., когда в Берлине

приняли решение об отводе немецких войск на согласованный рубеж, “днем позора немецкого политического руководства”»^[12].

Что говорить об истории советско-польской войны, если в отечественной исторической науке встречаются работы, носящие откровенно антипольский характер, появление которых было бы немыслимо даже в советский период, когда, кстати, отнюдь не поощрялась политика межвоенной («буржуазно-помещичьей») Польши. Так, в середине 2008 г. в «Военно-историческом журнале» была опубликована статья «Вымыслы и фальсификации в оценках роли СССР накануне и с началом Второй мировой войны» входящего в редакционный совет этого издания С. Н. Ковалева. В ней автор фактически возложил на Польшу вину за развязывание Второй мировой войны! В статье, в частности, говорилось: «Все, кто непредвзято изучал историю Второй мировой войны, знают, что она началась из-за отказа Польши удовлетворить германские претензии. Однако менее известно, чего же именно добивался от Варшавы А. Гитлер. Между тем требования Германии были весьма умеренными: включить вольный город Данциг в состав “третьего рейха”, разрешить постройку экстерриториальных шоссейной и железной дорог, которые связали бы Восточную Пруссию с основной частью Германии. Первые два требования трудно назвать необоснованными». Далее автор отмечал, что «подавляющее большинство жителей отторгнутого от Германии согласно Версальскому мирному договору Данцига составляли немцы, искренне желавшие воссоединиться с исторической родиной». «Вполне естественным было и требование насчет дорог, тем более что на земли разделяющего две части Германии “польского коридора” при этом не покушались», — подытоживал С.Н. Ковалев. Однако Польша отказалась удовлетворить требования Германии, поэтому немецкая сторона 28 апреля 1939 г. аннулировала декларацию о дружбе и ненападении, указывал автор статьи^[13].

Несколько позднее разразился дипломатический скандал: Министерство иностранных дел Польши потребовало объяснений у российского посла в связи с публикацией статьи С.Н. Ковалева на официальном сайте Минобороны России. На информационном сайте «Новости NEWSru.com» 4 июня 2009 г. сообщалось: «Скандалный текст под названием “Вымыслы и фальсификации в оценках роли СССР накануне и с началом Второй мировой войны” пропал из раздела “История против лжи и фальсификаций” сайта Минобороны России. Напомним, статья за подписью начальника научно-исследовательского

отдела военной истории Северо-Западного региона РФ Института военной истории Министерства обороны, кандидата исторических наук полковника Сергея Ковалева потрясла общественность. Полковник Ковалев сделал вывод, что в начале Второй мировой войны виновата не Германия, а Польша: упрямые поляки отказались выполнить «обоснованные» требования Гитлера и отдать фашистам часть своей территории, за что и были завоеваны». Начальник Управления пресс-службы и информации МО РФ полковник Александр Дробышевский 4 июня 2009 г. вынужден был выступить с разъяснениями: аналитические материалы, размещенные на сайте Минобороны РФ в разделе «Военная Энциклопедия», не являются официальной позицией российского военного ведомства и их «не следует рассматривать как официальную точку зрения Минобороны»^[14]. На следующий день, 5 июня 2009 г., уже сам начальник российского Генштаба, генерал армии Николай Макаров, заявил журналистам в Москве, что статья военного историка Ковалева о причинах начала Второй мировой войны, опубликованная на днях на сайте Минобороны РФ, не является официальной позицией министерства^[15].

Следует дать определение действиям советских войск в Польше осенью 1939 г. В советское время они, как правило, именовались «Освободительным походом Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию». В статистическом исследовании о потерях вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах говорится уже просто о «Походе в Западную Украину и Западную Белоруссию в 1939 г.»^[16]. Красноречивое название «Освободительный поход или агрессия? Действия частей Красной Армии в сентябре 1939 г. и современная польская историография» носила статья В.Ю. Иванова, который отстаивал устоявшуюся формулировку^[17]. По мнению М.И. Семиряги произошло «вступление советских войск в Польшу»^[18]. Н.С. Лебедева, напротив, писала «о ведении самых настоящих военных действий против соседнего государства»^[19]. В.А. Невежин также подтверждал последнюю точку зрения, когда приводил следующий важный аргумент в ее пользу: «"Освободительный поход" в директивных документах РККА был назван "революционной, справедливой войной"»^[20]. С.З. Случ указывал в числе наиболее заметных новаций, озвученных в отечественной историографии еще в 1985–1991 гг., следующую: «Вторжение Красной Армии 17 сентября на территорию сражавшейся против вермахта Польши представляло собой акт агрессии, совершив который сталинский режим де-факто втянул Советский Союз во Вторую

мировую войну на стороне нацистской Германии»^[21]. При этом он совершенно справедливо подчеркнул, что «большинство новаций, к сожалению, до сегодняшнего дня по разным причинам остались в основном некоей “декларацией о намерениях”, историографическим фактом, не более того»^[22].

Автор данной статьи вполне согласен с оценкой советско-польского военного противостояния осенью 1939 г. именно как войны. К тому же, эта формулировка прочно утвердилась и активно используется в польской историографии, касающейся данного периода.

Достаточно важно определение хронологических рамок войны. Начало боевых действий — 17 сентября 1939 г. — практически ни у кого не вызывало сомнений. Они возникали лишь тогда, когда речь шла об окончании боевых действий. Так, в изданном в 1972 г. военно-историческом справочнике «Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во Второй мировой войне», в частности, говорилось следующее: «17 сентября 1939 г. Красная Армия перешла довоенную советско-польскую границу и взяла под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии. К 26 сентября советские воины полностью освободили Западную Украину, Западную Белоруссию и Вильнюсский край с древней столицей литовского народа — Вильнюсом, захваченные буржуазно-помещичьей Польшей в 1920 г.»^[23]. Спустя два года в официальной «Истории Второй мировой войны 1939–1945 гг.» говорилось несколько иное: «К 25 сентября Советская Армия при широкой поддержке населения завершила свою освободительную миссию»^[24]. Эта хронология утвердилась на два десятка лет, будучи, например, воспроизведенной и в постсоветском статистическом исследовании «Гриф секретности снят»: «Войска Украинского и Белорусского фронтов 17 сентября 1939 г. перешли советско-польскую границу и к 25 сентября достигли назначенного им рубежа по р. Западный Буг и Сан»^[25]. Разумеется, были небольшие отступления от этой даты (например, в мемуарах Маршала Советского Союза М. В. Захарова было указано, что «освободительный поход» продолжался 12 дней, т.е. по 28 сентября включительно^[26]), но из-за практически полного игнорирования темы в целом существенного значения они не имели.

Только в 2000 г. М.И. Мельтюховым было предложено: война длилась с 17 сентября по 12 октября 1939 г., т.е. почти четыре недели. Таким образом, лишь к концу XX века в российской

историографии расплывчатая формулировка «Освободительный поход» стала постепенно меняться на вполне конкретную «Советско-польская война осени 1939 г.» и всего за несколько лет ее реальные хронологические рамки раздвинулись с первоначально объявленных девяти дней до двадцати шести. Примечательно, что часть важных документов об этой войне в российских архивах были открыты только на рубеже XX–XXI веков. Интересно, что В.Р. Котельников, первый российский автор, опубликовавший статью про воздушную войну СССР против Польши и проработавший ряд доступных документов из фондов РГВА, отмечал в 1999 г.: «Сразу скажу, что никаких материалов по планированию операций против Польши мною не обнаружено. Скорее всего, они до сих пор засекречены» (из письма В. Р. Котельникова от 7 декабря 1999 г. автору). Документы первой описи фонда 35084 «Коллекция документов Украинского фронта» были рассекречены 2 марта 2001 г. Хранившиеся в РГАСПИ «Протоколы № 1/10П — 6/60П заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) за 23 марта — 5 сентября 1939 г», относящиеся к непосредственному кануну и началу Второй мировой войны, были рассекречены только в декабре 2003 г.^[27]

В настоящее время автором выявлена иная градация хронологии боевых действий РККА. Так, в письмах от 20 октября 1939 г. за №№ 321498 и 321499, за подписями Локтионова, Агальцова, Арженухина, говорилось, что Военный Совет РККА в целях изучения боевого опыта и подведения итогов по действующим ВВС предлагает к 15 ноября 1939 г. представить подробные доклады командующему ВВС Украинского фронта комкору Астахову «о боевых действиях ВВС фронта за период с 17.9. по 15.10.39.» и командующему ВВС Белорусского фронта комдиву Гусеву «о боевых действиях ВВС фронта за период с 17.09 по 16.10.39», соответственно^[28]. Итак, согласно документам РГВА, отражающим мнения командования советских ВВС, общая продолжительность боевых действий советской авиации в Польше (а значит и Красной Армии в целом) определяется периодом ровно в один календарный месяц — для ВВС Белорусского фронта и на один день меньше — для ВВС Украинского. Эти данные, вероятно, и могут считаться окончательными на сегодняшний день.

Отметим, что такой объемной работы, посвященной данной проблематике, как монография М. И. Мельтюхова^[29], в отечественной историографии на момент ее выхода не существовало. Кратко проанализируем ее второе, дополненное издание, появившиеся спустя три года^[30]. Начнем с обзора использованных в монографии источников и отражения в ней

достижений как отечественных, так и зарубежных предшественников исследователей данной темы.

Во-первых, вопросы вызывает обращение автора с источниками. Например, в части третьей «Сентябрь 1939 года» в разделе «Польская кампания Красной Армии: 17–21 сентября» объемом 30 страниц, ссылки на источники присутствовали только на девяти из них. Встречались целые блоки по 4–6 страниц, не обеспеченные никакими сносками^[31]. А ведь это касалось описания хода войны, которое можно было бы считать самой ценной частью монографии, т.к. именно здесь автор чаще всего использовал архивный материал.

Во-вторых, обращает на себя внимание весьма незначительное использование в данной монографии трудов, в том числе классических, польских авторов посвященных тематике советско-польской войны 1939 г.^[32] Хотя второй польско-советской войне, которую, в свою очередь, символизирует дата 17 сентября 1939 г., в Польше было посвящено большое количество научных публикаций, в том числе и эмигрантских, М.И. Мельтюхов даже не упомянул о фундаментальном исследовании польско-советской войны 1939 г., принадлежащем перу Р. Шавловского^[33]. Обойденной его вниманием осталась также монография профессора Института истории Варшавского университета П. Вечоркевича «Кампания 1939 г.»^[34], знатока истории Красной Армии, автора около 20 исторических трудов, который, помимо прочего, активно работал в российских архивах. О специальных работах польских историков, подробно разбиравших действия авиации, бронетанковых войск, флота и т.д., речь не идет вообще. Неудивительно, что в работе отсутствует даже краткий историографический обзор работ польских авторов по данной теме^[35]. В связи с этим, можно отметить парадоксальную на первый взгляд ситуацию — не отечественные, а польские специалисты первыми перевели на родной язык и опубликовали ряд документов из российских архивов, касающихся боевых действий РККА периода осени 1939 г. Поэтому и уровень разработки многих аспектов советско-польской войны 1939 г. в польской историографии, благодаря введенным в научный оборот документам, выше, чем в отечественной. В связи с минимальным количеством отечественных исследований по данной теме значительный интерес представляют сборники документов и публикации трудов польских авторов, как общего характера, которые касались советско-польской войны 1939 г. в целом^[36], так и более узких по тематике исследований, в том числе

относящиеся к применению различных родов войск^[37]. Обратим внимание, что отечественные авторы активно ссылались на информацию, исходящую от польских исследователей и упоминали их соответствующие труды. Так, российский читатель мог узнать из отечественных публикаций о существовании монографии «Красный блицкриг», а данные одного из ее авторов, Януша Магнуского, о потерях советских танковых войск в Польше в 1939 г. были использованы известным исследователем истории развития и применения бронетанковой техники И.П. Шмелевым в статье о бронетанковых войсках Польши, выход в свет которой, так же как и упомянутой выше статьи В.Р. Котельникова, был приурочен к 60-летию начала Второй мировой войны^[38]. Однако в отличие от своих российских коллег М.И. Мельтюхов проигнорировал практически все новейшие польские публикации.

В-третьих, многие работы отечественных авторов, посвященные различным аспектам боевых действий советских войск в Польше, также остались обойденные вниманием. Например, отсутствовало упоминание о первой отечественной публикации, непосредственно посвященной боевому применению ВВС РККА против Польши осенью 1939 г., подготовленной исследователем истории авиации В. Р. Котельниковым, выход в свет которой был приурочен к 60-летию начала Второй мировой войны^[39]. Подобная ситуация выглядела еще более странной в свете того, что многие из российских авторов были хорошо известны польским исследователям^[40]. Но М.И. Мельтюхову, вероятно, эти и иные публикации либо вообще были неизвестны, либо он просто не счел нужным писать о достижениях польских и российских коллег. Во всяком случае, им не была упомянута ни одна из указанных выше фамилий.

Перейдем к анализу содержания работы и основных концептуальных положений автора. Примечательно его желание изобразить советские действия как «миротворческую операцию», именно так он и представляет их в заключительной главе книги: «Поэтому действия Красной армии в Польше могут рассматриваться в соответствии с современной терминологией, как миротворческая операция»^[41]. Важным доказательством того, что советские операции против Польши не имели агрессивного характера, для М.И. Мельтюхова являлся тот факт, что влиятельные политические круги западных держав примирились с

результатами этих операций, признав их по сути дела действиями, направленными против Германии^[42].

Что же касается «мягкой» позиции западных союзников по отношению к СССР в связи с войной против Польши, необходимо отметить, что активных действий против Германии, как известно, союзники не разворачивали, и реальной помощи Польше оказано не было. Поэтому М.И. Мельтюхов, признавая, что союзники «палец о палец не ударили, чтобы помочь ей»^[43], в данном случае вступил в противоречии с высказанным ранее собственным положением о фактическом оправдании союзниками действий СССР. Не надо забывать, что известное заявление Черчилля 1 октября 1939 г. о создании Восточного фронта, которое с явным удовольствием цитировали как советские, так и российские историки^[44] с целью морального оправдания и придания некоего подобия легитимности действиям СССР 17 сентября 1939 г., можно и нужно, в первую очередь, рассматривать как оправдание собственной бездеятельности Англии по отношению к Германии в данный период. В связи с этим тем более было бы наивно ожидать от Англии и Франции каких-либо активных ответных акций по отношению к СССР. Отметим, кстати, что когда в 1943 г. немцы развернули пропагандистскую кампанию по поводу захоронений в Катыни, то и Ф. Рузвельт, и У. Черчилль также заняли сдержанную позицию. Отношения со Сталиным были для них гораздо важнее, чем разногласия с польским эмигрантским правительством. В итоге, союзники объявили результаты расследования Красного Креста по Катыни неубедительными, причем в конце того же 1943 г. Рузвельт откровенно заявил: «Мне плевать на несколько выкриков из-за Польши»^[45].

Уделяя внимание описанию множества локальных и второстепенных эпизодов, М.И. Мельтюхов почему-то не рассматривал влияние действий Красной Армии на продолжение борьбы польских вооруженных сил с Германией и ее союзниками в контексте последующих событий Второй мировой войны. Он лишь активно отстаивает следующий тезис: «Теперь, когда события сентября 1939 г. достаточно хорошо изучены, следует однозначно заявить, что никакой помощи со стороны СССР Германия в Польше не получила, да она была и не нужна»^[46]. Оставив на совести автора тезис об «изученности», отметим только, что и Вторая мировая война, и борьба польского народа отнюдь не закончились осенью 1939 г. Даже в годы социализма вопрос о роли польских частей, сражавшихся с Германией после осени 1939 г., рассматривался

польскими историками. Например, еще в апреле 1965 г. на научной конференции в Москве (одним из организаторов которой были Министерство обороны и ГлавПУр) в честь 20-й годовщины победы над фашистской Германией военный историк профессор генерал Б. Беднаж выступил с соответствующим сообщением, где, в частности, говорилось: «Когда умолкли последние выстрелы в Европе, польский солдат мог с гордостью заявить, что он не сложил оружия в сентябре 1939 г., а сражался в течение всей войны»^[47].

В свете того, что М. И. Мельтюхов рассматривал в своей монографии взаимосвязь событий 1920 и 1939 гг., игнорирование им влияния польской кампании РККА 1939 г. на последующую борьбу вооруженных сил Польши в 1939–1945 гг. вызывает недоумение. РККА не просто занимала территорию Восточной Польши, проводя кое-где эпизодические бои. Одной из ее основных задач было отсечь польские войска от границ сопредельных государств и взять в плен личный состав. Так, в связи с вышеизложенным представляет интерес «Боевой приказ № 001 штаба ВВС Белорусского фронта» от 16 сентября 1939 г. В нем, в частности, сообщалось: «Ближайшая задача фронта — уничтожить и пленить вооруженные силы Польши, действующие восточней литовской границы и линии ГРОДНО–КОБРИН»^[48]. Примечателен приказ от 19 сентября 1939 г., отданный С.К. Тимошенко командующему погранвойсками КОВО комдиву В. В. Осокину, в котором прямо говорилось о том, что ни в коем случае нельзя допустить ухода польских солдат и офицеров из Польши в Румынию^[49]. К. Е. Ворошилов потребовал от командования КОВО разъяснений, почему не прикрыт участок границы близ г. Коломыя, через который польские части уходят в Румынию^[50]. 22 сентября 1939 г. гарнизон Львова сдал город советским войскам, при гарантиях возможности отхода в Румынию и Венгрию. Однако большинство офицеров-защитников города оказалось в Старобельском лагере, где почти все и были расстреляны в апреле – мае 1940 г.^[51]

По мнению М.И. Мельтюхова, на завоеванных территориях в этот период не могло быть антипольской политики. Наоборот, начальник Политуправления Красной Армии Л.З. Мехлис был озабочен прежде всего тем, чтобы защитить польское население от враждебных проявлений в первую очередь со стороны украинцев – «сейчас активизировались украинцы и терроризируют в ряде мест польских крестьян»^[52]. Этим автор объясняет и весь смысл депортации: «То есть в определенной степени это была форма смягчения советским руководством

остроты национальной ненависти на новых территориях. Конечно, мера варварская, но лучше было бы допустить национальную «разборку» среди местного населения? Не говоря уже о том, что выселение — это ведь не расстрел»^[53]. «Гуманность» новой власти М.И. Мельтюхов трактует по-своему: во-первых, депортируя поляков в Сибирь или в Казахстан, она спасала их от украинских «разборок»; а во-вторых — всего-навсего их депортировала (а ведь могла бы и расстрелять)...

Перейдем к краткому обзору сравнительно недавно изданных работ, частично затрагивающих данную тему. Среди них можно, в частности, отметить публикации В. Бешанова и А. Смирнова, а также коллективное исследование, подготовленное специалистами ИРИ РАН и посвященное 70-летию начала Второй мировой войны. Первая работа, фактически представляющая из себя компиляцию ранее вышедших публикаций отечественных авторов (в первую очередь М. И. Мельтюхова, причем без ссылок на использовавшиеся источники и литературу), включает главу «Освободительный поход»^[54]. Вторая является исследованием боеспособности Красной Армии на примере анализа ряда «освободительных походов», в том числе и действий Красной Армии в Польше^[55]. В третьей же польским событиям посвящена глава пятая «Документальная хроника военного похода в Западную Белоруссию и в Западную Украину. Сентябрь – октябрь 1939 г.», где приводится значительное количество фактического материала в виде информационных блоков, размещенных в хронологическом порядке^[56]. На ней следует остановиться особо.

Автор данной главы — Т.С. Бушуева — в первом же абзаце ставит вопрос: «Являлся ли поход в Западную Украину и Западную Белоруссию освободительным или нет?»^[57]. Ответа, однако, не дает. Зато приводит весьма примечательный вывод, требующий отдельного комментария: «Публикуемые документы в главе свидетельствуют, что в результате фронтовой операции осени 1939 г., вошедшей в отечественную историографию, как освободительный поход в Западную Украину и в Западную Белоруссию, на карте возникнет линия общего соприкосновения Красной Армии с немецкими войсками»^[58].

Итак, обратим внимание на то обстоятельство, что тщательно избегается употребление самого понятия «война». Также указывается, что «освободительный поход» якобы являлся

всего лишь фронтовой операцией, хотя, в действительности, он проводился силами не одного, а двух фронтов – Белорусского и Украинского, о чем сами авторы сообщают читателям ниже^[59]! Что касается открытия тайны о возникновении линии «общего соприкосновения Красной Армии с немецкими войсками», то здесь автор явно перестаралась с глубиной выводов и откровенно «ломится в открытую дверь».

Вот еще одна выдержка: «Таким образом, на границе с Польшей было сконцентрировано около миллиона советских солдат, танковые части, авиация»^[60]. Откровения автора снова поражают. О том, что в «освободительном походе» участвовали танки и авиация, открыто писала даже советская пресса в 1939 г. Сколько и каких именно танков и самолетов выставила Красная Армия, данное издание почему-то скромно умалчивает. Что же касается данных о миллионе солдат, то об этом соответствующая ссылка № 24 также не дает информации, ибо представляет из себя комментарий, а не отсылку к архивным материалам!

Вводная часть главы включает отсылки к различным публикациям, начиная от советского времени до сегодняшних дней. Одним из носителей новейшей исторической мысли Т.С. Бушуевой был выбран А. Мартиросян. В силу своей известности работами о 200 мифах о Сталине, вероятно, он считается авторами анализируемой публикации также признанным и безальтернативным знатоком событий осени 1939 г. На цитирование его отведено более половины страницы из использованных под введение четырех^[61]. Однако, авторы почему-то не обратили внимание, что материал А. Мартиросяна посвящен не советско-польскому столкновению, а периоду работы немецкой разведки против СССР с осени 1939 до 1941 г. с территории оккупированной Польши. Зачем они попали в документальную хронику похода Красной Армии, для автора этих строк до сих пор остается вопросом...

В данной главе в глаза бросается массовое использование различного материала, не подтверждаемого ссылками на источники. Так, на с. 155. приводится спецсообщение Особого отдела ГУГБ НКВД СССР от 16 сентября 1939 г. Три абзаца текста с выдержками из этого сообщения не подкреплены никакими сносками^[62]. Также относящаяся к этому документу НКВД таблица «Белорусский особый военный округ»^[63], отображающая данные о ходе мобилизации в последнем по состоянию на 14 сентября 1939 г., почему-то сопровождается

сноской № 17^[64] на публикацию О.Ф. Сувенирова, где речь действительно идет о различных соединениях того же округа, но только по состоянию... на 1 мая 1939 года!

Обозревая события 15 сентября 1939 г., авторы на пяти страницах подряд обильно цитируют боевой приказ № 01 штаба Белорусского фронта, но ссылок на соответствующий архивный документ не приводят. Без ссылок даются также оперативные сводки Генштаба РККА за 19–25 и 27–28 сентября 1939 г.^[65] Отсутствует ссылка на сообщение Л.З. Мехлиса в НКО и в ЦК ВКП(б) от 24 сентября 1939 г., приводимое на трех страницах книги^[66]. Ссылка на запись из дневника замнаркома иностранных дел В.П. Потемкина за № 5496 от 4 октября 1939 г.^[67] также отсутствует.

Интересен пример с цитированием иностранных документов. Автор приводит выдержку из дневника Ф. Гальдера, цитату из выступления А. Гитлера от 22 августа 1939 г. на совещании в Оберзальцберге, касающуюся цели кампании против Польши: «Гитлер обозначил цель: “уничтожение Польши”... Речь идет не о достижении какого-то определенного рубежа или новой границы, а об уничтожении врага»^[68]. Известны случаи, когда документы зарубежного происхождения, переведенные на русский язык и изданные в советское время, действительно страдали неполнотой и искажениями из-за цензуры. Как известно, Гальдер также издавался в СССР. Может быть, мы имеем дело именно с подобным случаем, а авторы стремились снабдить нас более точной информацией? Цитируем соответствующий фрагмент советского издания дневников:

«II. Требования фюрера к военному руководству:

[...]

2. Цель: Уничтожение Польши, ликвидация ее живой силы. Речь идет не о выходе на какой-то рубеж или новую границу, а об уничтожении противника, к чему следует неуклонно стремиться любыми путями»^[69].

Есть ли разница? В данном случае, советский вариант перевода несколько не отличается от РАНовского создания в худшую сторону, более того, он даже представляется несколько более подробным и точным. Автор снова предпочла ломиться в открытую дверь^[70]. Сделано ли это для придания своей работе дополнительной «научнообразности», или автор просто не знала о существовавшем четыре десятка лет русском переводе — осталось непонятным.

Примечательно также, что в данном разделе из 154 ссылок на польские работы приводятся только три (все они посвящены «лагерной» тематике, а не собственно военным действиям), хотя, как уже говорилось выше, специалисты из этой страны ввели в научный оборот огромное количество до сих пор неизвестного в России документального материала именно о военных событиях осени 1939 г., в том числе и из фондов РГВА. В силу нежелания (или незнания?) автора главы, в отличие от не раз вспоминаемого А. Мартиросяна, практически не упоминаются и немногочисленные российские историки, которые много лет занимались исследованием этой проблемы^[71].

Вывод — познавательная ценность интересующей нас части публикации резко снижается ввиду практически полного отсутствия даже краткого упоминания о новых работах ведущих отечественных и польских историков, наличия фактических ошибок и отсутствия критического анализа размещенного материала, который зачастую приводится небрежно. Десятки (!) страниц содержат факты без ссылок на соответствующие источники. Создается впечатление, что задачей автора, в первую очередь, являлась подача определенного объема информации в рамках устоявшейся консервативной концепции событий, которая для соблюдения формального соответствия времени была дополнена некоторым количеством ссылок на современные публикации. Оправданность подобного подхода к созданию данной главы вызывает серьезные сомнения.

Подготавливая данную статью, автор сделал для себя неутешительный вывод — существующие в современной отечественной исторической науке подходы к изучению истории советско-польской войны 1939 г. (да и не только ее, но, как минимум, всей Второй мировой войны в целом) остаются весьма консервативными, а методы, которые они используют, пока далеки от стандартов академической науки.

Степанов Алексей Сергеевич (р. 9 сентября 1967 г.) Окончил Куйбышевский государственный университет в 1989 г. по специальности «история». Доктор исторических наук (2009), автор более 50 научных публикаций, в том числе двух монографий. Научный сотрудник Русского фонда содействия образованию и науке; ведущий научный сотрудник Института Российской истории РАН, Центра изучения новейшей истории России и политологии.

Примечания:

- 1.
2. См., например: Степанов А.С. Современная российская историография о масштабах и итогах боевых действий Красной Армии в Польше осенью 1939 г. // Проблемы истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Материалы межвузовской научной конференции. Вып. 3. Самара, 1996. С. 46–48; Степанов А.С. ВВС РККА в войне против Польши осенью 1939 г. // История авиации. 2000. № 6. С. 11–14; 2001. № 1. С. 24–27; Степанов А. С. Об итогах применения советской авиации в войне с Польшей 1939 г. // Чтения по военной истории. Сборник статей. [Материалы международной научной конференции, 19–21 апреля 2007 г.]. СПб., 2007. С. 60–63; Степанов А.С. Польская Кампания 1939 — первый опыт применения ВВС Красной Армии во Второй мировой войне // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2008. Вып. 3. сентябрь. С. 50–55.
3. Stiepanow A. Lotnictwo Armii Czerwonej w wojnie sowiecko-polskiej jesienia 1939 roku // Przegląd Sił Powietrznych. Miesięcznik wydawany przez Dowództwo Sił Powietrznych. № 9. Wrzesień. 2006. LXXVIII. S. 79–98; Stiepanow A. WWS RKKA w wojnie sowiecko-polskiej jesienią 1939 r. // Lotnictwo. Magazyn miłośników lotnictwa wojskowego, cywilnego i kosmonautyki. № 9. Wrzesień. 2008. S. 86–94, 96.
4. Учредители журнала: Правительство Российской Федерации, Администрация Президента Российской Федерации.
5. Примечательно, что в указанном специальном выпуске, который изначально испытывал нехватку материалов (от некоторых авторов редакцией было принято по две статьи сразу, см., например: Родина. 2004. № 8. С. 13–22; 31–34; 51–54), значительная часть статей приводилась вообще без каких-либо ссылок на источники и литературу. В нем, кстати, благополучно нашлось место и статьям о зарубежной авиации, которые, естественно, могли основываться только на иностранных материалах.
6. См.: Гагин В.В. История участия советских ВВС в локальных войнах и вооруженных конфликтах 1936–1940 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2006. С. 7.
7. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 35084.
8. РГВА. Ф. 35086.
9. См., например, фрагмент из статьи Э. Дурачинского

«Польша в политике Москвы 1939–1941 годов: факты, гипотезы, вопросы», опубликованный в сборнике «Война и политика, 1939–1941» (Отв. ред. А.О. Чубарян. М.: Наука, 1999. С. 50–51, 62): «Военные действия, начатые 17 сентября, в Советском Союзе называют освободительным походом. Многие польские исследователи не сомневаются, что это была война, хотя ни одна из сторон ее не объявляла (Гитлер начал агрессию против Польши также без издания требуемого международным правом акта объявления войны). Ситуация, когда СССР нарушил границу между двумя государствами, когда советские и польские войска вели борьбу друг с другом, когда солдаты гибли и их брали в плен, когда Красная Армия занимала города и территории, с точки зрения международного права была, несомненно, войной» (Далее Э. Дурачинский приводит ссылку на Eberhardt P. Polska granica wshodnia 1939–1945. Warszawa, 1993. S. 17. Прим. автора).

10. Истоки и последствия подобного явления в свое время весьма убедительно обрисовал С. З. Случ: «Тогда же, в 1989 г., в отечественной историографии наметилась тенденция, ставшая, позднее, к сожалению, обыденной практикой: не обращать внимания на публикации коллег по цеху и приводимые в них документы, факты, выводы. Причины этого явления могли быть разными, но результат один – снижение уровня исследований» (См.: СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, 1939–1941: дискуссии, комментарии, размышления / Отв. ред. и сост. С. З. Случ; Институт славяноведения РАН. М.: Наука, 2007. С. 77).
11. Гагин В. В. История участия советских ВВС в локальных войнах и вооруженных конфликтах 1936–1940 гг.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Воронеж, 2007. Научный руководитель – д.и.н. П.В. Загоровский; официальные оппоненты – д.и.н С.И. Филоненко, к.и.н. Е.И. Габелко.
12. История Второй мировой войны 1939–1945.: В 12 т. М., 1974. Т. 3. Начало войны. Подготовка агрессии против СССР. С. 357.
13. История Великой войны 1941–1945 гг.: В 2 т. М., 2010. Т. I. С. 28. Эти строки, принадлежащие перу доктора исторических наук, главному научному сотруднику Института всеобщей истории РАН О. А. Ржешевскому дословно воспроизводятся также и в ряде других новейших официальных изданий. См. например: Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2011. Т. 1. Основные события войны. С. 17. (за исключением слова «сейм», данного здесь со строчной буквы); Великая Победа: многотомное продолжающееся издание / под общ. ред. С.Е. Нарышкина, акад. А.В. Торкунова; Московский государственный институт

международных отношений (университет) МИД России. 2-е изд., стереотипное. – Т. 2: Вставай, страна огромная. М.: МГИМО-Университет, 2013. С. 50.

14. Ковалев С.Н. Вымыслы и фальсификации в оценках роли СССР накануне и с началом Второй мировой войны // Военно-исторический журнал. 2008. № 7. С. 8, 15.
15. Минобороны «почистило» свой сайт, сделавший Польшу виновницей Второй мировой войны
<http://www.newsru.com/russia/04jun2009/polska.html>
16. Глава Генштаба также «открестился» от статьи, обвиняющей Польшу в начале Второй мировой войны
<http://www.newsru.com/russia/05jun2009/makarov.html>
17. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / Под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 1993. С. 85.
18. Иванов В.Ю. Освободительный поход или агрессия? Действия частей Красной Армии в сентябре 1939 г. и современная польская историография // Военно-исторический журнал. 1994. № 9 (ноябрь-декабрь). С. 82-86.
19. Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. М., 1992. С. 91-92.
20. Лебедева Н.С. Четвертый раздел Польши и катынская трагедия // Другая война 1939–1945 / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996. С. 246-247.
21. Невежин В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997. С. 80.
22. СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, 1939–1941: дискуссии, комментарии, размышления / Отв. ред. и сост. С. З. Случ; Институт славяноведения РАН. М.: Наука, 2007. С. 172, 175.
23. Указ. соч. С. 176.
24. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во Второй мировой войне: Военно-исторический справочник / Под ред. М.И. Семиряги. М., 1972. С. 143.
25. История Второй мировой войны 1939–1945: В 12 т. М, 1974. Т.3. Начало войны. Подготовка агрессии против СССР. С. 357.
26. Гриф секретности снят. С. 86.
27. Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989. С.174.
28. Российский государственный архив социально-

- политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 25.
29. РГВА. Ф. 29. Оп. 34. Д. 365. Л. 155-156.
30. Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918-1939 гг. М., 2001.
31. Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Белый орел против красной звезды / 2-е изд., испр. И доп. М., 2004.
32. Там же. С. 466-469; 471-474; 484-489.
33. Автор ограничивается обращением к трем публикациям: Cygan W. *Kresy w ogniu: Wojna polsko-sowiecka 1939*. Warszawa, 1990; Szubanski R. *Siedemnasty wrzesnia 1939*. Warszawa, 1990; Grzelak C. *Kresy w czerwieni. Agresja Związku Sowieckiego na Polskę w 1939 roku*. Warszawa, 1998.
34. Szawłowski R. *Wojna polsko-sowiecka 1939*. / Wyd. III. Warszawa, 1997. Эта монография неоднократно переиздавалась в Польше и считается классическим трудом по данной теме.
35. Wiczorkiewicz P. *Kampania 1939 roku*. Warszawa, 2001.
36. Автор не исключает возможности, что сослаться на польские издания и польских историков (если исключить банальное нежелание их изучать) — было немодно и даже «непатриотично» — вспомним, кстати, цитировавшиеся выше строки из письма редакции журнала «Родина»: «Главная причина — источники. Они исключительно польские...», датированные тем же 2004 г...
37. См., например, издания, где, в частности, использованы документы из фондов РГВА: *Agresja sowiecka na Polske w swietle dokumentow 17 wrzesnia 1939*. Т. 2. (Front Ukraiński). Warszawa, 1996; *Agresja sowiecka na Polske w swietle dokumentow 17 wrzesnia 1939*. Том 3. (Front Białoruski). Warszawa, 1995; Grzelak C. *Dziennik Działan Bojowych Frontu Białoruskiego we wrzesniu 1939 roku*. Warszawa, 1998.
38. Особого внимания из них, с точки зрения автора, заслуживают монография «Красный блицкриг» о применении советских бронетанковых войск в Польше в 1939 г. и статья «Польско-советская воздушная война сентября 1939 г.» об итогах действия ВВС РККА, содержание которой легло в основу изданной позднее монографии того же автора. См.: Magnuski J., Kolomiec M. *Czerwony blitzkrieg. Wrzesien 1939: Sowietkie wojska pancerne w Polsce*. Warszawa, 1994; Wawrzynski M. *Wojna lotnicza polsko-sowiecka, wrzesien 1939* // *Militaria i Fakty*. 2003. № 4. С. 26-28, 30-31; № 5-6. С. 27-28, 30-32; Wawrzynski M. *Czerwone gwiazdy — sojusznik czarnych krzyży nad Polska. Lotnictwo sowieckie nad Kresami wrzesien-pazdziernik*

1939. Wydawnictwo Pegaz, Wydawnictwo Ulica Lipowa. Warszawa, 2008.

39. См.: Барятинский М., Коломиец М. Легкий танк БТ-7 // Бронекolleкция. Приложение к журналу Моделист-конструктор. 1996. № 5 (8). С. 32; Шмелев И. П. Бронетанковые войска Польши 1918–1939 гг. // Техника и вооружение вчера, сегодня, завтра. 1999. № 9. С. 19.
40. Котельников В.Р. Авиация в советско-польском конфликте сентября 1939 года (по документам советских архивов) // Авиация и космонавтика вчера, сегодня, завтра. 1999. № 9 (Вып. 50). С. 5–10.
41. Это касается, в частности, упомянутой выше статьи В.Р. Котельникова (см., например, Wawrzynski M. *Op. cit.* // *Militaria i Fakty*. 2003. № 5–6. S. 32). Некоторые из отечественных авторов публиковались в Польше, как например, М. Коломиец, который был соавтором упоминавшейся выше монографии «Красный блицкриг».
42. Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. С. 602.
43. Там же. С. 534–535, 593, 601–602.
44. Там же. С. 598.
45. Впрочем, это обстоятельство нисколько не мешает последним так же охотно подчеркивать и рост антисоветизма западных держав после 17 сентября 1939 г., например: «Договор с Германией о ненападении и совместные действия СССР в Польше (Прим.: Так в тексте А. С.) вызвали в странах Западной Европы и США яростную антисоветскую кампанию» (См. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. М., 2012. Т. 2. Происхождение и начало войны. С. 387).
46. Подробнее об этом см.: Berthon S., Potts J. *Warlords. The Heart of Conflict 1939–1945*. London, 2005. P. 182–196, 225.
47. Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. С. 596.
48. Беднаж Б. Участие польских регулярных войсковых соединений во Второй мировой войне // Вторая мировая война. М., 1966. Кн. 2. Военное искусство. С. 235.
49. РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 149. Л. 25.
50. Мельтюхов М.И. Указ. соч. С. 491–492. Автор, приводя этот факт, никак не комментирует его.
51. Лебедева Н.С. Польша между Германией и СССР в 1939 г. // Война и политика, 1939–1941. М., 1999. С. 77.
52. Говоря о капитуляции гарнизона Львова, автор ничего не сообщает об этом факте. См.: Мельтюхов М.И. Указ. соч. С. 480–489.

53. Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. С. 607.
54. Там же. С.612.
55. Бешанов В. Красный блицкриг. М., 2006. С. 25-210.
56. Смирнов А.А. Крах 1941 — репрессии ни при чём!
«Обезглавил» ли Сталин Красную Армию? М., 2011.
57. К 70-летию начала Второй мировой войны. Исследования, документы, комментарии: Колл. монограф. / Отв. ред.: А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров, Ю.Л. Дьяков, Л.П. Колодникова, Т.С. Бушуева, А.В. Серегин. М., 2009. С. 144-256.
58. Там же. С. 144.
59. Там же. С. 146. От слова «возникнет» до конца предложения в публикации текст выделен жирным шрифтом.
60. Там же. С. 157, 250.
61. Там же. С. 159.
62. Там же. С. 146.
63. Там же. С. 156-157.
64. Там же. С. 156.
65. Там же. С. 249.
66. Там же. С. 180, 183, 188, 191, 198-199, 201, 205, 207-208.
67. Там же. С. 202-204
68. Там же. С. 220.
69. Там же. С. 147-148.
70. Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг.: В 3 т. М., 1968. Т. 1. От начала войны с Польшей до конца наступления на Западном фронте (14.8.1939 – 30.6.1940). С. 57.
71. В данном случае Т. С. Бушуева не одинока. Примечательно, что именно эта цитата в точно таком же виде приводится и в статье С. З. Случа, опубликованной в спецвыпуске РАНовской «Российской истории», посвященном 70-летию начала Второй мировой войны: См.: Случ. С.З. Пока еще не последовали удары... Политика Германии и СССР относительно Польши (октябрь 1938 г. – август 1939 г.) // Российская история. 2009. № 5 (сентябрь-октябрь). С. 81, 85. Справедливости ради следует отметить, что выше С. З. Случ указывает «политические и военные цели национал-социалистического и советского руководства в отношении Польши фактически совпали» (см. с. 81).
72. См., например, публикации Токарева В.А.: Советский «кинозалп» по Польше, 1939-1941 гг. / Вестник МаГУ. Вып. 1.

2000; «Исчезновение» майора С.И. Грицевца: пропагандистский прецедент 1939 года // Великая победа: героизм и подвиг народов. Материалы международной научной конференции (Минск, 28–29 апреля 2005 г.). Т.1. Минск, 2006. С. 186–191; «Похоронен у деревни Павшино...»: презентация потерь и мемориальная практика советской стороны в польскую кампанию 1939 г. // Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. / [редкол. И. В. Нарский и др.]. Челябинск, 2007. С. 208–229. Отметим, кстати, что в последней упомянутой работе В. А. Токарев, проанализировав судьбу 1 405 человек, погибших во время «Освободительного похода в Западную Украину и в Западную Белоруссию» осенью 1939 г., выяснил, что только по 259 из них в официальных документах было указано точное место захоронения (т.е. в 18,4% случаев) и только в 30% случаях было указано точная дата гибели. То есть, согласно доступным советским документам, свыше 80% из погибших в Польше в 1939 г. погибли неизвестно где, а 70% — непонятно когда! Автор отмечал, что «иногда погибшие приписывались к несуществующим воинским частям и нередко лишались права иметь последнюю прописку во времени и пространстве» (Подробнее см.: Токарев В.А. «Похоронен у деревни Павшино...»: презентация потерь и мемориальная практика советской стороны в польскую кампанию 1939 г. С. 220, 226). Таким образом, даже по отношению к собственным командирам и бойцам, выполнявшим волю советского же государства и погибшим за него, госвласть СССР отнеслась как к расходному материалу.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ «МЕМОРИАЛ»: К 75-летию ПАКТА РИББЕНТРОПА — МОЛОТОВА

75 лет назад, 23 августа 1939 года, в Москве гитлеровской Германией и сталинским СССР был подписан Договор о ненападении, включавший в себя секретный протокол о разделе «сфер влияния» в Восточной Европе.

Этот договор, известный как «пакт Риббентропа — Молотова», развязал Гитлеру руки для агрессии в Европе и стал прелюдией к 1 сентября 1939 года — началу Второй мировой войны.

Непосредственным результатом пакта Риббентропа — Молотова стало вторжение 17 сентября 1939 г. Красной Армии в Польшу, аннексия Советским Союзом трех независимых прибалтийских государств, а также Бессарабии и Северной Буковины летом 1940 года. Все присоединенные территории подверглись социально-политическим и национальным чисткам: незамедлительно начались аресты и массовые депортации населения.

Подписание пакта между СССР и гитлеровской Германией навсегда поставило рядом имена Гитлера и Сталина.

Соглашение двух диктаторов о разделе между собой целого региона было и остается ярчайшим образцом аморальной и циничной политики, символом преступлений, совершенных обоими тоталитарными режимами совместно и порознь.

Не случайно Европейский парламент в 2009 году предложил отмечать 23 августа как День памяти жертв тоталитарных режимов.

Увы, и сегодня российское общество, а тем более российские власти не готовы дать адекватную оценку событиям 1939–1941 годов.

Многие российские статусные политики по-прежнему оправдывают советское вторжение в Польшу 17 сентября 1939 года, осуществленное в полном согласии и в координации с

гитлеровцами, и если не называют его вслед за сталинской пропагандой «освободительным походом», то обосновывают «заботой о братских народах» и соображениями «защиты населения».

Если дошло до того, что официальный политолог оправдывает «собрание немецких земель» Гитлером, то стоит ли ждать осуждения Сталина, который, с точки зрения квасных патриотов, занялся собиранием русских земель такими же методами, что и Гитлер?

Отвратительны и жалки сегодняшние попытки этих «патриотов» уйти от обсуждения последствий пакта Молотова — Риббентропа под предлогом, что это якобы оскорбляет память советских солдат, погибших в борьбе с фашизмом.

Как раз наоборот: память павших требует однозначно осудить возглавлявших СССР преступников, пошедших на сговор с Гитлером.

Правление Международного общества «Мемориал»

22 августа 2014 года

ПРИМИРЕНИЮ ПРЕПЯТСТВУЕТ ЛИЦЕМЕРИЕ

Несколько десятилетий исследовательского опыта странствий в самых разных географических широтах дали мне возможность познакомиться с культурой как высокоразвитых цивилизованных народов, так и сохраняющих собственное культурное наследие туземных племен, от которых я многому научился. Причем я всегда сталкивался с мнением, что важнее сосед за межей, чем брат за горой. Отсюда и родился замысел выступить в роли поборника нормализации соседских польско-российских отношений, а также укрепления межчеловеческих связей.

Девизом начинающейся вскоре миссии «Следами польских исследователей Сибири» могло бы стать изречение: «Сибирь не разделяет, а связывает». Я намерен освежить в памяти бурные судьбы наших выдающихся ученых и напомнить о богатом наследии поляков в зауральских краях. Помимо политических ссыльных, которых приговаривали к каторге, многие добирались туда и по собственной воле. Их воображение воодушевлялось первопроходческим вызовом пионеров и приключениями в духе Джека Лондона. В результате несметная масса поляков внесла важный вклад и в область научных исследований, и в дело освоения огромных девственных территорий.

Воспользоваться опытом

Мой замысел (см. www.syberia2013.com) родился как противовес историческому недоверию, разделяющему поляков и русских. Казалось бы, текущее состояние дел в данном вопросе не склоняет к оптимизму, но будем помнить, что примерно так же выглядели до недавнего времени польско-немецкие отношения. Оказалось, что тональность взаимосвязей между народами можно изменить. Время смягчает и вуалирует горькую правду, интерпретация «быстро уносящейся истории» меняется вместе с поступательно движущейся вперед жизнью. Нельзя все время оставаться прикованным к схемам прошлого. Возьмем Италию и Югославию, которым трудная история не помешала построить хорошие отношения. Франция тоже отправила в архив все грехи немцев времен Второй мировой войны. Это историческое примирение впоследствии проторило

путь Европейскому Союзу. История признала правоту польских епископов и примаса тысячелетия, как называют в Польше кардинала Стефана Вышинского, прозорливость которых почти полвека назад внесла новое качество в процесс взаимопонимания между Польшей и Германией. Есть смысл напомнить обо всем этом, зная, что сегодняшняя Европа прилагает множество усилий, направленных на то, чтобы сгладить межнациональные предубеждения и неприязненные чувства, чтобы мир стал лучше.

Как человек свободный и не связанный ни с какими политическими группировками, я имею честь пользоваться уважением высоких представителей государственной власти в Республике Польша и Российской Федерации, а также получать поддержку от людей, сердцу которых близка мысль о благе обоих наших народов. Несколько лет назад Михаил Горбачев в моей книге о Сибири оставил такую надпись: «Деятельность, которую ведет автор, способствует установлению взаимопонимания между людьми». А Бронислав Коморовский в ходе одного из публичных выступлений сказал, что очень хотел бы поехать с Палкевичем в Сибирь, но ему мешает в этом президентское кресло.

Выйти за пределы схем прошлого

Целый ряд государственных учреждений и представителей власти в Польше, а также различные органы, координирующие в рамках государственной администрации деятельность полоний, подчеркивают, что вышеупомянутая инициатива достойна всяческого содействия. На практике, однако, никто, за исключением Национального центра культуры, официально его не оказал. Даже Сенат, который по долгу службы обязан курировать тематику, относящуюся к охране наследия польской культуры и истории за рубежом, а также деятельность, укрепляющую связь лиц польского происхождения со своей страной. Маршал Сената Богдан Борусевич даже слышать не захотел об этом проекте, поскольку, видимо, уже исчерпал свой лимит, охватив патронажем: Ярмарку янтаря, Смотр охотничьей музыки и культуры с берегов Вислы, Кубок реки Мертвая Висла для спиннингистов, конкурс «Староста года», празднование 80-летия писательницы Анки Ковальской и 60-летия общества городских экскурсоводов, Чемпионат мира по вылавливанию янтаря, международный шахматный турнир, «забег орлов» в Черной Домбрувке и чемпионат Европы по полетам аэростатов (с полным уважением ко всем перечисленным мероприятиям). Он предпочел поручить это дело комиссии по вопросам

эмиграции и связи с поляками за границей. Я не воспользовался этим великодушным жестом, поскольку два года назад, когда мы боролись за то, чтобы попасть в финал кампании «Семь новых чудес природы», названная комиссия, несмотря на многочисленные заверения, ничего не сделала. Однако награды и отличия за успех мазурского края в глобальном плебисците господин Борусевич получил. Господин Маршал, в сенате есть еще люди, которым близка идея заботы о польском наследии. На днях ко мне обратился один из членов верхней палаты парламента, крайне возмущенный вашим отношением, с предложением перечислить в поддержку моего проекта свои сенаторские доходы за два месяца. Вроде бы символический жест, но очень красноречивый.

Впрочем, министр иностранных дел Радослав Сикорский тоже не нашел достаточных оснований для патронажа. Ведь и он, в свою очередь, раздал уже слишком много знаков своего внимания — в частности, уделил его и командному чемпионату Европы по шахматам, и автомобильному пробегу «Польша – Азия», и очередной, уже V международной «Карусели соотуры», и прошедшему в Познани празднованию 65-й годовщины образования государства Израиль.

Что касается финансов, то маршал сеймика Мазовецкого воеводства отправил меня в МИД, но Иоанна Скочек, директор тамошнего департамента публичной и культурной дипломатии, ответила (через три месяца), что несмотря на то, что польско-российское сотрудничество относится к приоритетным направлению, департамент не располагает свободными финансовыми средствами. Похожий ответ пришел и от объединения «Вспульнота польска».

Несколько наивно я рассчитывал на поддержку Центра польско-российского диалога и согласия. В своем обосновании отказа в частичном финансировании Эрнест Выцишкевич, заместитель директора указанного Центра, написал: «Избранная тема проекта действительно может помочь демифологизировать образ Сибири, но лишь в глазах польского адресата, у которого будет возможность получать сообщения СМИ о данном путешествии. Конкурсная комиссия, однако, считает что в случае российского адресата такое воздействие весьма сомнительно». Шокирует недалёковидность лица, которое руководит государственной организацией, созданной как раз для поддержки подобных инициатив.

Уважаемый г-н зам. директора, но ведь образ «бесчеловечной земли»^[1] нужно менять именно в Польше, а вовсе не в России.

Там эта проблема имеет несопоставимо меньший размер. Вы также недооценили потенциал организаторов данного проекта. Именно российские СМИ, начиная с ИТАР-ТАСС или «РИА Новости», были первыми, кто занялся экспедицией по стопам польских исследователей, а газета «Новые Известия» наряду с «Жечпосполитой» обеспечивают ее информационную поддержку. Правительственная «Российская газета» тоже подтвердила свою заинтересованность, причем, как можно предполагать, этот вопрос был предварительно согласован с «верхами».

Прошло более двух лет с момента возникновения Центра польско-российского диалога и согласия, который должен популяризировать идею «примирения» между обоими народами после смоленской катастрофы. Какие здесь имеются достижения? Никаких. Как это видно по текущей ситуации, только впечатляющее фиаско. Слышны даже голоса, что существует риск окончания сотрудничества двух наших центров-близнецов. В тупике пребывает и созданная 11 лет назад польско-российская Группа по сложным вопросам — коллектив экспертов и ученых, назначенных руководством обеих стран и занимающийся серьезными проблемами двусторонних отношений, вытекающих из исторических событий.

Озабоченность политических и руководящих кругов преодолением тех взаимных разладов, диссонансов и воспоминаний о событиях прошлого, которые мешают обновлению и нормализации польско-российских отношений, пахнет двуличием. Нашим элитам не хватает характера и мужества, чтобы громко заявить на публике то, о чем ее представители нередко говорят в частном порядке. Борусевич, Сикорский и прочие не подпишутся под лозунгом польско-российского сближения, потому что при сегодняшней внутренней ситуации в Польше ни от одной из сторон нельзя ожидать слов политической поддержки. Попросту никто не станет жертвовать 30% избирателей.

Доброжелательность россиян

Более открытой представляется вторая сторона. Посольство Российской Федерации в Варшаве разместило на своей интернет-странице информацию о нашей экспедиции, а посол Александр Алексеев написал мне: «Убежден, что такие события представляют собой очередной шаг в развитии более тесных отношений между нашими народами».

На какой-то момент даже смоленская трагедия создала климат, благоприятствующий польско-российскому примирению. Возникновение такого шанса заметил, в частности, Збигнев Бжезинский. «Реакция россиян создает ситуацию, способствующую примирению. Это субъективно, но и объективно тоже. Это ощущается. Мне кажется, что в действиях российской стороны нет игры, все это очень искренне. И очень ново. Поэтому возникли новые, неожиданные возможности более глубокого польско-российского примирения, идущего из глубины сердца», — сказал выдающийся политолог. В дни траура с призывом о примирении выступил и Даниэль Ольбрыхский: «Мы находимся под впечатлением той помощи и солидарности, которые в этих трагических для нас обстоятельствах получаем от российского государства, а также от обычных жителей России. Пусть эта новая кровь, пролитая близ Катыни, объединит нас, пусть поможет нам помириться между собой». К сожалению, тогда этот шанс на перелом в отношениях между обеими странами был заблокирован.

Пришло время закрыть главу, где ведется поиск виновных. Во имя добрососедства и нашего совместного будущего нельзя оставаться жертвами шизофренической исторической политики. Тени прошлого не должны больше закрывать и омрачать нам горизонт. Необходимо преодолеть взаимную рознь и предубеждения, которые рвут появляющиеся порой хрупкие узы, сотворенные из доброжелательности. Нам стоит сделать ставку на молодежь, а также воспользоваться пропольскими симпатиями российской интеллигенции и огромным потенциалом всех тех в российском обществе, кто благосклонно настроен по отношению к нашей стране. Я познакомился не с десятками, а с сотнями потомков наших соотечественников, которых превратности судьбы забросили в отдаленные зауральские земли. Они не всегда считают себя поляками, но каждый раз с гордостью подчеркивают свое происхождение.

Если приложить определенные усилия, то потепление соседских взаимоотношений наверняка лежит в пределах досягаемости, что в дальнейшем давало бы шанс на улучшение отношений между государствами. Важно только, чтобы в нравственном облике правящих элит перестало доминировать извечное право политики — лицемерие.

Яцек Палкевич — путешественник, действительный член Королевского географического общества в Лондоне, член

Русского географического общества.

1. Это отсылка к книге узника сибирских лагерей и одной из ведущих фигур парижской «Культуры» Юзефа Чапского (1896–1993). В русском переводе книга вышла в 2012 г.: Чапский Ю. Старобельские рассказы. На бесчеловечной земле / пер. Е. Барзова, Н. Кузнецова и др.; послесл.: Н. Лебедева, Т. Косинова – М.: Летний сад; Вроцлав: Коллегиум Восточной Европы им. Я. Новака-Езёранского, 2012. – 475 с.

МЫ БЫЛИ ПОЛЯКАМ БРАТЬЯМИ...

Интервью с Владимиром Иосифовичем Уфляндом и Аллой Валентиновной Коврижных, женой Владимира Уфлянда.

Записала Татьяна Косинова для проекта «Польский миф советских диссидентов».

Я шла на интервью с «последним обэриутом», как называли Владимира Уфлянда. Первый раз я его услышала весной 1989 года в ленинградском Фонде культуры. В маленькую комнату набилось около сотни людей, Уфлянд сидел у окна, читал свои дерзкие короткие стихи и матерился. На него кто-то все время шикал, а он хохотал. Он был составителем первого советского издания стихов Иосифа Бродского. В интервью Бродский упоминается только по имени. Я не знала, что главным носителем польского мифа в его семье является жена Алла. Продолжить интервью и авторизовать его я не успела. Владимир Иосифович умер 14 апреля 2007 года.

Владимир Уфлянд: Первым моим знакомым, который свободно разговаривал на польском, был студент московского иняза Стась Красовицкий. Нас с Иосифом [Бродским] просто поразило, что он, во-первых, уйму современных английских поэтов и прозаиков знал, а польских — знал просто всех. По-моему, в это время Иосиф тоже стал пытаться читать на польском языке. При мне он читал на польском вроде бы Галчинского и пересказывал, что там написано. А я не настолько польским языком владел, чтобы по-польски читать. Хотя есть у меня такое интересное наблюдение по поводу польского языка: когда по-польски говорят, я быстрее и больше понимаю, чем когда по-польски читаю, потому что мне разобраться, как по-польски это слово читается, очень трудно.

А еще до знакомства с Иосифом любимым из польских поэтов у меня был Тувим. Когда мы увлекались с [Михаилом] Красильниковым авангардом, то он все время говорил, что, вот, в Польше есть такой поэт, который был авангардистом — Тувим.

— *Михаила Красильникова вы тоже знали, да?*

Уфлянд: Красильникова — конечно! Это же главный автор нашей филологической школы, самый старый. В Ленинграде еще в 1951 году произошло одно замечательное событие. Зимой того года иду я из школы, вижу, на стене висит «Комсомольская правда», и там страннейший заголовок — «Трое с гусиными перьями». Я открыл рот и стал читать. Оказывается, Миша Красильников, Юра Михайлов и еще третий Сокольников (хотя потом я выяснил, что Сокольников к этому отношения никакого не имел) пришли на филфак в подпоясанных рубашках навыпуск, в сапогах и стали на занятиях записывать лекцию гусиными перьями. Потом в перерыве вытащили деревянные миски, деревянные ложки, крошили хлеба, луку, залили квасом, стали хлебать и петь «Лучинушку».

Алла Коврижных, жена Владимира Уфлянда: Хеппенинг такой.

Уфлянд: Хеппенинг такой был. Причем это было самый разгар борьбы с космополитизмом.

Коврижных: 1 декабря был святой день.

Уфлянд: Это было 1 декабря, в день смерти Кирова. И какой-то студент закричал: «Это же троцкистско-зиновьевская провокация!».

Коврижных: А Юра придумал этот хеппенинг, чтобы мне понравиться.

Уфлянд: Преподавательница сразу в обморок упала. Причем их даже не посадили. Их стали исключать из комсомола, но даже все комсомольское собрание курса не исключило. Исключили их постановлением райкома комсомола.

Коврижных: Нарушив устав комсомола.

Уфлянд: Нарушив устав, да. Когда пришли к Александрову (тогда был гениальный ректор университета — Александров, математик), он сказал, что «ни в коем случае не исключу». Но на него как-то надавили, и все-таки их из университета...

Коврижных: Он их не сдал.

Уфлянд: Он их не сдал... Главное, что их не посадили. Они год проработали на заводе, потом их восстановили. Вообще, это было потрясюще. Я когда увидел Красильникова, говорю: «Ты что, живой Красильников?» «Да, живой.» (смеется)

— А когда вы его потом увидели?

Уфлянд: Я его увидел в 1954 году. Организовали на филфаке литобъединение под руководством такого советского поэта...

Коврижных: Хаустова.

Уфлянд: ...Хаустова. Это был такой советский поэт, но оказалось, что втайне он поклонник Ахматовой. И потом под конец, когда уже ЛИТО чуть не разгоняли, он вдруг стал нам Ахматову читать. Мы говорим: «А откуда вы Ахматову-то знаете?» Ее тогда не издавали. Потом у нас еще в школе была учительница литературы, которая нам все долбала эту самую советскую литературу, а потом уже притаскивает такую затрепанную тетрадочку, открывает, начинает читать Северянина, Гумилева, Ахматову. (смеются) Мы говорим, что же вы, Анна Ивановна, — так ее звали, — нам десять лет мозги пудрили? (смеются оба) Когда, оказывается, существуют такие хорошие русские поэты?

— А что она сказала?

Уфлянд: Она сказала: «У вас же в программе этого нет». Ха-ха-ха.

Коврижных: Да уж. Сами себя формировали.

Уфлянд: Я всем говорю, когда меня спрашивают: «Ты диссидент?», я отвечаю, что не диссидент, потому что когда диссиденты только начали [что-то] понимать, я уже все знал про эту советскую власть, и что Сталин — душегуб. Уже все знал. В 51-ом меня мама на лето повезла в такое местечко Лишпе, оно около Даугавпилса в Латвии. Мы снимали комнату в избе у старообрядки. Эта старообрядка была замечательная, она ходила по улице и говорила: «Сталин — душегуб». 1951 год! Все латыши и русские прятались в канаву, чтобы сделать вид, что они этого не слышали. Я у нее спрашиваю: «Бабушка, — хотя сейчас я вспоминаю, что она была младше, чем я сейчас, лет на двадцать — почему вы говорите, что наш великий вождь товарищ Сталин — душегуб»? Она говорит: «Ну, как же? Гитлер убил в Бишках всех евреев, а Сталин — половину латышей, а половину русских. Я тебе могу показать место, где их расстреливали, — говорит, — настоящий душегуб. Я была девчонкой. А там такой вроде бы овраг. Расстреливали так, что все падали в овраг. Потом тракторами только заровнять землю — и все». Говорит, вот, на этом холмике, латыши и русские лежат.

Коврижных: У всех у нас опыт был трагический...

Уфлянд: О, да... Потом я взял у нее Библию и стал читать. Говорю: «Бабушка, а почему я раньше читал Библию – ничего не понимал, а сейчас читаю и все понимаю»? А она говорит: «Это Ульман нам в двадцать седьмом году сделал, издал русский перевод Библии». Перевод был не на церковно-славянский, а на русский.

Коврижных: То, что наш Синод до сих пор не может сделать.

Уфлянд: Я читаю — все понимаю. Раньше с таким трудом понимал, что там написано...

Коврижных: Потому что на филфаке не учился. Старославянский язык же скрывает все языки. Один курс исторического языка, и мы все читали Библию. А мне папочка так объяснил хорошо, я это ухом услышала. И это было до войны, все было...

Уфлянд: А потом вышла такая антология «Самиздат века», приехал Леша Лосев из Америки, и ему подарили том, он там тоже есть. Я открываю просто на удачу, читаю: «7 ноября 1956 года Леонид Виноградов на Дворцовой площади развернул плакат “Свободу Венгрии”, за что был посажен, и с ним пострадал Уфлянд». Я звоню потом: «Кто это написал?» Витя Кривулин. Я ему: «Витя Кривулин, ты же в это время, когда это было, еще писал в пеленки. Ты бы позвонил мне и спросил, как это было на самом деле? Виноградов же никогда в жизни на демонстрации не был. Он просыпался в 12 часов, когда уже все демонстрации кончались». А на самом деле было так. Миша Красильников стал кричать: «Да здравствует кровавая клика Тито-Ранковича!» Все кругом кричали: «Ура!» (смеются) А как раз тогда только что с Тито помирились. Потом он крикнул: «Да здравствует кровавая клика Имре Надя!». А ведь только что ввели войска в Венгрию. Танки. Все кричали: «Ура!».

Коврижных: Это им мало было, значит, того хеппенинга.

Уфлянд: Нет, Красильников — король хеппенинга. Он...

Коврижных: Он через два года это опять повторил, чтобы его конкретно посадили.

Уфлянд: Он на демонстрации это повторил. Его тут же посадили в машину, и он сидел четыре года в мордовских лагерях. Там...

— А это было при вас?

Уфлянд: Нет, это было не при мне, я в это время в армии был, поэтому я не мог пострадать вместе с Красильниковым.

Коврижных: Это при нас было, при нас. Когда вызывал следователь... Потом процесс же шел, меня вызывал следователь. А Юры не было. Они же были неразлучные друзья, Юра и этот Миша Красильников. А так как Юра уже как бы ко мне пришился...

Уфлянд: Юра бы никогда в жизни не пошел на демонстрацию.

Коврижных: Нет, Володя, он пошел, но только вместе со мной. Он был в это время в другом месте. Мне следователь потом говорит: «Вот видите, Юра тоже должен был сесть. Только благодаря вам он не попал в эту историю». Тогда они еще либеральные были. Хрущевские следователи. «Ваша миссия в жизни, — говорит, — уже совершенно ясна: вы должны спасти Юру, вы должны быть с ним, потому что он обязательно еще раз попадет». С Красильниковым они были неразлучны с первого курса. Веселые оба такие, издавали...

Уфлянд: В отличие от Юры Михайлова Миша Красильников был пьяница. Он же все кричал в пьяном виде. Когда его потом допрашивали: «А что вы кричали?». Он говорит: «Я не помню, что кричал, я выпивши был с утра».

Коврижных: Но все подхватывали дружно.

Уфлянд: Все дружно кричали: «Ура!».

Коврижных: Да, он был молодым пьяницей. Но красив был... Он был неотразим. Миша Красильников был прекрасен.

Уфлянд: Когда он выпивал, он еще красивее становился.

Коврижных: Он был такого обаяния человек, что люди шли за ним, в какую бы сторону он не пошел. Такой был мальчик особенный. Он потом, в Риге, совершенно сгубил свою жизнь. Он рижанин. У самого известного художника он отобрал возлюбленную. Я ее понимаю, Эрну, за Мишкой невозможно было не пойти. И во время последнего нашего с ним разговора по телефону он рыдал, потому что Эрн умерла раньше его. Видимо его алкоголь уничтожил ее жизнь. Она его любила, такая вообще была красивая пара, но вот из любви этой великой и прекрасной ничего не вышло. Они лежали одновременно в двух больницах. Она от рака умерла. А он от чего умер?

Уфлянд: У него какой-то глубокий insult был в конце, такой, что он уже разговаривать не мог и не слышал ничего. Но сам Красильников полонофилом точно не был, хотя у него был любимый афоризм, он говорил, что польский язык похож на французский, потому что произношение такое же. (смеется) Он говорил, что когда по-польски говорят, то непонятно это по-польски или по-французски, ясно только, что не по-русски и что-то такое интеллигентное. У Красильникова было что-то такое, я не помню, любимое из Тувима... А мне как раз нравились какие-то тувимовские шутки.

Коврижных: Фрашки.

Уфлянд: Даже просто какие-то афоризмы-анекдоты, да. (смеется)

Коврижных: Я думаю, что у них ироническая поэзия прекрасна. Ах, вот это им удастся, в этом с поляками никто не сравнится.

Уфлянд: У них Тувим это такой... иногда смешной просто поэт. Я до сих пор думаю, что в европейском абсурдизме есть что-то такое, что-то от Тувима. Хотя я всем говорю, что в России абсурдизм появился раньше. Кузьма Прутков, вернее его главный мотор Алексей Константинович Толстой — это же вообще гениальный, самый официальный и самый неофициальный поэт в России — он жил, когда ни одного абсурдиста в Англии даже в проекте не было.

— А что вам было близко в Польше, в поляках? Что-нибудь в них вас вдохновляло?

Уфлянд: Все время. Задолго до того, как Иосиф [Бродский] уезжал, у нас появилось — не в продаже, а в подписке — много польских журналов. Мы сейчас как раз перетряхивали свою библиотеку, у нас, по-моему, «Экран» был? Залежи, да? (вопрос жене).

Коврижных: А скажи, какой журнал мы все время читали? «Шпильки»!

Уфлянд: Нет, ну, «Шпильки» — это само собой. Польские «Шпильки» — это был вообще мой любимый журнал. Я тогда был потрясен, что понимаю по-польски даже юмор! Правда, у них довольно простой юмор, такой доходчивый, ситуационный. Все время читали «Шпильки», потом еще какой-то «Пшекруй»...

Коврижных: Нет, «Пшекруй» — это был интеллигентский журнал. Со Славомиром Мрожеком. Там была «Хистория

польска» в картинках. Боже, какая это была прелесть! Эта самоирония — это такая прелесть! Я никогда не забуду одну картиночку: в конфедератке стоит такой лихой, стройный поляк и крутит шашкой, у него нога отлетает, а он этого не замечает. (Общий смех.) Это такой польский характер. Ради красного словца ножки можно лишиться.

Уфлянд: О Польше я долгое время вообще очень мало знал, вот когда стал читать Мрожека, я стал интересоваться, а что же там еще в польской литературе было? Например, Мицкевича, я помню, вообще в свое время терпеть не мог — какой старомодный и неуклюжий поэт, по сравнению с нашим Пушкиным или Лермонтовым, или Байроном.

— *«Шпильки» и «Пшекруй» вы выписывали?*

Коврижных: Ну, видите ли, дело все в том, что наш брак с Володей второй, а первый мой муж, с которым я училась в университете, Юра Смирнов, Юрий Леонидович Михайлов, вот с ним у нас была такая полонистика! Юра выписывал огромное количество польской прессы! Юра тоже знал Красильникова, все круги смыкались. И к нам домой приходили, я буду просто перечислять: «Шпильки», «Кино», «Кобета и жиче», «Пшеглёнд культуральны», «Политика», «Штандар млодых», все спортивные польские журналы и наверняка что-то еще. И мы все это читали. Юра сохранил все эти газеты. Вообще мы поглощали современную культуру на польском языке, потому что читали западную литературу в польских переводах. «Пшекруй»! Муж от меня его прятал за стиральную машину, потому что когда я получала «Пшекруй», то забывала все. У меня двое детей — я забывала. Пока я «Пшекруй» не прочитаю, я просто в реальность не возвращаюсь. Я его находила то там, то здесь — Юра получит и спрячет, чтобы я не отключалась вот так сразу. В нашей с Юрой семье большую часть моего времени занимала польская пресса, потому что наших газет мы не читали, оттуда нельзя было взять ничего, кроме отвращения.

— *Польские газеты и журналы вы специально выписывали?*

Коврижных: Да, абсолютно специально.

— *А с какого года?*

Коврижных: Я думаю, что когда мы закончили университет, это был 1957 год, с тех пор и всю оставшуюся совместную жизнь с моим супругом Юрой Смирновым мы читали по-польски. И даже дети получали «Мишку Ушатека». Что еще можно было им выписывать? Конечно, польское. Это было абсолютное

погружение. А «Пшекрую» я бы просто поставила маленький памятник, потому что это был фантастический журнал.

Уфлянд: Я до сих пор не знаю, что этот «пшекруй» — то по-русски значит?

Коврижных: Ну, я думаю, это «разрез», «крой», «перекрой». Это, по-видимому, была еще краковская ментальность, потому что варшавяне — одно, а краковяне — это другое, они ироничны насквозь, и щедрость юмора в этом журнале зашкаливала вообще за все человеческие возможности. Это был такой праздник всегда! Там был еще замечательный маленький раздел женской моды. Они умудрялись в каждом номере дать обзорение всех французских новинок. Я уже говорила, тогда появлялась Бриджит Бардо. Это была новая женственность XX века — раскованная, кокетливая, капризная. Она же дала миру новую женскую ментальность. Она и в реальности, и в жизни была такой странной и неуправляемой дамой, но она была обворожительна от кончиков волос до пяточек. И «Пшекруй» ее так пропагандировал, в течение целого года каждый номер был нафарширован этой Бриджит. Как я понимаю, они формировали какой-то свой женский тип.

Уфлянд: Вообще вся мода шла через Польшу.

Коврижных: Только.

Уфлянд: ...только через Польшу. Если бы у нас не было польских журналов, мы бы вообще не знали, в чем люди ходят на Западе.

Коврижных: Да, у нас закрытая страна была.

Уфлянд: Да, очень закрытая была страна. У нас эта мода была просто хуже политики.

Коврижных: Долгие годы я формировалась как женщина через польские журналы. Это абсолютно точно. Их полстранички моды для меня были пищей для размышлений, для переваривания. Мне не нужны были больше никакие журналы.

— Это имело какие-то практические последствия?

Коврижных: Естественно.

Уфлянд: Конечно, смотрели, чего там они носят, это очень влияло.

Коврижных: Формирование облика, формирование женского типа. Я тогда очень молодая была, только закончила

университет, девочка. Я помню, [в 1957 году] ехала на международный фестиваль [молодежи и студентов] с Юрой в Москву. Купить билет из Петербурга в Москву было нельзя, они не продавались, и мы ехали на перекладных, на дачных поездах. А я в брючках поехала. Меня милиционер задержал на какой-то станции: «В брюках не поедешь». Я говорю: «Хорошо, не поеду. Подойдем только вон к тому киоску. Пожалуйста, это вы можете сделать?» «Могу». Я подошла к киоску и говорю: «Дайте, пожалуйста, модный журнал». Открыла, показала ему брюки. Советский журнал. Я говорю: «Ну, что? Вы меня арестуете сейчас? Я взяла это отсюда».

Уфлянд: Я удивляюсь, какой ты советский журнал нашла, где были брюки? (смеется)

Коврижных: А я же глазастая, вижу, журнальчик знакомый... Платье, которое я везла с собой, я сшила сама. Был такой фильм французский, и Дени Робен (тогда еще мы французскими и итальянскими фильмами очень увлекались) была на пляже в этом платье. Я взяла, ап, и быстренько его сшила — такая тоненькая-тоненькая, нежная клетка, а тут такой волан большой, простенькое. А тогда даже этого не было. И на фестивале я вышла за европейку, Юра, за меня уцепившись, проходил. Я тряхну головой и иду, как иностранка, а он за мной (смеется).

Уфлянд: У нас с Красильниковым был приятель-художник. Он нас пригласил в свою мастерскую. У них была одна мастерская с Ильей Глазуновым, они там писали дипломные работы. Я вхожу, прямо в меня упирается черный ствол танка огромного диаметра. Это, оказывается, дипломная работа Глазунова. (Алла Коврижных смеется) Стоит танк в натуральную величину на полотне примерно десять метров на пять, во входящего упирается стволом. Он перспективу разжигал: у него ствол в начале узенький, а в конце диаметр этого ствола был примерно пятьдесят сантиметров. И там мы с Красильниковым обнаружили, что у них много белил, и все свои ранты на ботинках раскрасили. Мы вышли, все кричат: «Стиляги!» (смеются оба)

Коврижных: Ой, смешные, мальчишки смешные. Девочки только шить начинают, а эти..

Уфлянд: Да, а мы ранты ботинок красить белилами.

Коврижных: Вот мы так смешно жили, потому что мы были закупорены и настолько всего лишены, что это уже была такая борьба.

Уфлянд: Это было в тот день, когда должен был приехать Тито. Почему-то он должен был по Большому проспекту Васильевского острова проехать. И мы с Краси́льниковым сели в пивную и говорим: «Вот когда проедет Тито, мы из пивной выйдем и посмотрим». Так и прождали. Мимо проехал Тито. А если еще вспоминать о польских журналах, то, по-моему, самый читабельный был «Фильм», потому что там писали про актеров и актрис.

Коврижных: А я еще работала на «Ленфильме», и как-то очень много было тогда контактов с поляками. Все-таки наши культуры больше тогда смыкались. И все, что о «Ленфильме» писали по-польски, я переводила для дирекции. Была у меня и такая обязанность. Директор говорил: «Ты мне все, что «Ленфильма» касается, все переводи». И я ему отдавала все эти переводы. Мало того, в директорском зале я переводила все новые польские фильмы, которые к нам попадали. «Поченг» Кавалеровича я переводила несколько раз. Я его уже наизусть знала, в то время он почему-то очень пользовался спросом.

— *Это был дубляж?*

Коврижных: Нет, я просто устно переводила. Как приходил польский фильм, меня сразу вызывали в директорский зал, и я прямо с экрана переводила. Сразу же.

— *Вы учили польский язык в университете?*

Коврижных: Я никогда его не учила. Я его знала из-за того, что всю культурную информацию мы поглощали по-польски. Я вам перечислила, какие журналы к нам приходили... И в Польше я была потом неоднократно. Обычно мне приходилось быть переводчиком. Я как бы брала на себя эти функции, не помню, то ли переводчица, то ли гид не знали русского, как-то невольно получилось. Я никогда не учила польский. Просто, видимо, из-за этого «Пшекруя». Это был обворожительный журнал, просто прелестный. Там был, например, год Бриджит Бордо, когда она была в каждом номере. Это был новый тип женщины. Она тоже создавала русскую феминистическую... — нет, не культуру, — моду!

Уфлянд: Ну, и кино! Тогда польское кино было...

Коврижных: Польское кино было настолько прекрасным. Но, к сожалению, они тоже погасли как кинодержава.

Уфлянд: Они много-много лет...

Коврижных: И долгие годы, когда я в кино уже не работала, все новые польские фильмы я ездила смотреть на «Ленфильм». Польская культура для петербургской интеллигенции была очень серьезной, очень существенной частью культуры.

— *А с чем вы это связываете?*

Коврижных: Я это могу связать только с тем, что условия существования в Петербурге культурного человека, который интересуется не только, предположим, домом (приготовить еду и прочее), были весьма ограничены. А Польша тогда еще, при советском режиме, была очень тесно связана с Европой. Там возникали переводы интересных книг. Там, но не здесь. И поэтому мы вынуждены были все читать по-польски. Мы читали Картасара, ну, все, что можно было тогда узнать впервые — это можно было узнать только по-польски. Польский стал обиходным языком в каких-то кругах петербургской интеллигенции. Это я могу сказать абсолютно точно. А Иосиф! Иосиф, который выучил польский. А учить его было невероятно легко, мы же филологи. Все-таки славянская грамматика, которую нам основательно преподавали, позволяла просто брать польскую книгу и читать сразу. Сначала с трудом, может быть, а так как стимулы были большие — журналы просто приходили — то мы учились без единого учебника, не заглядывая в грамматику. Я его знала довольно хорошо. Поэтому когда я в Польше первый раз оказалась, то выяснилось, что я могу переводить с польского. А потом я нахально говорила с поляками, они совершенно все понимали, наплевать, что я ошибаюсь, но все равно это было возможно. Вот так. А потом это все ушло. Потому что когда хлынул поток нормальной информации, польский отошел за ненадобностью.

— *Когда это случилось?*

Коврижных: Ну, наверное, уже где-то в восьмидесятые можно было без польского обойтись... Раньше это был язык абсолютно необходимый. Мы бы просто ничего не узнали о современном состоянии литературы, культуры, если бы не общались с польской культурой. Вот это абсолютно точно.

— *А из каких-то событий политической жизни что-то для вас было важно, интересно?*

Уфлянд: Я потом узнал, что в польском сейме, когда шло голосование, если один был против — все, уже решение не принимали. В Новгородском вече то же самое было: если один был против на вече, все, решение не принимали. Так же, как в польском Сейме.

Коврижных: В польском характере было что-то для русского человека интересное. Вот этот гонор польский, такое самоуважение, то есть то, чего русского человека лишили крепостным правом и всеми этими диктаторскими периодами. Польский характер, это же характер с игрой, с каким-то таким внутренним шармом. Это было все для русского приятно, потому что русские они, как бы, такие глыбы, а поляки утонченные. Это все славянская кровь, но другая, два разных полюса. Поэтому было интересно.

Уфлянд: Да, вообще Польша — это очень такая странная нация. С одной стороны, они славяне, а с другой стороны, они уже немцы.

Коврижных: Нет, не немцы, они очень на французов были ориентированы.

Уфлянд: Чехи, чехи — очень немцы. Вот, например, у меня любимый писатель вообще Карел Чапек. Это такой уже западный писатель насквозь.

Коврижных: А поляки на французский менталитет ориентированы. Они жантийные, они пикантны. А русские им неприятны, все русское им очень неприятно. Это органично, это просто в крови, и с этим ничего сделать невозможно. Не знаю, что с этим делать?

Уфлянд: Я сейчас по телевизору видел кусочек фильма, там идет речь про времена Богдана Хмельницкого. Идут казаки на Польшу и тащат с собой татар. Они в союзе были с татарами. Богдан Хмельницкий от Польши отделился, потому что он в союз с крымскими татарами вступил, а так бы ему от Польши никогда не отделиться, потому что русская армия в те времена была не помощник.

Коврижных: Да, история взаимоотношений России и Польши драматична. И она очень травмирующая для поляков. Абсолютно невозможно ничего сделать в ближайшей перспективе, просто это уже укоренилось. [...] Исторически они все-таки — сколько я слежу по всем политическим линиям — всегда кооперируются против России. Вот с Украиной, к примеру. То есть они поощряют все антироссийские выпады.

Уфлянд: У них гимн одинаковый: «Еще Польша не сгинела. Еще не вмерла Украина».

Коврижных: Мы имеем таких соседей, что не имеют желания с нами общаться.

— А было что-нибудь, что вам было неприятно в поляках, в Польше?

Коврижных: В поляках? Во-первых, невероятный снобизм дам. Полек... Было любопытно. Когда я приезжала в первые несколько раз (сначала это было довольно часто), мне было любопытно смотреть на лица польских женщин. Потому что все они — паненки, они не играют, они несут в себе некий уровень самоуважения, который всех остальных сразу же понижает. Это у них во взглядах: она так смотрит, так себя ведет, так держится. Русской женщине надо играть это, быть актрисой, чтобы дотянуться до такого самосознания. Это все воспитывается. Как только я в их телевидение погрузилась, я стала понимать, откуда это все берется — вся драматургия работает на женщину. По телевизору я смотрела пьесу, в которой [женщина] просто пуп, королева. Драматург, когда пишет, он это делает неосознанно, он играет женщину. И я понимаю, что это неистребимая черта менталитета — женщин они очень возвышают, их культуре это очень органично, по сравнению с тем, что у нас происходит. Не могу сказать, что это на западный манер или на французский, нет, это чисто польская черта. Женщина у них окружена каким-то пиететом. Может, это мне так попало, но я смотрю польским женщинам в глаза. Помню, нас обслуживала фантастическая польская красавица в маленьком кафе. Вот ходит королева, она не делает себя королевой, она просто в самосознании хороша. Думаю: «Надо же, как это воспитывается?» А потом я поняла, как это воспитывается. Мы по магазинам болтаемся, и как-то так параллельно мама с дочкой, девочке лет четырнадцать. Мама в прелестной шляпке, они смотрят, с мамой все обсуждают, мама взяла с собой подругу, женщину, они ходят и выбирают. Я просто за ними шла, мне было интересно смотреть, как это все происходит.

— А у вас, Владимир Иосифович, было что-то, что шкрябало?

Уфлянд: Нет, у меня по отношению к Польше ничего такого не было.

Коврижных: Нет, его не интересуют какие-то «особенности национальной охоты». Во-первых, политическая [пресса] у них [была], «Культура», журнал «Политика». Или газеты это были? «Пшеглэнд культуральны». Это были очень серьезные газеты. И там были великолепные философы и политологи. Там был Михник. И это было всегда на очень хорошем уровне, на европейском, поэтому было очень интересно. Вот.

А уж что касается кино — что и говорить!.. Это славянское кино, и славянской душе оно многое открывало.

Уфлянд: Но а насчет Польши я вспоминаю, что когда вышел первый фильм польский, который я помню, это где Цыбульский играл, «Канал», по-моему... Нет, «Пепел и алмаз». «Пепел и алмаз». Во-первых, обаятельнейший такой актер Цыбульский был. Я вообще до сих пор считаю, что самый лучший фильм, который я когда-нибудь посмотрел, это польский фильм «Рукопись, найденная в Сарагосе». Там тоже Цыбульский играет. Великолепный фильм.

Коврижных: А мне приходилось переводить большее количество польских фильмов. «Поченг». Я уже говорила об этом. Его и другие польские фильмы очень часто, бесконечно прокручивали на студии. Люди учились на них, вот это я могу сказать с большим удовольствием. Почему еще я была востребована на «Ленфильме» как переводчик? Вот в шестидесятые годы начинает снимать какой-то режиссер. Обычно составляется список фильмов, которые он хотел бы посмотреть перед началом, чтобы войти в настроение. Привозили из Госфильмофонда массу старых фильмов. И самое интересное, что режиссеры обязательно смотрели польские фильмы. Для вдохновения.

Уфлянд: Сначала был итальянский неореализм. Потом, когда неореализм кончился, начался польский фильм.

Коврижных: Это была загадка для русских кинематографистов. В них была такая скрытая поэзия.

Уфлянд: Замечательный был взлет, да.

Коврижных: Такая поэзия восприятия сюжета, ритмы такие были, это была вообще тайна польская. Как они монтировали, как они...

Уфлянд: Вообще артисты были какие, я помню, до сих пор моя любимая актриса Бася Квитковская.

Перебивают друг друга, фамилии актеров перечисляют хором.

Коврижных: Этот самый роскошный Цыбульский. Потом Ольше..., не Ольше...

Уфлянд: Ольбрыхский.

Коврижных: Ольбрыхский! По-русски говорил идеально. А я ведь часто ездила в Польшу в те годы, я видела на сцене

Ольбрыхского. Это замечательно! Ой!.. «Сиренка», по-моему, такой театр был. Господи, какое это было счастье! Мы были заражены Польшей.

Уфлянд: Для меня Ольбрыхский был настолько поздно... Когда я какой-то фильм с Ольбрыхским дублировал, он мне все время жутко не нравился. Потому что у него, во-первых, роль была какая-то дурацкая, что-то про довоенную Польшу, где-то в каком-то поместье что-то происходит, он какой-то молодой помещик. То есть это такая тургеневская какая-то история. Я говорю: «Какого черта здесь Ольбрыхский затесался?». Ха-ха-ха.

Коврижных: Он породистый поляк.

Уфлянд: Породистый поляк был, да. Породистый был.

- А вам приходилось дублировать в том числе и польские фильмы?

Уфлянд: Ну, я дублировал, главным образом, индийские фильмы, потому что мне сказали, что прокат одного индийского фильма окупает все производство «Ленфильма» за год. Ха-ха.

Коврижных: И мы делали много копий для Средней Азии.

Уфлянд: Мы делали 16 копий.

Коврижных: Просто потому что у них самосознание идентично. Средняя Азия давала такие сборы, что любой индийский фильм — это бюджет всех студий.

Уфлянд: Бюджет. Да, весь «Ленфильм» на индийских фильмах держался. Ну, всякие [дублировал]. Это же от языка не зависело, потому что я подстрочник получал, а потом смотришь просто по губам, какой русский текст на это ложится. Это была одна из самых адских работ, которые я в жизни делал. Потому что это придумать фразу, чтобы и смысл в ней был, и чтобы это совпадало с артикуляцией. Это просто дикая работа.

Коврижных: Это, между прочим, абсолютно наше, советское изобретение — дубляж. Титры не существовали.

Уфлянд: Я потом понял, для чего вообще ...

Коврижных: Володя догадался.

Уфлянд: ...дубляж существует. Потому что когда приходит фильм, скажем, английский или польский, из Москвы с ним

приходит бумага: вот это, это, эти места убрать. Но человек-то все время говорит, значит, надо что-то выдумать, совершенно противоположное тому, что говорит этот человек. [...]

Коврижных: Каждый фильм сопровождался инструкциями, что надо обязательно вырезать, выбросить.

Уфлянд: Да, почти весь польский фильм надо было переделывать. Почему? Потому что я помню, что, по-моему, вот этот самый «Пепел и алмаз», [когда] я первый раз смотрел, он был недублированным. Там просто за кадром кто-то читал перевод. Причем эти места, которые потом уже были выброшены и задублированы, он просто не переводил, потому что там шла антисоветчина. Ха-ха-ха.

Коврижных: Естественно, все это было причесано.

Уфлянд: Но кто-то там сидел, потому что польский язык не такой уж непонятный — все догадывались, что там речь идет о чем-то таком антисоветском.

— А что это за просмотр был без дубляжа? Это какой-то закрытый просмотр?

Коврижных: У нас был такой директорский зал, рядом с кабинетом директора, и вот там проходили закрытые просмотры.

Уфлянд: Дело в том, что перед тем как дублировать, весь фильм резали. Вырезали из него все эти места, где какое-нибудь, что-нибудь сексуальное было или что-нибудь политическое. А тогда мы смотрели невырезанный фильм, это был действительно настоящий фильм. Кирилл Владимирович жутко матерился, когда все эти самые сексуальные сцены...

Коврижных: Он считал, что это я виновата. Я говорила: «Либо мы это вырежем, либо как-то...»

— Кирилл Владимирович это кто?

Уфлянд: Кирилл Владимирович Успенский, он же Косцинский.

Коврижных: Диссидент, который и писатель тоже. Сидел.

Уфлянд: Он не то чтобы полонист, он вообще даже читал по-польски.

Коврижных: А кто не читал по-польски? Ты один, наверно, и не читал.

Уфлянд: Я один не читал. (смеется)

Коврижных: Мы – вообще, мы столько времени убили на чтение по-польски, это что-то немыслимое.

Уфлянд: Я говорил, Кирилл Владимирович, признайтесь, вы поляк? Он говорил, нет, Успенский — это старая русская фамилия. Ха-ха-ха.

Коврижных: На самом деле в рамках такого тотального коммунистического государства жить [было] даже интересно... Господи, столько можно получить удовольствия от тайных всяких перепечаток! Вся эта библиотека!

Уфлянд: На примере польского фильма можно было понять, что запрещено, а что не нравится, потому что все было запрещено. То есть поляки даже в уме не имели...

Коврижных: Удивительно свободна была Польша....

Уфлянд: Они не имели в виду коммунизм оскорбить, ничего такого, просто говорили то, что есть. И это все надо было вырезать, переделывать, потому что иначе все бы подумали, что поляки издеваются над Советским Союзом.

Коврижных: Да, они были свободными. [...] У нас почему-то шли фильмы с таким количеством стихов! Это довольно сложный дубляж. Я написала начальству письмо, что мы должны вставлять в титры авторов стихов, потому что стихов слишком много. Но они тут же поняли мой маневр — ну, Иосиф же работал все время (смеется), — мне говорят: «Ваша задача — следить за тем, чтобы одиозные личности не попадали в число авторов, а вы как раз наоборот...» То есть — открытым текстом. Но, собственно, меня и поперли из-за этого, наверное.

Уфлянд: А меня как раз все поздравляли, потому что одно время во всех дублированных фильмах автор текста — Уфлянд. Мне говорят: «Ты что миллионер»? Я говорю: «Какой миллионер?» «Ты же все дублируешь эти фильмы, а их смотрят миллионы людей». Я говорю: «Мне за дубляж одного фильма платят двести рублей». Они говорят: «Как? Ты же должен миллионером быть» (смеется).

Коврижных: У нас были настолько садистские законы, после войны, в сорок каком-то году приняли положение, по которому сумму авторского гонорара уменьшили, наверное, раз в пять. И все пишущие, и режиссеры все стали получать гораздо меньше. Вот до войны, действительно, деньги были хорошие

для всех работников кино. Довоенные правила делали людей состоятельными.

[...]

Коврижных: Все-таки, несмотря на неважное отношение поляков к России... У меня там троюродная сестра замуж вышла, я потом уже к ней очень часто ездила, я раз восемь-девять там была. Она очень смешно рассказывала, она говорит: «Все забыли, что я русская. Забыли все. Но всегда день начинается с „Опять от этих москалей хренова погода!“» (смеется) Все равно день начинается с проклятий в этом направлении, на восток. То есть у них настолько стойкое отталкивание, я боюсь даже, что до сих пор. Во всяком случае, я его ощущала. Хотя когда к нам на «Ленфильм» приезжали польские режиссеры, и меня звали переводить, то при персональном общении всегда все было замечательно. Им, видимо, нравилось, что здесь их так ценят, что любят всё, что связано с польской культурой, поэтому я в этом отношении комфортно всегда себя очень чувствовала.

— *А что вы думали об этих упреках в сторону востока?*

Коврижных: А я их принимаю, потому что это очень понятно. Это очень понятно. Начиная с Пушкина, мы все это знаем, и вообще... Есть какая-то драматическая линия этих отношений. И конечно, это огромный медведь, который тут рядом, и готов вот так вот лапой прихлопнуть или стегнуть, это все очень понятно. Персонально они с большим уважением всегда относились к интересу, который к ним испытывают. И я никогда этого не чувствовала и не замечала. И потом они всегда фантастически галантные люди, очень вежливые. Это форма одна чего стоит....

Я помню, мой первый муж очень интересовался спортом. Причем он был специфический человек, очень память большая. И он все время составлял какие-то десятки, во все спортивных соревнованиях. Он еще был очень увлеченный статист. И он печатал эту свою статистику во всех польских спортивных газетах. Потому что куда ж еще это направишь? Тут никому ничего неинтересно, никакого научного подхода к спорту, а все там. И поэтому у нас были еще такие персональные связи со спортсменами. У меня как-то было такое путешествие по Польше, так вот эти статисты настолько мне украсили поездку! Они были благодарны за профессиональную связь с Юрой, они меня везде возили, перехватывали, передавали друг другу. Вот такие персональные связи были просто идеальными.

— *Что значит спортивная статистика?*

Коврижных: Он брал легкую атлетику, все виды, делал статистические таблицы мировые, европейские. У него была феноменальная память, и поэтому эта игра в статистику была для него очень важной.

— *Он этим профессионально занимался?*

Коврижных: Он этим занимался профессионально, он много писал о спорте, он был спортивным журналистом лет десять. Он был ходячей энциклопедией, потому что у него в голове умещались все секунды по всем видам легкой атлетики. [...] Что касается Польши, то это часть нашей жизни.

— *А вот скажите, как вы жили с такой странной дилеммой? С одной стороны, вы — часть этого медведя, потому что вы все-таки гражданин этой страны, а с другой стороны, вы, вроде как, человеческое его лицо. И представляете некую другую сторону, иную. Как это уживалось в вас? Не было внутреннего конфликта?*

Коврижных: Конфликта не было никакого, потому что вообще-то это был очень большой круг людей. Причем все мы друг друга в Питере знали, и в Москве. Эти круги фантастическим образом все соединялись.

— *А на чем соединялись? Как это происходило?*

Коврижных: Мы были диссидентами, не политиканами-диссидентами, мы были диссидентами внутренними. По самовоспитанию, по отношению к реальности, по всему. Мы были диссиденты. Но были диссиденты, которые делали из этого профессию и образ жизни, а мы просто имели свою точку зрения. А самая ближняя страна диссидентствующая мощно, органично, — это была Польша. Поэтому мы просто чувствовали духовное родство. Когда мы смотрели фильм замечательный, сейчас я не могу... «Канал»? (спрашивает мужа).

Уфлянд: «Канал»! Да!

Коврижных: Великолепный! Когда они... У меня даже может слеза брызнуть... Когда они стоят в этих катакомбах, напротив орудия, и молчат. А тут расправа идет. Мы были поляками тогда (со слезами в голосе). Потому что это была наша общая беда. Медведь это нас давил, уничтожал.

— *А вот скажите, мне очень интересно, вот, допустим, в 1956 году вышел фильм «Канал». Вы его смотрели. А вот своим*

родителям вы не задавали вопросы по этому поводу?

Коврижных: С родителями можно было только... Вот однажды было: обед, отец пришел нас навестить. У меня маленький ребенок, колясочка стояла на балконе, я побежала, чтобы проверить. А муж с отцом остались... И когда я вернулась, они уже врукопашную...

Уфлянд: Ха-ха-ха.

Коврижных: Потому что... Потому что это были очень серьезные противоречия. Отца я любила безумно, я была его любимой дочкой, и я не спорила с ним. А муж уже не мог не спорить. Потому что со всеми стариками в нашей жизни без конца велись бесполезные споры. Потому что менталитет это вещь... просто как кожа, ее сбросить невозможно.

— А как эта «кожа» формировалось? На чем она, я не знаю, структурировалась? Если родители, школа, комсомол, не знаю, коммунальная жизнь, постоянная пропаганда, радио советское...

Коврижных: Любовь к родине была фантастическая, потому что война была уже в нашей жизни очень сознательно воспринята. Я была в эвакуации. Я Володе недавно рассказывала, какие мудрые были учителя, потому что во втором классе на перемене всех детишек — это сельская школа была — выстраивали у стеночки и мы все пели «Войну священную». Все дети. Это было очень органично. Это был такой истинный патриотизм, и мы были фантастическими патриотами (слезы в голосе). Война — это была наша боль. Потому что убивали, убивали и убивали детей, сыновей наших бабушек, соседей, двоюродных братьев. Это было ужасно. А отношение к Советам, к Сталину было совершенно определенным. Я была еще из такой семьи. Когда папа выходил курить с приятелем на кухню, я всегда за ним тянулась и слушала все разговоры, потому что я от папы не отлипала. А он говорил до войны, я еще совсем девочка была, лет пять мне, может, было, что будет война с Гитлером, и что Сталин — это второй Гитлер, и вообще, это война двух зверей. Вот как мы воспитывались. Я все понимала, потому что так думал мой отец. Он был начальником планово-экономического отдела на огромном военном предприятии «Моргидроприбор». Из вятских крестьян, огромный голубоглазый красавец. Никогда не был членом партии.

(Рассказ Аллы Валентиновны об отце, Коврижных Валентине Ипполитовиче [1907–1996], раскулачивании его семьи и

преследованиях, о бабушке, эвакуации и поездках в Вятскую область после войны вылился в отдельное интервью.)

[...]

Коврижных: Это была одна моя главная работа — редактором на «Ленфильме». Потом я была в дубляже.

Уфлянд: Она была редактором дубляжа. Там работали мы все.

Коврижных: У меня работал Володя Марамзин, у меня работали все диссиденты, я их собрала. Это же в стороне от главного курса кинематографии, просто дубляж. И там все кормились, и очень неплохо, потому что работали только вот эти ребята. Ося сказал мне на прощание...

Уфлянд: [Борис] Пустынцев там работал редактором.

Коврижных: Пустынцев у меня там работал. Ну, все. «Последние четыре года у меня деньги были в кармане». Я ему по высшим категориям. «Иосиф, — говорю, — вот пришла еще одна картина, тут очень много поэзии». Он пришел. А он еще и человек-то какой смешной. «Ты что, — говорит, — есть же прекрасный перевод Брюсова». Это был фильм «Лейпциг — маленький Париж», и поэзии там навалом. А он: «Не буду Брюсова наново переводить». Я: «Ты сумасшедший? Тебе деньги нужны или нет? Зачем мне Брюсов, если я знаю, что заказывая тебе, я тебе же деньги и плачу?» Я его еще и уговариваю. «Ты что, там такой хороший перевод, я не буду» — говорит. Комический случай. Но потом я все-таки его заставила: «Я тебе буду выписывать деньги, а ты мне, все твои друзья, будут делать этот перевод».

— *Они делали по подстрочным переводам?*

Коврижных: Ну, да. Да.

— *А как это вообще было?*

Коврижных: Ну, он освоил, это очень легко.

Уфлянд: Там был замечательный случай. Он [Иосиф Бродский] переводил армянский фильм «Легенда об озере Парвана». Потом, он уже давно уехал, вдруг по телевидению пускают фильм, и в конце титр: «Перевод Иосифа Бродского».

Коврижных: Нет, нет. Голос!

Уфлянд: Голос.

Коврижных: Если бы титр, они бы выбросили. Голосом: «Перевод Иосифа Бродского». И очень любило телевидение гнать эту картину, просто чтобы звучало имя. Здорово. Все рады — вот его нет, его выгнали, а все равно звучит где-то. Вот так.

— *Хорошо. Я даже не знаю, как мне опять переходить к польской теме. Такой получился замечательный сюжет...*

Коврижных: Так этот круг был заражен польской темой невероятно. Этого никто не мог избежать. Это было так органично, потому что столько переводили они. У них были переводы... Испанскую литературу, я вам уже говорила, мы только по по-польски читали. Иначе никак. Вся информация о культуре, о западном кино шла оттуда. Мы оттуда узнавали всю информацию. Никак иначе получить ее было невозможно. Ну, не будешь же всю ночь сидеть, припав к этому радио. Радио было политическое. Культурный поток шел как раз через польские издания. Это я вам совершенно точно говорю, это было как хлеб нужно нам, людям, связанным с культурой.

— *Чем была в этом смысле Польша?*

Уфлянд: Окном, конечно. Ха!

Коврижных: Окном уважаемым, почитаемым. Все мы знали польский, и все мы очень легко сходились с поляками. На «Ленфильм» же их очень много приезжало. И режиссеры приезжали, операторы.

— *Скажите, а Бродский переводил какие-нибудь польские фильмы, нет? Как было с переводом польских фильмов?*

Коврижных: Польские... Когда я стала редактором на дубляже, потому что это было не сразу, были польские фильмы, но очень, я думаю, было их мало, потому что как-то ничего в памяти не осталось. Уже потом это было, в те годы польская кинематография уже несколько завяла. Уже вот эти их шедевры... Причем не потому мы обратили внимание на польский, что это было нам близко, а потому что нельзя было не обратить внимание, оттуда шла очень высокого уровня культура. Очень высокого. Поляки держали уровень превосходно, европейский уровень держали. У них цензура не была такой строгой. Возможно, в этой области ее вообще не было. Маркеса и Кортасара я читала по-польски. Также и последнюю книгу Хемингуэя «По ком звонит колокол», еще не было перевода, я читала по-польски. Это был кирпич огромный.

— А сейчас что осталось? Что изменилось?

Коврижных: Сейчас уже нет такой необходимости, ведь открыты абсолютно все шлюзы, и все свои интересы можно удовлетворить легко и спокойно. Не нужно для этого обращаться к польскому языку. Хотя польское кино навсегда осталось каким-то таким томлением. Хочется что-то еще посмотреть, что-то узнать, потому что, ну, действительно, какой они уровень держали, я до сих пор вспоминаю. Это было просто удовольствие огромное, огромное. Но потом они потеряли свой уровень, понизили потолок, мне кажется.

Уфлянд: Потом их чехи же обогнали. Когда чехи в 68-ом сделали революцию, то Польша одно время совершенно завяла, пока Лех Валенса не появился.

Коврижных: Она стала просто страной... Очень интересный эпизод в жизни у меня был. У меня есть подруга очень близкая Алла Борисова, жена Олега Борисова, этого прекрасного актера. Чрезвычайно женщина преуспевающая, хозяйка такая, которая признает только высшие стандарты в быту, у нее роскошные дачи... То есть я к чему это говорю? Это не так, может быть, важно. Вдруг она приходит... А мы обе такие энергичные и обе, как бы сказать, ну, такие домовитые вообще женщины. И она говорит: «Слушай, у меня соседка все время ездит в Польшу, возит какие-то товары, продает, и так здорово, такая стала...» И тут вдруг у нас интерес — просто съездить. Это такая ж вот глупость, я сейчас думаю, две солидные женщины, живем вообще прекрасно. Как-то она меня очень заводить умела. [...] Мы по списку стали покупать [вещи на продажу] и с тюками поехали. Две дамы. Дамы! Видно, витальность потребовала. И потом я в Польше давно не была. Приехали к этой Ирочке Сверхгерлинской. Она же живет на Сенаторской, около Большого театра, то есть вообще все прекрасно. Завалили тюками комнату. Это было так смешно, мы поехали на какой-то рынок. Мы и торговать не умеем.

Уфлянд смеется.

Коврижных: Ничего [не продали]. Вообще, совершенно. Сидим. А у меня такая сиреневая юбка трикотажная была, и к ней я такой бант купила, сиреневый, кожаный. Какая тут торговля... Что-то мы разложили, к нам никто не подходит. Зато подошел поляк ко мне. Пан. И сказал мне по-польски... Я не могу сейчас, я испорчу польский прекрасный язык, но он сказал так: «Ежели я был не пан, а паненка, я бы уберався як пани». То есть ему понравилось, как я одета! Эта моя сиреневая юбка, сиреневый бант, волосы. Боже мой, в Польше! Получить комплимент по-

польски по поводу одежды! Они же такие пижоны. Я думаю, боже мой, это же кульминация поездки! [...] Я помню: солнечная погода, так замечательно. А я человек эмоциональный, и музыка звучит, кто-то там продает кассеты. Я стала танцевать на этом рынке. Просто под музыку. Все захлопали. (смеется) Такое было удовольствие! [...] В общем, мы эти тюки оставили все. Но зато побыли вот такими обыкновенными челноками... Это просто, я считаю, любовь к жизни... И Алкина какая-то... Алка такая предприимчивая была, ей, видно, захотелось выхода в реальность. И мы с ней совершили эту поездку.

— *А была какая-то выгода?*

Коврижных: Никакой! Абсолютно. Мы все раздали, оставили там же. Это был просто уже конец этой вот... как это? Челноковой истории.

Уфлянд: Последний какой-то год.

— *А какой?*

Коврижных: Это невозможно вспомнить. Володя, ты не помнишь, когда это мы с Алкой?

Уфлянд: Ну, может, 85-й?

Коврижных: Вот так мы с ней съездили в Польшу последний раз.

— *95-й?*

Уфлянд: Нет. После 89-го мы с ней ездили только в Америку и во Францию.

Коврижных: У меня дочка уехала во Францию, и мы стали уже европейскими визитерами. Это было время, когда все-таки в России жили очень плохо. То есть что-то мы себе привезли, нарядились. Купили столько всего, у меня на даче до сих пор я эти польские штучки... Ношу. Сумочки, да. Мы просто поехали прибарахлиться. Алка была большая модница.

[...]

— *Каких-то польских знакомых своих вы можете припомнить? Если такие были.*

Уфлянд: Ну, у меня в те времена польских знакомых просто не было. Я потом со своим польским переводчиком Ежи Чехом

познакомился, но это было лет пятнадцать назад. Он просто мне написал: «Я ваш переводчик, перевожу вас уже черт знает с какого времени». А я даже не знал, что он меня переводит. Я же не знал, что такой человек есть на свете. Прислал мне свои переводы, мне очень понравилось. Он так точно переводит.

— *Что он перевел из ваших стихов?*

Уфлянд: «Откровения горожанина» перевел, «Немцев, варяг или греков». Причем он «греков» как-то хитро, немцев и варяг оставил, а греков кем-то еще заменил, чуть ли не поляками (смеется).

— *А о Польше вы когда-нибудь писали стихи?*

Уфлянд: Нет, никогда. Никогда о Польше.

— *И никогда поляки не фигурировали в ваших стихах?*

Уфлянд: Нет, никогда не фигурировали. Когда меня спрашивают: «А вы про Петербург когда-нибудь стихи писали?» — я говорю, что написал про Петербург две строчки. «Опять пишу я в Бруклин Осе, что Петербург все в той же позе / Стоит. Чуть постоял и вырос. Всему семейству в Мэри Кристмас». И про Польшу никогда не писал ничего.

— *А чувства вины перед Польшей, перед поляками вы не испытывали?*

Уфлянд: Перед Польшей я не помню, а вот когда была Чехословакия...

Коврижных: Ой, это вообще! Для нас это была трагедия.

Уфлянд: Это вообще была трагедия.

Коврижных: Мы это так переживали, мы так мучились! Это так было оскорбительно! Я просто как сейчас помню, мы были в Сочи, у нас отпуск, мы с Юрой там, можно сказать, любовная пара. Его было не оторвать от приемника. Мы это просто мы как какую-то драму [переживали]... Забыли все свои романтические дела, потому что это было страдание.

Уфлянд: Самый любимый мой спортивный репортаж — это когда чехи играли с нашими, и на последних секундах выиграли. Потрясающе!

Коврижных: Это было совершенно потрясающе! Знаете что, всю жизнь Юра болел против наших. За чехов, за поляков, за

венгров. Во всех спортивных соревнованиях. Даже мы, я с дочками, мы просто никак не могли его переубедить, потому что все-таки кровь родная требует... А он всегда! Причем так яростно болел! Что нашим врезали. Вот такая была жизнь. Он же был спортсменом, для него это было очень важно.

Уфлянд: Колоссальный был матч! Я до сих пор этот матч помню. У нас такая машина хоккейная, а они вдруг бабах, чуть ли не на последней секунде врезали. Да.

Коврижных: А Недоманский?! Чешский хоккей! Получается, что вся интеллигенция болела против себя. Понимаете? Вот это во что выливалось! Спорт был за чехов, за поляков, за немцев, против наших. Вот вам наше диссидентство (смеется). Куда оно еще могло вылиться?

Уфлянд: Когда там был Ярузельский, там было что-то очень сложное, я даже у этой самой, у польской консульши спросил, говорю: «Ну, как у вас сейчас коммунисты к власти пришли?» Там же Леха Валенсу не выбрали, а выбрали Квасьневского. Говорю: «Ну как?». Она говорит: «Пока совершенно тоже самое, что было до коммунистов».

— А что в 1981 году? Как вы переживали все польские события?

Коврижных: Мы были все на стороне поляков, вот это я вам скажу совершенно точно.

Уфлянд: Лех Валенса — это был вообще потрясающий человек.

Коврижных: Мы были братья полякам, пусть они знают.

Уфлянд: Да.

Коврижных: В те годы диссидентские мы были с ними всегда. Мы очень гордились, радовались, болели всегда против своих, пока у нас не начались свои какие-то дела, мы уже углубились в свои процессы. А так поляки для нас были достойными величайшего уважения за то, что они там сопротивляются...

Уфлянд: «Солидарность» — это вообще была замечательная вещь, да.

— А вы слушали голоса? Или у вас были еще какие-то контакты, какой-то самиздат?

Уфлянд: Нет, я понял, что я слушал.... Здесь по «Свободе» говорят: «Когда вы начали вещать?». Они говорят: «В 1948 году». Так я понял, что я в 1948 году еще «Свободу» слушал.

[...]

— *Были какие-то моменты, когда вы понимали, что вы тоже несете какую-то ответственность за то, чего вы не делали?*

Коврижных: Я вам просто хочу сказать, что эта наша «полонистика», вся эта история нашей «полонистики» свидетельствует о чувстве вины. Потому что наша заинтересованность и наша любовь, привязанность к Польше, она включает все-таки и чувство вины. Вот кадр «Канала» до сих пор у меня вызывает... (шмыгает носом) Слезу вызывает, понимаете. Был в фильме Кавалеровича такой кадр! Это суть, это беда, это обида, это эмоционально неразрешимый исторический казус. Ну, а мы из той части интеллигенции, которая на себя берет вину.

Уфлянд: У поляков есть преимущество, потому что ни венгры, ни чехи про свои дела ничего не создали. Поляки же все — у них все это и в литературе, и в кино. Все есть.

Коврижных: Ну, у чехов тоже есть фильмы ...

Уфлянд: Нет, у чехов как раз в тот момент, когда была чешская революция, там был какой-то пик развлекательного кино. Этого самого чешского...

Коврижных: Но с другой стороны, я считаю вот еще что — поляки очень сильно на этом заклинились. Они сделали себе такую небольшую платформу, на которой прочно укрепились. Это, по-моему, исторически уже изжитая тема. Потому что Россия перенесла такие трагедии, такие драмы, которые сопоставимы с их драмами, потому что это уже общенациональные беды исторические. И по-моему, в эти игры играть — это уже мелочно. Мелочно. Потому что уже две страны должны осознать, что они были жертвами просто кровавых исторических процессов, и что потери с обеих сторон настолько равнозначны, что, ну, смешно. Получается, что маленькая нация держится за свою отрицательную идею и подпитывается от нее. Это ущербная уже позиция.

Уфлянд: Нет, ну, Польша вообще... Она же между Германией и Россией расположена просто.

[...]

Уфлянд: Меня озадачивает такой вопрос: «Какое значение будет иметь Польша в Европейском Союзе?» Потому что громадная, по сравнению с остальной Европой, страна, меньше развита, чем Германия или Франция, в то же время у них

какой-то все-таки не европейский способ мышления, а такой скорее более близкий к русскому... Хотя я всегда вспоминаю Польское королевство, по сравнению с русской монархией это была такая демократия махровая.

Коврижных: Махровой демократии не бывает.

Уфлянд: Бывает махровая демократия (смеется). Речь Посполитая — это была махровая демократия. Не зря я ее всегда с Новгородом сравниваю. Думаю, что Польша какой-то вес приобретет в Европе. Новый такой. К ней будут прислушиваться, уделять больше внимания, поскольку у нее больше опыта общения с Востоком. Больше, чем у самой Европы.

Коврижных: Как раз на это рассчитывали, и это как раз не получилось. Это не получилось...

— *На Украине замечательно получилось.*

Уфлянд: На Украине замечательно, да. (смеется) Я вот только боюсь, у них сейчас эта проблема встанет только... Как бы ликвидировать вот эту самую, между русскими и поляками... То, что там Белоруссия встряла... Вот это, действительно, страшная страна. Это одна из стран «оси зла». (смеется)

Коврижных: А я скажу, что она как раз очень уравнивает эти страсти с двух сторон, извини. Как раз она там очень уместна.

Уфлянд: То, что она находится именно в центре, между Европой и Россией...

Коврижных: Так это же абсолютно, как бы это сказать, естественно, что ли... Потому что есть какие-то силы, которые пытаются уравниваться. И вот это и есть равновесие.

Уфлянд: Вот это очень естественно, потому что сама Белоруссия наполовину расположена на территории бывшей Польши. Потому что это то, что отняли от бывшей Польши при пакте Молотова и Риббентропа. Отняли у Польши...

Коврижных: А когда Польша это получила? Давай я тебе расскажу...

Уфлянд: Польша никогда это не получила, потому что то, что отняли при Молотове и Риббентропе у Польши, до сих пор находится в составе Украины, Белоруссии. Западная Украина, Западная Белоруссия — это же Польша!

Коврижных: Ты уверен? Надо посмотреть в истории, когда Польша это приобрела. Если так легко было отнять.

Уфлянд: Когда Польша это приобрела, граница Польши была в Смоленске. Смоленск — была Польша! (смеется) Она рядом с Москвой находилась, граница Польши.

Коврижных: Это, значит, была агрессия польская, только и всего. (Уфлянд и Косинова смеются.)

Уфлянд: Белорусский язык — это государственный язык Великого княжества Литовского. Потому что там было два государственных языка — литовский и польский. Вот литовский язык, который был государственным языком в Литве, это и есть белорусский язык.

Коврижных: Нет, я думаю, что утряслись уже границы, и все это элемент целесообразности и безусловных традиционных...

Уфлянд: Вот насчет границ я точно думаю, что хватит уже границы переделывать.

Коврижных: Уже никто не будет этим заниматься.

[...]

Запись сделана 12 июля 2005 года в Петербурге в квартире Владимира Уфлянда и Аллы Коврижных на Фурштадтской улице.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• Премьер-министр Дональд Туск возглавил Европейский совет. «Туск приступит к новым обязанностям 1 декабря 2014 г., срок его полномочий составит два с половиной года, с возможностью продления на второй срок. (...) Таким образом, Туск будет руководить одним из высших институтов ЕС, а также курировать еврозону. (...) Кроме того, он будет отвечать за подготовку наиболее важных решений Евросоюза, согласование которых требует встречи высших должностных лиц ЕС. (...) На своей новой должности премьер-министр Польши будет также представлять ЕС на встречах со странами, не входящими в Евросоюз». (Из Брюсселя Анна Слоевская, Михал Шулджинский, «Жечпосполита», 1 сент.)

• «С избранием Дональда Туска председателем Совета Европы впервые один из ключевых постов в Европе удалось получить стране из бывшего соцлагеря, отметила в субботу «Файнэншел таймс». (...) Газета «Il Sole 24 Ore» (...) пишет, что в условиях украинского кризиса Туск планирует строить отношения с Москвой «реалистично и по всем правилам дипломатии, но без каких-либо уступок по вопросам безопасности границ, а также с обязательным учетом уважения принципа территориальной целостности соседних государств». (...) Для «Фигаро» Туск — это «прагматик, который одним из первых высказался за решительные санкции против России после ее вторжения на Украину». (...) «Лез Эко» замечает, что избрание Туска является «сигналом о непреклонности ЕС в отношении России, тем более с учетом того, что Польша относится к тем членам Евросоюза, которые сразу поддержали новую киевскую власть»». («Польска», 1 сент.)

• «После того, как Ежи Бузек покончил с монополией Западной Европы на высшие должности в ЕС, наши позиции в Евросоюзе только укрепляются — бюджет ЕС нам явно удался; в свое время мы стали шестой страной, получившей постоянное членство в Европейском суде для усиления его состава. Так что мы, так или иначе, приобрели довольно весомый европейский статус», — Януш Левандовский, депутат Европарламента, до недавнего времени комиссар ЕС по вопросам бюджета. Последний бюджет, о котором он упоминает, был подготовлен

под его непосредственным руководством. («Газета wyborcza», 1 сент.)

• 1 августа, в день 70-й годовщины Варшавского восстания, «ровно в 17.00 вся столица торжественно замерла на 70 символических секунд. Пешеходы, автомобили, городской транспорт — все остановились, чтобы почтить память погибших. Звуки сирен и гудков, а также звон церковных колоколов слились воедино в эту минуту не только в Варшаве», — Иоанна Бликовская, Павел Маевский. («Жечпосполита», 2-3 авг.)

• «В ходе подавления Варшавского восстания немцы уничтожили более 200 тыс. поляков — мужчин, женщин и детей — и буквально стерли столицу Польши с лица земли. Это обошлось оккупантам в 1 500 убитых военных, среди которых было 73 офицера, и 9 044 раненых (из них 242 офицера) (...) На каждого убитого немца пришлось около 130 погибших поляков. (...) Кроме того, на каждого убитого немца пришлось около 11 павших повстанцев. (...) В уличных боях погибли около 18 тыс. повстанцев, примерно 6 тыс. были ранены, а около 17 тыс. попали в плен. (...) В январе 1945 г. в Варшаву, город руин и братских могил, вступила Красная армия. (...) Решение о начале восстания было принято высшим руководством Армии Крайовой», — проф. Ян М. Цехановский. («Польска», 1 авг.)

• Президент Польши Бронислав Коморовский: «За последние несколько лет Польша увеличила расходы на оборону в два раза. В это же самое время многие страны НАТО уменьшали соответствующие расходы. (...) НАТО недостаточно оперативно реагировало на реальные и очень серьезные перемены в сфере обеспечения безопасности, о которых свидетельствовало существенное увеличение финансирования российских вооруженных сил — фактически же последовательное укрепление военной мощи продолжается в России уже восемь лет. (...) Не нужно ждать начала войны, чтобы понять — тот, кто усиленно вооружается, намерен использовать этот фактор в недобрых целях. (...) Мы, как и весь Евросоюз, хотели видеть в модернизирующейся России потенциального партнера, а не врага. Крушение мифа о том, что в современных условиях на планете возможны мир и покой, затронуло всю западную цивилизацию. (...) Можем ли мы чувствовать себя в безопасности? Да, мы никогда не располагали бóльшими гарантиями безопасности, чем сейчас. (...) Но в этой части земного шара нам, с нашим историческим опытом, нельзя чувствовать себя полностью защищенными. Поэтому никогда еще свободная Польша не тратила на оборону столько денег,

сколько сейчас, и у нас в этом смысле есть довольно честлюбивые планы на будущее. (...) Мы должны сделать все возможное, чтобы Россия не причинила вреда своим соседям, особенно близким, к которым, разумеется, относится и Польша». («Газета wyborcza», 26–27 июля)

• «“100 млрд злотых на модернизацию оборудования, оперативное заполнение вакантных мест, а также изменения в правилах обучения призывников и использования имущества гражданских лиц в интересах обороны страны. Серьезные перемены ожидаются в наших вооруженных силах. Не исключено, что в непосредственной близости от Польши может случиться крупный вооруженный конфликт”, — заявил советник министра обороны, профессор, генерал Богуслав Пацек. “Более того, нет никаких гарантий, что наша страна не окажется в этот конфликт втянута”, — добавил он. (...) Пацек одобрительно высказался о решении президента Бронислава Коморовского относительно неучастия польских военных в зарубежных миссиях. (...) В случае войны Украины с Россией наши солдаты должны будут остаться в Польше. (...) Генерал Роман Полько, бывший командир подразделения «Гром» считает: “Не секрет, что угроза Польше со стороны России вполне реальна”», — Артур Радван. («Дзенник газета правна», 5 авг.)

• «Уровень доверия к президенту Брониславу Коморовскому редко опускается ниже 70% (в июне он составил 70%)». («Тыгодник повсехный», 27 июля)

• «45% поляков чувствуют угрозу для себя и своих близких в связи с политикой России в отношении Украины, сообщает рейтинговое агентство QS». («Ньюсуик-Польска», 4–10 авг.)

• «“Министр Лавров заверил нас, что крымский сценарий не повторится”, — заявил министр Сикорский. Лавров в ответ на это лишь рассмеялся. (...) По его мнению, согласно нормативно-правовой базе ООН, право нации на самоопределение важнее, чем принцип территориальной целостности государства. (Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 11 июня)

• «Россия исповедует совсем другие ценности. (...) И поскольку Польша их не признает, у россиян существует соблазн привнести их сюда, никого не спрашивая. Вот чего, как мне кажется, вам следует опасаться. (...) В глазах Кремля вы являетесь страной, которая активно не поддерживает российскую политику. В Польше вообще видят эдакий рупор западной пропаганды», — Виктор Ерофеев. («Впрост», 15 июня)

- «Бронислав Коморовский принимал вчера у себя президентов стран Балтии, стран Вышеградской группы, а также Румынии и Болгарии (...), чтобы вместе поработать на благо “стратегического укрепления” восточного крыла НАТО. Речь идет о дислокации сил альянса в Восточной Европе». (Томаш Белецкий, Павел Вронский, «Газета wyborcza», 23 июля)
- «“Сегодня, во время кризиса на Украине, наши страны держатся плечом к плечу”, — заявил министр обороны Великобритании Майкл Фэллон, прибывший в Варшаву в рамках своей первой зарубежной поездки. Вместе с ним прилетел глава британского МИДа Филипп Хэммонд», — Енджей Белецкий. («Жечпосполита», 29 июля)
- «Главнокомандующий силами НАТО в Европе генерал Филип Бридлав считает необходимым размещение вооружения, боеприпасов и продовольствия на одной из баз альянса в Восточной Европе. Такие меры должны быть предприняты, чтобы обеспечить возможность оперативной передислокации нескольких тысяч военнослужащих НАТО, готовых к решительным действиям в случае военно-политического кризиса. (...) В качестве одного из вариантов рассматривается Щецин, где размещается многонациональный Северо-Восточный корпус альянса», — Сильвия Артак. («Польска», 25–27 июля)
- «“НАТО и представители правительственных кругов вынуждены признать, что на сегодняшний день силы альянса не способны защитить от вооруженной агрессии страны Балтии”. (...) С таким заявлением выступил Эльмар Брок, один из старейших депутатов Европарламента. (...) Вывод, к которому пришло руководство НАТО, проанализировав ситуацию, однозначен: “Способность России внезапно провести крупную военную операцию представляет серьезную угрозу для безопасности и стабильности стран, входящих в североатлантический альянс. При этом Москва располагает широкими возможностями в выборе места удара, что означает и дестабилизацию, и угрозу для тех наших союзников, чьи территории находятся в непосредственной близости от российских границ”. (...) Андрей Илларионов, бывший советник Путина, полагает, что (...) “война Путина против Украины — это лишь прелюдия к событиям, которые кремлевская пропаганда уже назвала мировой войной”», — Роберт Гзулда. («Польска збройна», авг.)
- «Министр иностранных дел Радослав Сикорский заявил вчера: “(...) В связи с санкциями ЕС в отношении России за нарушение территориальной целостности Украины проведение

Года Польши в России и Года России в Польше отложено, причем надолго”. Руководитель пресс-службы правительства Малгожата Кидава-Блонская подтвердила: “Таково решение совета министров. (...) В создавшейся атмосфере нет условий для диалога”». («Жечпосполита», 24 июля)

- «Вот мы и дождались масштабной общественной кампании в поддержку наших сельхозпроизводителей. Призыв “Съешь яблоко назло Путину!”, брошенный газетой “Пульс бизнеса”, был моментально подхвачен популярными порталами и социальными сетями. Акцию поддержали потребители, журналисты и политики. (...) Так и надо отвечать на абсурдные претензии, предъявляемые к нам органами российского ветеринарного и фитосанитарного контроля. В Польше никто не сомневается, что эмбарго введено по политическим мотивам, и польские садоводы, что называется, попали под горячую руку. Как же замечательно, что наше общество не осталось в стороне. (...) Садоводы, в свою очередь, изрядно удивлены — такой горячей поддержки они не ожидали», — Кристина Кашковская. («Газета wyborcza», 1 авг.)

- «Идея Восточного партнерства родилась в кабинетах польского МИДа осенью 2008 года. (...) Постоянное управление реализацией проекта взяла на себя Европейская комиссия. (...) Когда в Киеве началась революция, у лидеров Майдана появилась альтернативная программа развития, опирающаяся на тесную интеграцию с Западом. (...) Результаты работы Восточного партнерства уже сегодня куда более впечатляющи, чем итоги реализации других исходящих от польских властей инициатив на Востоке, включая активное участие в оранжевой революции на Украине в 2005 г. и российско-грузинском конфликте три года спустя. Не исключено, что в будущем именно польский проект обеспечит вступление Украины в ЕС», — Енджей Белецкий. («Жечпосполита», 27 июня)

- «В пятницу президент Украины прибыл в Брюссель, чтобы подписать исторический документ — договор об ассоциации с ЕС. (...) “Впервые в наших дискуссиях о России участвовала Украина”, — заявил премьер-министр Дональд Туск. Действительно, был создан прецедент: Порошенко сидел в одном зале с руководством ЕС и фактически продиктовал им условия, которые должна выполнить Россия и поддерживаемые ей сепаратисты для заключения перемирия», — из Брюсселя Анна Слосевская. («Жечпосполита», 28–29 июня)

- «Украина — это уже не первая страна на постсоветском пространстве, которая использует передовой польский опыт. Наши эксперты участвовали в реформах системы

самоуправления в Сербии и Казахстане. Я неоднократно бывал в составе делегаций, выезжавших в Черногорию. Среди экспертов Совета Европы много поляков, которые часто посещают страны бывшего соцлагеря, реформирующие свою систему самоуправления», — Мартин Свенцицкий, руководитель группы экспертов, осуществляющей помощь украинскому правительству в реформе самоуправления». («Жечпосполита», 14 июля)

- «Явка польских избирателей на выборы в Европарламент, состоявшиеся в мае этого года, составила неполные 24%. Я пишу об этой низкой явке, чтобы в очередной раз призвать польские общественные организации, работающие в Восточной Европе, перестать учить других и заняться нашими проблемами. На Украине в выборах участвовало 60% избирателей, в Грузии — 45%, в Сербии явка иногда составляет 60%, а в Косово порой превышает стопроцентную», — Ирена Лясота. («Жечпосполита», 12—13 июля)

- «Автобусы, маршрутки и частные автомобили из Львова, Дрогобыча, Стрия, Мостиски направляются в Шегини, к польско-украинской границе. Через погранпереход Шегини-Медыка волонтеры попадают на польскую сторону, где каждый получает одну каску и один бронежилет (больше перевозить через границу нельзя), после чего возвращается на украинскую сторону. Поляки оборудовали дополнительный пункт передачи снаряжения, предназначенного для украинцев, сражающихся с сепаратистами», — сообщает Анна Горчица. («Газета wyborча», 10 июня)

- «Две тысячи бронежилетов и шесть тысяч арамидных шлемов поставило на Украину в начале июля польское предприятие “Маскпол”, входящее в Польский оборонный холдинг. (...) Министр внутренних дел Украины Арсен Аваков заявил, что новейшие средства антибаллистической защиты, которыми располагает НАТО, скоро поступят в распоряжение украинской национальной гвардии и отрядов спецназа», — Збигнев Лентович. («Жечпосполита», 19—20 июня)

- «С понедельника по пятницу над Польшей будет совершать полеты российский разведывательный самолет АН-30-Б, сообщил руководитель пресс-службы министерства национальной обороны Яцек Соньта. Россиян будут сопровождать польские военные. Регулярные наблюдательные полеты совершаются в рамках международного договора по открытому небу, в конце марта и начале апреля они были совершены поляками над территорией России и Беларуси. (...)

Очередные полеты запланированы на четвертый квартал 2014 года». («Жечпосполита», 5 авг.)

- «Польский политический и журналистский истеблишмент, который в 2010 году аплодировал укреплению польско-российской дружбы, закрывая глаза на враждебное отношение со стороны Москвы, теперь делает вид, что всего это не было», — Филип Мемхес. («Жечпосполита», 2–3 авг.)

- «Записи, которые обнародовал еженедельник “Впрост”, вызвали скандал в польских политических кругах. На одной из них министр внутренних дел Бартломей Сенкевич и президент Польского национального банка Марек Белька обсуждают, среди прочего, отставку Яцека Ростовского. На другой — бывший министр транспорта расспрашивает о причинах проверки счетов своей жены экс-главу департамента налоговых проверок минфина», — Гжегож Осецкий. («Дзенник газета правна», 16 июня)

- «Марек Белька дает понять, что существует целый ряд способов “поддержки” правительства центральным банком. (...) Политические махинации подобного рода абсолютно несовместимы с принципами правового государства. И для того, чтобы сохранить наши общественно-политические достижения, к каковым, безусловно, относится независимый от политических веяний Польский национальный банк, его глава Марек Белька должен подать в отставку. (...) Министр внутренних дел, который настолько непрофессионален, что позволяет себя прослушивать — это угроза для страны, таких надо немедленно увольнять. Я уже даже не говорю о том, в каких выражениях он отзывался о деятельности нашего государства», — Лешек Бальцерович. («Жечпосполита», 17 июня)

- «Когда министр внутренних дел, беседуя с президентом Польского национального банка, говорит об одном из бизнесменов: “Так, может, намекнуть ему, что у него могут отжать и побольше? Пусть подумает...”, — у меня возникает ощущение, что в стране полный беспредел. (...) Министр Сенкевич поставил правильный диагноз, когда заявил, что в Польше нет государства», — Вальдемар Павляк. («Жечпосполита», 15 июля)

- «Содержание этих записей демонстрирует нам довольно отвратительное явление, а именно — члены правительства откровенно презирают польских бизнесменов, относясь к ним как к бессловесным дойным коровам, которых легко можно развести на деньги. Наши предприниматели возмущены и

огорчены тем, что они слышали о себе. (...) Очень жаль, что господину министру, пусть и пьяному, приходит в голову “отжать побольше” у представителя польского бизнеса. (...) Ни министр Сенкевич, ни премьер-министр Туск не извинились и не открестились от этих чудовищных заявлений. (...) Наше беспомощное государство весьма сурово по отношению к слабым, зато всегда готово уступить сильному. Вина за эту ситуацию лежит на политиках. (...) Мы не станем взывать к премьер-министру, потому что он совершенно утратил наше доверие. (...) Вместо этого мы проведем мониторинг тех действий правительства, которые, по нашему мнению, могут быть направлены против предпринимателей», — Цезарий Казимерчак, президент Союза промышленников и работодателей. («Жечпосполита», 31 июля)

• «Если кого-то разочаровала форма некоторых моих заявлений, то мне очень жаль. (...) Что касается содержательной стороны беседы, то здесь моя совесть чиста», — Бартломей Сенкевич, министр внутренних дел. («Жечпосполита», 7 июля)

• «Премьер пытается убедить поляков, что ничего страшного не произошло, закон не нарушен, так что всё в порядке. Однако не все сферы политической жизни регулируются нормами права. Поступая так, Дональд Туск показывает, что совершенно не понимает, что такое порядочность, политическая ответственность, хороший вкус и принципы демократического государства», — Марек Кохань. («Жечпосполита», 18–19 июня)

• «В обнародованных записях политики часто и непринужденно нарушают существующие нормы речевой культуры, причем даже в самом широком ее понимании. Делают они это цинично и зло, демонстрируя ненависть и презрение по отношению к обсуждаемым лицам и организациям, высмеивая их и всячески унижая. Они делают это, нарушая закон, и при этом, как выясняется, откровенно лгут на людях и манипулируют общественным мнением, поскольку в своих частных разговорах на далеко не частные темы говорят вещи, прямо противоположные своим публичным заявлениям. (...) Лживая и манипулятивная манера речи наших министров не только подрывает общепринятую систему ценностей, но и унижает достоинство тех, кому они лгут, кого оскорбляют, а также дискредитирует слово как таковое, поскольку доверия к нему больше нет. (...) На словах мы гарантируем права человека, рассуждая о свободе, достоинстве, равноправии, солидарности. (...) В то же время в одной только беседе члены правительства наглядно демонстрируют, что эти права можно легко нарушать,

всячески пренебрегая ими. (...) Площадная брань, которой участники беседы щедро пересыпали свою речь, говоря при этом о государстве, законе и гражданах — это язык неэтичный, насквозь фальшивый и оскорбительный», — Анна Цегела и профессор Ядвига Пузынина. («Жечпосполита», 7 июля)

• «Не представляю себе, чтобы Тадеуш Мазовецкий и Лешек Бальцерович вдруг отправились в кабак и там начали бы обсуждать, как согласовать с Сеймом план реформ. (...) Не говорю уж о нецензурщине, хотя тоже представить не могу, чтобы Мазовецкий с Кшиштофом Скубишевским, главой тогдашнего МИДа, отзывались бы о польской зарубежной политике в таких выражениях, какие употребил министр Сикорский. Я не представляю себе, чтобы министр Скубишевский сказал кому-нибудь, что не согласен с курсом проводимой им политики. Если бы ему не удалось убедить в ее целесообразности президента или премьера, он просто подал бы в отставку. И, наконец, я не представляю себе, чтобы мы с Кшиштофом Козловским, тогдашним министром внутренних дел, отправились пить водку, расплачиваясь казенными деньгами. (...) Тогда никому бы и в голову не пришло рассуждать о государственных делах за рюмкой в баре. (...) Обнародование беседы Сикорского с Ростовским имело своей целью расшатать основы польской внешней политики. (...) Я бы наказал виновных в этом по статье 267 §4 уголовного кодекса, предусматривающей ответственность за незаконный сбор информации и ее публикацию. (...) Журналисты завершили то, что начали преступники. Таков был замысел лиц, организовавших прослушку, и журналисты привели этот замысел в исполнение. Преступники хотели вызывать общественно-политический скандал, а журналисты просто сделали за них практически всю работу», — проф. Ян Видацкий, бывший министр внутренних дел. («Газета wyborcza», 16 июля)

• «Всего несколько дней назад мы отмечали 25-летие польской независимости. (...) А сегодня судьба страны зависит от решения редакции одного журнала, который к тому же возглавляет человек с уголовным прошлым. (...) Никто не понимает, куда мы катимся. (...) Люди словно забыли, что за нашими восточными границами идет самая настоящая война. (...) Возникают сложности с поставками газа на Запад, перекрываются газопроводы. (...) После выборов в Европарламент предстоит определиться с ключевыми должностями в управлении ЕС на ближайшие пять лет. Мы боремся за весьма существенные посты. (...) А мы тут в Варшаве с ума посходили из-за парочки компрометирующих себя

клоунов в ранге министров и жучков под столом в каком-то непонятном ресторане в Мокотуве», — Влодзимеж Цимошевич. («Газета wyborcza», 25 июня)

• «Министр внутренних дел позволяет черт знает кому подслушивать свои разговоры черт знает о чем, ведущиеся в черт знает каком баре на чертовски скверном польском языке. (...) Сотрудники Агентства внутренней безопасности, как последние бестолочи, заявляются в редакцию и, не забрав компьютер с подозрительной информацией, уходят прочь, в суматохе оставив портфель с секретными документами и печатями. Оппозиция тут же решает, что пора менять правительство. И все это происходит в те дни, когда Россия творит на Украине, что хочет, и кровь льется у самых наших границ. Главы оппозиционных фракций думают лишь о своих партийных интересах, а не о том, что страна находится в опасности. (...) Интернет лопається от злорадного смеха, а улица травит сальные шуточки. (...) Кто в состоянии представить внятную программу управления страной, основанную на идее ответственности за ее судьбу? Может быть, тогда у нас был бы более широкий выбор, чем выбор между кликой и кланом?», — Ежи Сурдыковский. («Жечпосполита», 24 июня)

• «38% поляков осуждают политику Дональда Туска. 26% поддерживают политику нынешнего кабинета министров. 55% опрошенных против того, чтобы Туск был премьер-министром, 29% — за. Опрос ЦИОМа». («Жечпосполита», 15 июля)

• «Согласно опросу ЦИОМа, после 25 лет демократии поляки больше всего доверяют армии (74%), полиции (71%) и местным властям (60%), дистанцируясь при этом от Сейма, Сената и политических партий». («Жечпосполита», 3 июля)

• Поддержка партий: «Право и Справедливость» — 36%, «Гражданская платформа» — 25%, Союз демократических левых сил — 9%, «Конгресс новых правых» — 6%, крестьянская партия ПСЛ — 4%, «Польша вместе» — 3%, «Твое движение» — 2%, «Солидарная Польша» — 1%. Опрос института «Номо Номіні», 25–26 июля. Избирательный порог составляет 5%. («Жечпосполита», 28 июля)

• «Вчера депутаты Европарламента выбрали руководителей 22 парламентских комиссий. Председателями четырех из них стали поляки: комиссию промышленности и энергетики возглавил Ежи Бузек («Гражданская платформа»), сельского хозяйства — Чеслав Секерский (крестьянская партия ПСЛ), конституционную — Данута Хюбнер («Гражданская

платформа»), а подкомиссию по вопросам безопасности и обороны — Анна Фотыга», — из Брюсселя Анна Слоевская. («Жечпосполита», 8 июля)

• «Европейский суд по правам человека в Страсбурге вынес вчера решение, в котором признал, что Польша нарушила Европейскую конвенцию о защите прав человека, позволив ЦРУ держать в заключении на территории Польши двух арабских террористов. (...) Речь идет о жалобе, которую подали в суд палестинец Абу Зубайд и Абд аль-Рахим аль-Нашири из Саудовской Аравии. (...) Польское правительство должно будет заплатить им компенсацию в размере 230 тыс. евро», — Элиза Ольчик. («Жечпосполита», 25 июля)

• «Этим вопросом на протяжении нескольких лет занимался лишь один политик — Юзеф Пиньор, бывший депутат Европарламента, состоявший в комиссии, которая изучала дела узников ЦРУ. (...) Пиньор — политик второго ряда, который, будучи сенатором, смог провести расследование относительно тайных тюрем ЦРУ. И сделал это вопреки сопротивлению практически всего политического клана», — Славомир Сераковский. («Газета wyborcza», 2–3 августа)

• «Если еще полвека назад главы крупных концернов зарабатывали, как правило, лишь в несколько раз больше рядового сотрудника, то сегодня они зачастую получают уже в сотни раз больше. (...) И это — залог многих социальных конфликтов. Тем более, что положение среднего класса, этого гаранта социальной стабильности, постоянно ухудшается», — проф. Михал Клейбер, президент Польской академии наук. («Жечпосполита», 31 июля)

• «Социально-классовая структура Польши: бизнес-элита — 0,8%, менеджеры (генеральные директора) — 2%, средний и мелкий бизнес — 7,8%, интеллигенция — 10–12%, служащие низшего звена (в том числе техники, продавцы, секретари, работники почты, сотрудники офисов) — 36%, квалифицированные рабочие — 16%, неквалифицированные рабочие — 9%, сельхозпроизводители — 7–8%. “Социальное расслоение в Польше весьма стабильно. Так называемый индекс Гини (индекс неравенства доходов — прим. пер.) со времен ПНР, когда он был равен 0,28, вырос до 0,33–0,35. Стабильной остается также разница в доходах, измеряемая путем сравнения средних доходов наиболее отличных друг от друга категорий граждан — с одной стороны, менеджеры и интеллигенция, с другой — рабочие и крестьяне. Доходы первой категории превышают доходы второй в среднем в 5–5,5 раз. (...) В России индекс Гини равен 0,55. (...) В Никарагуа и

Парагвае он колеблется на уровне 0,6-0,7. (...) Социальное неравенство в разумных пределах стабилизирует структуру общества и служит фактором, предотвращающим возникновение конфликтов», — проф. Генрик Доманский, директор Института философии и социологии Польской академии наук. («Газета wyborcza», 23 июля) (Индекс Гини рассчитывается в диапазоне от нуля до единицы. Чем больше разница в доходах, тем он выше — В.К.)

- «В 2013 г. в Центральное антикоррупционное бюро поступило свыше 13 тыс. заявлений и жалоб. В 2012 г. их количество составило 8 484, в 2011 — 7 174, в 2010 — 7 973. Все чаще такие обращения приводят к возбуждению уголовных дел. В прошлом году таких случаев было 1 300, в то время как в 2010 — всего 174. В налоговые органы в 2013 г. поступило 50 тыс. заявлений и жалоб». («Дзенник газета правна», 9 июня)

- «За последние пять лет количество обвинительных заключений о коррупции в сфере экономики, то есть в частных фирмах, выросло с 43 в 2008 г. до 374 в 2013 году». («Дзенник газета правна», 23 июля)

- «Вся Европа знает нас как страну, которая перед вступлением в ЕС понизила цены на водку на 30%. Потребление алкоголя после этого резко возросло и остается на этом уровне по сей день. (...) В результате практически прекратилось улучшение показателей здоровья населения, в особенности это касается мужчин. Нам есть чего стыдиться и кроме этого. Так, например, Польша обратилась в Европейский суд с иском против европейского антитабачного закона. Все это явно не способствует улучшению интеллектуального и морально-этического образа наших политиков», — проф. Витольд Затонский, директор лаборатории эпидемиологии и предупреждения злокачественных заболеваний Центра онкологии в Варшаве. («Жечпосполита», 4 авг.)

- «В два раза по сравнению с 90-ми годами возросло количество поляков, обращающихся к врачу в связи с психологическими проблемами. (...) Рост количества больных тесно связан с нарастающими цивилизационными угрозами. (...) Во взаимоотношениях между людьми начинает доминировать агрессия, являющаяся следствием персональной фрустрации — неудовлетворенности, поиска виноватых. (...) Часть общества по-прежнему реагирует на политические события довольно истерично. (...) Политики используют все тот же проверенный механизм: запугивают друг друга, вселяют в избирателей надежды на перемены, с упоением перечисляют невыполненные обещания оппонентов, растравляют раны

несбывшихся надежд. Все это усиливает фрустрацию общества, нагнетает нетерпимость и агрессию», — проф. Януш Херцман, вице-президент Польского психиатрического общества. («Газета wyborcza», 14–15 июня)

• «“72% поляков, живущих в Великобритании, не собираются возвращаться в Польшу. (...) Так что примерно 470 тыс. из них, если можно так выразиться, потеряны для нас навсегда. В Великобритании в настоящее время проживает около 650 тыс. поляков. (...) 90% из них еще нет 44 лет, а у 56% имеется высшее образование, и лишь 1% не может похвастаться никаким другим образованием, кроме начального. (...) Главная причина, по которой эти люди не хотят возвращаться в Польшу — отсутствие чувства безопасности. Речь идет не только о социальной и финансовой стабильности, но также о взаимоотношениях с государством”, — говорит проф. Кристина Иглицкая. Она отмечает, что, приезжая на родину, наши соотечественники чувствуют себя так, словно оказались во враждебном окружении», — Барбара Марчук. («Жечпосполита», 22 июля)

• «В прошлом году умерло 38 тыс. поляков. Численность населения Польши составляет 38 млн 496 тыс. человек. При этом смертность превысила рождаемость — умерло на 18 тыс. человек больше, чем родилось. Очередные 32 тыс. поляков покинули страну, приехало же в Польшу всего 12 тысяч. (...) Уже через десять лет количество поляков будет сокращаться на 100 тыс. человек ежегодно, а еще через десять лет на 200 тыс. в год», — проф. Кшиштоф Рыбинский. («Жечпосполита», 14–15 июня)

• «За весь прошлый год о легализации своего пребывания на территории Польши попросило почти 13 тыс. украинцев. С начала этого года таких лиц было уже 10 тыс., причем с мая по июль их количество составило 4 200 человек. Сегодня в Польше легально проживает 37,6 тыс. граждан Украины. Чтобы заполнить демографическую яму, они должны приезжать к нам в количестве не менее 150 тыс. ежегодно», — считает проф. Кристина Иглицкая. («Жечпосполита», 3 июля)

• «Польша, безусловно, самая однородная в этническом смысле страна в Европе — польских евреев уничтожили, польских немцев выжили, целые нацменьшинства на востоке страны депортированы либо расселены, границы тоже передвинуты. (...) Ничего хорошего из этого не будет. (...) Отмирает республиканская модель, опирающаяся на идею общего блага. (...) Завидев еврея, люди обзывают его жидом, завидев чернокожего — швыряют в него бананом. Есть такая свойская

общность, так называемые “мы”», — д-р Анджей С. Лещинский. («Польска», 21 июля)

• «Я — существо беспородное. Отец у меня поляк, мать — еврейка, убитая на как раз на Волыни. Я вырос и сформировался на Волыни, которая тогда была таким многокультурным плавильным котлом. Я знаю русский, украинский, польский, идиш и немецкий. В тех местах быстро переходили с языка на язык, в зависимости от того, с кем шла беседа. Люди уважали друг друга и берегли традиции», — Шимон Шурмей, актер, режиссер, директор Еврейского театра, председатель Социально-культурного общества евреев в Польше. Скончался 16 июля 2014 г. в возрасте 91 года. («Пшеглэнд», 21–27 июля)

• «Во время Второй мировой войны 70 мужских и 363 женских монастырей укрывало у себя евреев. Примерно 160 духовных особ поплатилось за это жизнью. (...) Звание “праведника народов мира” было посмертно присвоено двум “белым монахиням” и трем католическим священникам. (...) “Это был их моральный выбор”, — сказал посол Израиля в Польше Цви Рав-Нер, вручая медали и дипломы родственникам награжденных. Торжественное мероприятие прошло в пленарном зале Епископата Польши в присутствии главы Конференции Епископата архиепископа Генрика Гондецкого», — Томаш Ужиковский. («Газета выборча», 12 июня)

• «По прошествии ста с лишним дней архиепископ Генрик Хосер возобновил деятельность церкви в Ясенице. Новый священник-администратор велел убрать иудаистские элементы, которые ранее разместил на территории храма свящ. Войцех Леманский. За то время, пока храм был закрыт, оттуда исчезли еврейские надгробные таблички и Трон слова Божьего в форме свитка Торы. (...) Свящ. Леманский с понедельника приступит к исполнению обязанностей духовника в детском Центре нейропсихиатрии в Загуже», — Михал Вильгоцкий («Газета выборча», 28 июля)

• «Проф. Богдан Хазан, один из трех тысяч подписантов так наз. “декларации веры”, отказался делать аборт, хотя плод пациентки имел серьезные внутриутробные дефекты. Письмо, в котором Хазан объяснял отказ проводить операцию внутренним религиозно-моральным конфликтом, пациентка получила слишком поздно, чтобы сменить лечащего врача. Районная прокуратура Варшава-Мокотув проводит расследование по делу об угрозе жизни и здоровью пациентки в результате отказа врача проводить аборт». («Жечпосполита», 20 июня)

- «Врачебную деятельность, которая противоречит религиозным убеждениям, но при этом не запрещена законом, одобряет от 12% (направление на пренатальное обследование) до 32% (совершение легального аборта) опрошенных. (...) За право отказать в покупке противозачаточных средств выступают только 12% участников опроса. Другой июньский опрос ЦИОМа показывает, что использование противозачаточных средств считают недопустимым 10% взрослых поляков, против искусственного оплодотворения выступают 13%, а против аборт — 46%. ЦИОМ, 5–11 июня 2014 года». («Газета wyborcza», 3 июля)

- «Продолжающиеся несколько недель протесты католической общественности возымели действие. Руководство познанского театрального фестиваля “Мальта” отменило премьеру кощунственного спектакля “Пикник на Голгофе” режиссера Родриго Гарсии». («Газета Польска цодзенне», 21–22 июня)

- «Спектакль Родриго Гарсии “Пикник на Голгофе”, показ которого в Познани был отменен под давлением католических кругов, все выходные шел в полтора десятке польских городов, где демонстрировались видеозаписи спектакля или проходили читки пьесы. (...) То, что люди так сплоченно встали на защиту спектакля Гарсии, свидетельствует о нарастании общественного протеста», — Роман Павловский. («Газета wyborcza», 30 июня)

- «”Кафе оформлено в духе района, в котором оно расположено: здесь можно увидеть различные элементы дворовых часовенок, к примеру, фигурки Богородицы, деревянные столики. Здесь очень любят бывать туристы. (...) “Фигурки Девы Марии были у нас с самого начала, с 2006 года. Жители окрестных домов приносили мне пострадавшие от времени фигурки, а я их чинила, и они оставались у нас, отлично вписавшись в интерьер кафе”, — рассказывает Эльжбета Коморовская, основатель и совладелец кафе “В парах абсурда”. “Недавно к нам приходили с проверкой из администрации района. Чиновник, проводивший проверку, заявил мне, что фигурки надо убрать, поскольку это оскорбляет его религиозные чувства. (...) Мне также было сказано, что если я не выполню требования администрации, та откажет мне в праве на аренду помещения и обратится в прокуратуру”», — Войцех Карпешук. («Газета wyborcza», 1 авг.)

- «Архиепископ Станислав Гондецкий, глава епископата, не согласен с министром образования, который считает, что школа должна занимать нейтральную позицию относительно мировоззрений и идеологий. По этому поводу иерарх сделал

специальное заявление. Архиепископ считает, что светское государство нельзя отождествлять с государством секуляризированным. “Светское государство базируется на одном-единственном принципе: власть не может навязывать гражданам какую-либо религию или идеологию”, — заявляет архиепископ С. Гондецкий». («Жечпосполита», 1 авг.)

- «Архиепископ Станислав Гондецкий, митрополит Познанский, опубликовал в четверг официальное заявление о том, что “гражданин не обязан подчиняться распоряжениям светских властей, если те противоречат основам морали и нравственности, нарушают права человека либо расходятся с евангельскими нормами”». («Ньюсуик-Польска», 4–10 авг.)

- «Наше государство не является светским. Такого определения нет в конституции, так что не следует интерпретировать нейтральную позицию официальных властей по отношению к религиям и идеологиям как ключевой элемент несуществующего в действительности светского государства», — заместитель министра юстиции Михал Круликовский. («Газета wyborcza», 2 июля)

- «Неслучайно Ярослав Качинский ссылался недавно на пример Турции, очередной суверенной демократии с религиозным уклоном, где власть активно и подчас довольно жестко поддерживает мировоззрение исламского большинства. (...) Дональд Туск уже успел удостоиться от Качинского титула “врага христианства”, что стало одним из важнейших политических заявлений сезона. (...) На словах государство по-прежнему остается светским, о внесении в конституцию изменений относительно роли Церкви речи не идет, но в действительности происходит последовательная католизация страны. (...) Демократия сама вручает своим противникам инструмент ее собственного демонтажа», — Мариуш Яницкий. («Политика», 16–24 июня)

- «В 1989 году у поляков был поистине эпохальный шанс. (...) В центре Европы могло появиться католическое государство свободных людей. (...) Однако этого не произошло. (...) А все потому, что не нашлось человека, который отважился бы поставить под сомнение раздутые ложные ценности “евроэнтузиастов”: демократию, социализм, идею светского государства», — Кристиан Кратюк. («Полония христиана», май-июнь)

- «В 1991 г. основатели Евросоюза исключили религию из публичного пространства, заменив ее атеизмом. (...) Этот атеизм часто становится воинствующим, подавляющим

свободу и аморальным, что придает Евросоюзу черты тоталитаризма в марксистском стиле. (...) Результаты может дать только сильная религия, католичество, однако его должно поддержать высокоморальное персоналистическое государство, поскольку сама по себе религия не располагает сегодня соответствующими средствами воздействия», — сказал 11 июня с.г. на встрече в президентском дворце в Варшаве кардинал Герхард Мюллер, префект Конгрегации вероучения. («Наш дзенник», 20 июня)

• «Демократия в ее юридическом смысле существует у нас лишь для проформы. (...) В стране нарастает волна коррупции, афер, мошенничества и прочих махинаций, а все ради того, чтобы получить материальную выгоду, навязать свои взгляды, растоптать оппонентов и удержать власть. (...) По-прежнему всячески унижаются польское национальное самосознание, католическая вера, традиции, история, честь, крестьянство и пролетариат, да и любой простой человек, не держащий камня за пазухой. (...) Разрушаются целые отрасли экономики, разбазариваются сельскохозяйственные угодья. (...) Беспорядок в органах управления, грабеж и насилие на предприятиях и в учебных учреждениях, повсеместное отсутствие дисциплины и желания работать. А чудовищные реформы высшего образования вот-вот похоронят польскую культуру», — о. Чеслав С. Бартник. («Наш дзенник», 21–22 июня)

• «Польский священник, архиепископ Юзеф Весоловский, в сентябре прошлого года был отозван с поста папского нунция в Доминиканской Республике в связи с обвинениями в сексуальном растлении малолетних. (...) Год спустя, так же оперативно, он был лишен иерейского сана. (...) Когда это решение вступит в силу, бывший дипломат предстанет перед ватиканским судом, который может назначить Весоловскому наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 20 лет тюрьмы», — Томаш Кшижак. («Жечпосполита», 28–29 июня)

• «В краковской базилике Святейшего Сердца Иисуса польские епископы в присутствии большого числа верующих попросили прощения за все случаи сексуальных домогательств, допущенные священниками в отношении малолетних», — Томаш Кшижак. («Жечпосполита», 21–22 июня)

• «Осужденный за педофилию священник служил мессу, причащал, исповедовал. После каждого судебного постановления Церковь переводила его в другой приход, где он продолжал “пасторское служение”. Так продолжалось десять лет. (...) Говорит настоятель прихода, в котором о. Кшиштоф выполняет функции “пастыря” до сих пор, о. Петр Груба: “Ведь

человек не собака, чтобы взять да оставить его на улице”», — Кшиштоф Войчик. («Тыгодник повшехный», 3 авг.)

• «Если в 2003 г. в еженедельных религиозных обрядах участвовало 46% верующих, то спустя десять лет их число сократилось до 39,1%. “Впервые за более чем 30 лет количество людей, посещающих церковь по воскресеньям, составило менее 40%, — говорит о. Войцех Садлонь, директор Института статистики католической Церкви. — Это небольшое, но регулярное снижение мы наблюдаем, к сожалению, уже с начала 90-х годов”», — Томаш Кшижак. («Жечпосполита», 11 июля)

• «Павел, ученик лицея, и Каролина, гимназистка, познакомились в интернете. Сблизили их компьютерные игры, в ходе которых они убивали вымышленных персонажей, но в итоге подростки напали на свою вполне реальную соседку. (...) На допросе они признались, что, после серии виртуальных убийств, “захотели узнать, как это выглядит в действительности”. (...) Игра № 1: отрубаем людям головы, кто отрубит больше — тот выиграл. (...) Игра № 2: едем в автомобиле по улице; цель игры — задавить как можно больше пешеходов, идущих по тротуарам. Графика игр такова, что всё выглядит совершенно натурально: хлещет кровь, разлетаются в стороны руки, ноги и головы», — Томаш Дыбальский. («Газета wyborча», 24 июня)

• «В варшавском общеобразовательном лицее им. Якуба Ясинского почти весь военный класс вступил в военизированно-патриотическую организацию “Стрелец”. (...) “Стрелец” организует для подростков из военизированных классов специальные лагеря выживания. (...) Дети спят в шалашах, хотя по колено в грязи, а проголодавшись, убивают курицу, потрошат ее, жарят на костре и съедают. “Детям привозят живую курицу, которую те должны сначала приручить, а потом убить, — рассказывает по секрету Томаш Латак. — Убивать живое существо им поначалу тяжело, зато потом выстраивается целая очередь желающих”», — Эльжбета Турлей. («Политика», 25 июня–1 июля)

• «Решение о прекращении отстрела лосей — большая победа нашего гражданского общества. (...) Петицию с требованием прекратить отстрел животных подписало 55 тыс. человек. (...) На защиту лосей встал известный защитник и любитель живой природы, сенатор Влодзимеж Цимошевич, написавший: “Это наша страна, и эти лоси тоже наши, а не какого-то кретина из министерства”, — Адам Вайрак. («Газета wyborча», 4 июля)

• «В настоящее поле битвы превращаются территории, на которых должны появиться новые буроугольные шахты: Губин в Люблинском воеводстве, Злочев около Лодзи, а также Пяски, Ошчислово и Денбы Шляхетские в окрестностях Комина. (...) Экологи стали союзниками местных общественников, которые сопротивляются появлению новых больших разработок. Ожидается, что строительство запланированных шахт приведет к земельным обвалам общей площадью 400 кв. км, а примерно 30 тыс. человек понесет материальные потери», — Барбара Окщинская. («Жечпосполита», 4 июля)

• «По состоянию на март 2014 г. в целом в стране зафиксировано 525 населенных пунктов, в которых проходят протесты в связи с планами размещения ветрогенераторов в непосредственной близости от жилых домов. (...) Несколько лет тому назад в Варминско-Мазурском воеводстве была создана коалиция “Безопасная энергия”, в которую входят свыше двадцати общественных организаций со всего воеводства. (...) Коалиция уже несколько лет борется с произвольным размещением ветрогенераторов в наиболее ценных и заповедных уголках воеводства, не выступая при этом против использования источников восстанавливаемой энергии в целом», — Кшиштоф А. Воробец. («Дзике жиче», июль и авг.)

• «В этом году установлен очередной рекорд как по количеству налогоплательщиков, так и по величине суммы, которую они решили перечислить в пользу общественных организаций. На счета последних поступит в общей сложности 521 млн злотых, что почти на 40 млн злотых больше, чем в прошлом. Это стало возможным благодаря 11,2 млн поляков, которые решили лично указать, кому конкретно необходимо оказать помощь. Год назад таких деклараций было почти 9 млн», — Эльжбета Глапаяк. («Жечпосполита», 4 авг.)

• «Памятник, увековечивающий историческое событие либо национального героя, может обойтись, как минимум, в 700 тыс. злотых. Медицинская мобильная клиника, способная оперативно оказать помощь раненым и больным гражданским лицам, с полным комплектом оборудования, врачом и обслуживающим персоналом, стоит 300 тыс. злотых. Такая клиника в состоянии помогать тремстам пациентам в неделю. Насосная станция стоит 15,6 тыс. злотых. Так что люди могут сами поставить памятник варшавским повстанцам, но памятник живой, действующий, перечислив любую сумму Польской гуманитарной акции, чтобы помочь жертвам сирийского конфликта. Польская гуманитарная акция доставляет в Сирию воду, привозит хлеб, продукты питания,

предметы повседневного спроса, а также обеспечивает медицинское обслуживание свыше 7 тыс. человек в районе южного Идлиба и северной Гамы. Также стартовал проект по строительству насосной станции, которая обеспечит водой 7,5 тыс. жителей Тамали и Саракеба. (...) Как сообщает Анна Свиршчиньская, в разбомбленных городах также много пострадавших», — Роберт Занько, путешественник, инициатор акции «Горящий город». («Газета wyborча», 2 авг.)

• «Год тому назад журналист Шимон Холоня основал фонд «Касиси», помогающий детским приютам в Замбии. «К большинству из свыше 200 наших воспитанников нам удалось найти особый подход. (...) Я поселился в Касиси. (...) Тут не рассуждают о христианстве, а реализуют его на практике. (...) Сначала я помогал детям собственными деньгами, но сбережения вскоре закончились. (...) И тогда я решил создать фонд. (...) Наш фонд запустил программу «Кладовая», это что-то вроде продуктового магазина, обеспечивающего детей молочными продуктами, витаминами, сладостями, деликатесами, да и просто обычным хлебом. Год назад «Касиси» закупал 200 буханок хлеба в неделю, а сегодня спокойно может купить в два раза больше. (...) В настоящее время фонд ежемесячно присылает в Касиси 60–90 тыс. злотых. В фонде трудится полсотни человек из окрестных деревень. Мы здесь единственный работодатель и единственный центр здоровья. (...) Мы ничего не привозим из Польши, все покупаем на месте. (...) Номер счета фонда, на который можно перечислить деньги: 481090 1883 0000 0001 2101 3122. Страницы фонда в интернете: www.fundacjakasisi.pl, www.facebook.com/fundacjakasisi», — Шимон Холоня». («Ньюсуик-Польша», 9–15 июня)

В №7-8/2014 последняя новость в «Хронике (некоторых) текущих событий» должна быть подписана: Ежи Столярчик («Газета wyborча», 27 мая).

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

«Доказательств, что это Россия, нет никаких», — так звучит рефрен опубликованного 27 июля 2014 года в «Новой газете» стихотворения Дмитрия Быкова «Доказательное». Перевод Збигнева Дмитроцы напечатан в «Газете выборчей» (№184/2014). И надо признать — это стихотворение убеждает, что поэзия все еще может не только исследовать глубины человеческого духа (о чем свидетельствует хотя бы римейк стихотворения Бродского «На независимость Украины» Игоря Белова), но и свидетельствовать о состоянии мира, в котором нам довелось жить. Как это написал Чеслав Милош в стихотворении «Ты, кто обидел простого человека»? А вот как: «Ты не чувствуй себя в безопасности, поэт помнит». И по этой причине (хотя, наверное, не только) поэзия воспринимается сегодня как голос, который — пусть и немногие его слышат — так много значит и так отчетливо звучит среди визга атакующих нас СМИ.

Публикаций, касающихся поэзии, ее роли и задач, а также перемен, происходящих с ней в ходе исторического процесса, в польской культурной прессе немало, но не они задают тональность. Конечно, я мог бы сосредоточиться только на них, но тогда я пришел бы в разлад с самим собой, потому что, несмотря на то, что сам я поэт и анализ стихов входит в круг моих профессиональных обязанностей, мне трудно скрыть, что на данный момент меня больше интересует предпринятая Россией попытка доставить на Украину гуманитарную помощь, о чем как раз говорят по радио. С другой стороны, меня волнуют убытки, которые из-за наложенного Россией эмбарго на продовольственную продукцию из Польши, понесут наши крестьяне. Вот причины, по которым я читаю статьи и эссе, касающиеся Украины и того, какую роль во всем этом играет Россия. Особенно меня интересует позиция России и русских в отношении Украины и украинцев, названных в уже упомянутом стихотворении Бродского — и не только в нем, и не только им — хохлами.

Один из этих сюжетов занимательно преподносит Павел Пшецишевский в пространном очерке «Разрыв братства», опубликованном в католическом ежеквартальнике «Вензь» (№

2/2014). В частности, он пишет о теории Александра Дугина: «Первый из грехов украинцев, по Дугину, — это «мазепизм», который в классической русской литературе является эвфемизмом для обозначения предательства Руси. Истоки этой измены можно усмотреть во всей истории Галиции (...). Галичане считаются элементом, чуждым России, рассадником зла, предательства и всяких ужасов. Согласно Дугину, со времен, как минимум, короля Даниила Романовича (XIII век) галичане были уже совершенно отдельным народом, исповедующим ценности, диаметрально противоположные всему тому, что объединяло Русь. Эта теория весьма популярна среди русскоязычных жителей Украины, особенно в кругах молодых, образованных приверженцев русского национализма. Теория Дугина снабжает самым тяжелым пропагандистским оружием сторонников исключения Украины из русского мира. Поскольку украинизация, как раковая ткань, разрастается все дальше, отыскивает для себя все новые территории, то необходимо отобрать у Украины те ее территории, где население еще не подверглось деструктивным галицийским воздействиям. Похоже, Дугин — один из самых важных, а по крайней мере, самых харизматичных архитекторов нынешней антиукраинской пропаганды. Хорошо видно его влияние как на мнения, выражающиеся в интернете, так и на подбор экспертов, провозглашающих антиукраинские тезисы в российских масс-медиа».

В самом деле, Мазепа заключил союз со шведами, и не случайно Бродский в своем стихотворении вспоминает битву под Полтавой, в которой гетман вместе с Карлом XII понес сокрушительное поражение. Если, однако, Дугин обвиняет украинцев и отягощает их грехом «мазепизма», то перед каждым интерпретатором этой концепции встает очевидный вопрос: что это за война и кто в ней играет роль Карла XII? Вопрос этот лучше пока оставить открытым, зато полезно проследить, как на страницах польской культурной прессы рассматривается роль Дугина. Например, в статье «Время “Лузитании”» («Лузитания» — это название затопленного в 1915 году немецкой подводной лодкой пассажирского лайнера, что привело к вступлению США в мировую войну) на страницах еженедельника «вСети» (№ 32/2014) Петр Сквещинский пишет: «Главнокомандующий сепаратистских сил Игорь Стрелков, избранный в качестве героя войны за “русский мир”, уже неоднократно выражал разочарование политикой России, слишком малыми (до недавних пор) поставками, а главное тем, что постоянно откладывается решение о введении войск на Украину. На своей официальной странице он опубликовал (без комментария) драматическую статью идеолога великорусского

национализма Александра Дугина, который вообще обвиняет Путина в измене. “Путин продает не только Донбасс, он продает самого себя, Россию, нас всех”, — написал Дугин. У президента России даже слишком много причин, по которым он мог бы хотеть освободиться от связей с сепаратистами. Но именно разрыв с “борцами за Новороссию” нанес бы урон престижу Путина». И, хотя обычно со Сквецинским мне согласиться трудно, в данном случае придется признать его правоту.

Похоже, что в том же направлении идет анализ ситуации в статье Мирослава Чеха «На волоске от вторжения», опубликованной в «Газете выборчей» (№ 185/2014): «Путин как огня боится упрека, что он “предал Новороссию”, потому что не послал на помощь свои войска. Все указывает на то, что в пятницу 8 августа он принял именно такое решение. Утром он созвал чрезвычайное заседание своего совета безопасности, чтобы обсудить проблему “нарастающей гуманитарной катастрофы на юго-востоке Украины”. И хотя подробности не сообщались, но многое подсказывало, что был утвержден план открытого вторжения в Донбассе. Лидеры Запада и Украины сделали все, чтобы Путина от этого отговорить». Это, конечно, только один из многих и множась эпизодов текущего хода событий. Будет ли он иметь какое-то значение, об этом мы узнаем, быть может, только через годы.

Пока что имеет смысл, хотя бы опосредованно, заняться литературными проекциями всех этих событий. В чем нам поможет обширная статья Ренаты Лис «Стрелков и война графоманов», опубликованная в приложении «ПлюсМинус» (№ 32/2014) к газете «Жечпосполита». Автор пишет, после рассказа об участии главаря вооруженных сил Новороссии Игоря Стрелкова в балканских войнах: «В “Боснийском дневнике” Стрелков рассказывает о “синдроме недовоеванности”, который он привез из бывшей Югославии. Этот ли синдром велел ему ехать в Крым и в Донбасс, чтобы организовать там войну с “украи”? Несомненно — да, хотя, возможно, были на то и иные причины: ощущение миссии, приглашение от украинских федералистов, которым казалось, что Россия даром поможет им обрести независимость от Киева, а также — не будем детьми — приказ из Москвы. Но это не все. Есть еще мечты, сны, бредовые идеи — и одержимость. “В украинских событиях 2014 года не разобраться без понимания одного неожиданного и, пожалуй, страшного факта: это по преимуществу война литературная, развязанная писателями. (...) Эта война давно была предсказана, подробно описана, распланирована, а впоследствии осуществлена именно писателями”, — утверждает в опубликованном 8 июля в

“Новой газете” тексте Дмитрий Быков». Как видно, поэты не только пишут стихи, но также умеют прекрасно анализировать ход событий — в конце концов, незавершенная Пушкиным работа над биографией Петра Великого и «История Пугачева» являются прекрасными свидетельствами таких аналитических способностей.

Пойдем, однако, далее. «При этом, — пишет Рената Лис, — речь здесь идет конкретно о писателях, занимающихся фантастикой, часто графоманах, завсегдатаях харьковского фестиваля фантастов “Звездный мост”. Этим фестивалем в прошлом руководил Арсен Аваков, нынешний министр внутренних дел Украины, который уже в 2009 году, после чтения русских фантастических романов, таких как “Поле битвы — Украина” Георгия Савицкого, “Русско-украинские войны” Александра Севера и “Украинский фронт” Федора Березина, спрашивал на страницах “Украинской правды”: хотят ли русские войны? Березин, будучи полномочным представителем Стрелкова в Донбассе, является автором бесчисленных плохо написанных книг в жанре боевой фантастики. Действие “Украинского фронта” он поместил в донецкий и луганский регионы, а осью фабулы сделал вторжение войск НАТО на Украину, которая становится полигоном большой войны между Россией и Западом. В романе в качестве героя появляется другой фантаст, Андрей Валентинов, автор книжки “Омега”, в которой НАТО осуществляет вторжение в Крым».

НАТО в роли Карла XII — это очень забавный ход. В таком контексте операцию по присоединению Крыма к Российской Федерации можно интерпретировать как упреждающий маневр. Где, однако, могла бы произойти нынешняя битва под Полтавой? И, случайно, не превратится ли это сражение в битву под Конотопом — упоминаемую в стихотворении Бродского, но являющуюся свидетельством победы украинских войск над московской армией? Ничего себе вопросы. Пока что имеет, наверное, смысл обратить внимание на факт, что сам Стрелков владеет не только мечом, но и пером. Рената Лис пишет: «Сам Стрелков — автор романа “Детектив замка Хэльдиборн”, изданного в декабре 2013 года, спустя месяц после первых протестов на Майдане. Ее можно купить в России и на Украине, а также в книжном магазине Ozon.ru, где роману присвоили звание бестселлера. (...) Защитник Замка, зрелый романтик, восхищается красотой незрелой девушки, мечтая о подвиге, который он мог бы сложить к ее ногам. (...) Хозяева романного Замка — это боевые рыцари Хэльдиборны, которые с войсками Императора охраняют дальние рубежи Империи (...). Им

помогают гномоподобные существа-заступники из славянской мифологии — верные Ист-Лимесы. Враги Ист-Лимесов — живущие в соседнем замке Вуффензиг домовые из рода Пифф-Паффов, которые, хоть и братья, оказались подлыми предателями, как, впрочем, вся их страна, всегда ненавидевшая Хэльдиборнов. Аналогия прозрачная: Пифф-Паффы — это взбунтовавшиеся славяне (скорей всего, украинцы). Цель, которая превышает всего, — это защита Древней Крепости: Руси, России или Советского Союза. В состав волшебной дружины защитников Замка, кроме верных домовых, входят также существа, имеющие статус гостя. Война здесь единственное занятие, достойное благородного человека, а любовь к войне равноценна любви к родине. Существам своей крови, даже если те не живут в Замке, верят безгранично и поддерживают оружием. Замок — это святая святых, его обороняют до последней капли крови. Разве бредни Александра Дугина о святой войне Цивилизации Земли и Цивилизации Моря не относятся, случайно, к тому же жанру фантастики, что и простая как валенок аллегория Стрелкова?»

Признаюсь, что пересказ романа Стрелкова я читал с огромным интересом и, быть может, даже воспользуюсь предложением книжного магазина Ozon.ru, чтобы узнать, пишет ли автор хоть что-нибудь на тему меню в Замке Хэльдиборн? Особенно меня интересует, входят ли в продуктовый набор Замка польские овощи и фрукты? Если нет, значит в этом кто-то виноват, но, видимо, читатель должен быть убежден — «доказательств, что это Россия, нет вообще».

ЕПИТИМЬЯ НА ВОСХОДЕ СОЛНЦА ДЛЯ ПИЛОТА «АЭРОФЛОТА»

«Мы пролетаем над остатками Украины, где живут бандеровцы и прочая мразь», — сказал через динамики командир экипажа самолета «Аэрофлота», летевшего в начале августа из Москвы в Вену. Мало кто из пассажиров заметил этот инцидент, так как большинство не знало русского языка. Одним из немногих был словацкий дипломат Мартин Качо, который сообщил об этом в «Твиттере», прокомментировав: «Невероятно».

Невероятно? Не будем преувеличивать. Раз уж украинцы и русские сегодня в Донбассе стреляют друг в друга из орудий и автоматов, пускают реактивные снаряды, бросают гранаты, то почему «невероятными» должны быть оскорбления? По сравнению с применяемыми на земле средствами ведения боя, слова пилота, сказанные на несколько тысяч метров выше, не выглядят чем-то уж особо экстремальным или невероятным.

Почему, собственно, пилот сказал то, что сказал? Ведь не по приказу же свыше. Напротив — можно подозревать, что руководство «Аэрофлота» было бы не в восторге, узнав, какие сообщения делает пассажирам человек, носящий форму компании и представляющий ее в глазах всего мира. Эти слова, конечно, не делают чести «Аэрофлоту», и вполне возможно, что начальство — если оно об этом узнало — потом сделало своему пилоту выговор.

Слова о бандеровцах и украинской мрази, несомненно, были личной инициативой пилота, проявлением его спонтанной экспрессии, мотором которой послужила не кора головного мозга, управляющая высшей интеллектуальной деятельностью, а более глубокие и древние отделы мозга — те, что ведают эмоциями. Особенно такими, как презрение и ненависть.

Не стоит их недооценивать. В данном случае результатом их воздействия были только слова, но ведь эти два чувства в ответе за величайшие несчастья человечества. Сегодня мы наблюдаем их наследие в Сирии и Ираке, где создатели

халифата убивают неверных. Совсем недавно подобные вещи мы видели на Балканах, а в 40-е годы по всей Европе.

Говорят, что ненависть — это часто просто ответная реакция. Что ее вызывают пережитые травмы и страдания. Что это ответ на действия другой стороны. Это соблазнительное и на первый взгляд верное объяснение. Взять хотя бы совершённую 21 июля 1946 г. казнь Артура Грайзера, наместника Адольфа Гитлера в Познани, которому, в признание его несомненных заслуг, польский народ стихийно присвоил почетный титул «палача Великопольши». Его публично повесили под аплодисменты многотысячной толпы жителей Познани. «Эта свинья наконец-то сдохла», — говорили на улицах города.

В 1946 г. в Европе уже не практиковалось публичное умерщвление преступников, однако в данном случае, чтобы накормить этих двух дремлющих в человеческих мозгах чудовищ (ненависть и презрение), из правила сделали исключение. Для приличия это называли «удовлетворением чувства справедливости».

Такое дело нелегко было осуществить, так как в то время в Познани не было человека, профессионально занимавшегося приведением в исполнение приговоров такого рода. Так что нужно было найти палача-добровольца. Где его искать? Ясное дело, среди тех, у кого были с Артуром Грайзером несведенные счета. Так и появилась кандидатура ординарца генерала Михала Роли-Жимерского, молодого парня, всю семью которого в годы войны уничтожили немцы. Сам генерал выдвинул его кандидатуру для исполнения этого почетного задания, считая, что оказывает ему большую услугу.

Сегодня мы бы не знали этой истории, если бы не случай, благодаря которому дорога ординарца пересеклась с путем писателя Юзефа Хена. Несостоявшийся кандидат в палачи рассказал ее писателю, а тот написал рассказ, озаглавленный «Человек, который должен был повесить Грайзера».

Мы даже не знаем настоящей фамилии человека, которого выбрали, чтобы повесить гитлеровского наместника Познани — он известен нам только под именем Мундек (уменьшительное от Зигмунт), под которым фигурирует в рассказе. Но мы знаем, что он мучился сомнениями и в конце концов решил, что, несмотря на причиненное ему зло, он никого не хочет вешать. Так что он поблагодарил за оказанную честь, а взбешенный генерал в наказание вышвырнул его не только с должности ординарца, но и вообще из армии.

Позиция этого неизвестного Мундека доказывает, что никто не обречен на ненависть, даже тот, кто испытал самую большую несправедливость. Ординарец, руководствуясь душевным порывом, на практике реализовал постулат, который через несколько десятков лет польско-еврейский поэт Натан Тененбаум так выразил в стихотворении «Молитва на восходе солнца»:

Приемлю все, что ни предпишешь,

Смиренный пред Твоею силой.

От ненависти лишь, Всевышний,

И от презрения помилуй.

«Аэрофлот» наверняка размышляет теперь, как наказать пилота венского рейса за то, что в рабочее время он через служебные динамики передает личные комментарии. У меня есть предложение: прошу профинансировать перевод произведения Тененбаума на русский язык^[1] и обязать командира экипажа ежедневно читать эту молитву. Лучше всего — в соответствии с названием — на восходе солнца.

-
1. Это стихотворение уже переведено на русский язык Д. Пелиховым и цитируемый выше фрагмент приводится в его переводе. Прим. пер.

ПОЛЬСКИЙ ПСИХИАТР И МАСОН ИЗ ПЕТЕРБУРГА

Следует вспомнить выдающегося ученого, который заложил основы современной, гуманистической психиатрии, а также был воссоздателем польского масонства. Это Рафал Радзивиллович. Он родился 20 декабря 1860 года в Петербурге. Окончил IV гимназию в Варшаве (1879), а затем медицинский факультет Дерптского университета (1886). В 1887 году получил звание доктора медицины после защиты работы «*Nachweis und Wirkung des Cytisins*» («Выявление и применение цитизина»). Исследование было выполнено в фармакологической лаборатории проф. Роберта Коберта и в психиатрической клинике проф. Эмиля Крепелина. 1 ноября 1889 года Радзивиллович принял должность ассистента в больнице имени св. Николая Чудотворца в Петербурге. В этой больнице должность главного врача с 1881 года занимал поляк, приват-доцент (с 1882 года) Оттон Чечотт. С 3 июля 1889 года, после смерти Виктора Хрисанфовича Кандинского, освободилось место старшего ассистента, которую городская больничная комиссия временно заменила должностью ассистента, и ее занял Радзивиллович. Кандинский вошел в историю психиатрии своим исследованием псевдогаллюцинаций и синдрома психического автоматизма. Радзивиллович, работая в клинике св. Николая Чудотворца, был одновременно волонтером в Императорской военно-медицинской академии в Петербурге, руководимой поляком проф. Яном Межеевским. Во время пребывания в Петербурге Радзивиллович вращался в многочисленном кругу польских психиатров. Непосредственное шефство над ним в клинике осуществлял доц. Альфонс Эрлицкий. в 1891 году Радзивиллович вернулся в Варшаву в связи с принятием должности ассистента во вновь организованной психиатрической больнице в Творках под Варшавой. Работу потерял в 1905 году. Он был уволен царскими властями в связи с обнаружением злоупотреблений со стороны больничных чиновников и должен был содержать себя частной практикой. В том же году он стал соучредителем и активистом Прогрессивно-демократического союза и Союза польских врачей.

Жизнь и деятельность Рафала Радзивилловича приблизительно с этого времени оказалась неразрывно связана с масонством. В

Польше в атмосфере краха революции 1905–1907 гг. в кругах интеллигенции начался поиск новых путей для решения жгучих, серьезных национальных проблем. Общие настроения интеллигентской среды этому способствовали, новые идеалы в области государственных и общественных задач связывались с социальным солидаризмом и толерантностью.

Предположительно в 1905 году в условиях конспирации были предприняты шаги, направленные на возрождение польского масонства. Большое значение в этом отношении имела, безусловно, художественная литература, которая вводила масонскую тематику в сферу насущных интересов поляков. Существенную роль, вызвав в кругах интеллигенции заинтересованность масонством, сыграл «Пепел» Стефана Жеромского, публиковавшийся в 1902–1903 гг. в «Иллюстрированном еженедельнике» («Тыгодник илюстрований») и вышедшей отдельной книгой в 1904-м. Дополнительным стимулом стало издание в 1907 году монографии Шимона Аскенази «Лукасинский», повествующей о деятельности польского масонства перед восстанием 1830 года.

Идея создания масонской ложи сформировалась среди небольшой группы варшавских интеллигентов. За замыслом возрождения масонства стояла убежденность, что благодаря именно такой организации, можно получить доступ в круги людей, которые, в свою очередь, могли бы оказывать влияние на текущую международную политику. А включение в эту сферу польского вопроса было признано приоритетным. Масонство тогда полагалось, в идейном и практическом отношении, организацией, наиболее подходящей для создания общественной группы, руководящей всеми формами деятельности, нацеленной на борьбу за национальное освобождение и объединяющей людей, которые играют в своей среде ключевые роли.

В числе тех, кто наиболее активно участвовал в возрождении масонства в Польше, — варшавский психиатр Рафал Радзивиллович, ставший прототипом доктора Юдыма из «Бездомных» Стефана Жеромского (с писателем они были свояками). Радзивиллович принадлежал к той части интеллигенции, которая искала новую идеологию и новые пути для сохранения целостности общества в рамках общественно-культурных организаций. Пропагандируемый им лозунг «*ago, ergo sum*» («действую — следовательно, существую»), означал не только активность в работе во внешнем мире, но относился, прежде всего, к процессу

саморазвития. Руководствуясь таким мышлением, он основал первый масонский кружок. Для преобразования его в ложу помощь оказала парижская ложа Великого востока Франции «Les Rénovateurs» («Обновители»), вокруг которой группировались эмигранты из Восточной Европы. В этой ложе в первые дни ноября 1909 года прошла инициация семи известных варшавских интеллигентов, в том числе Рафала Радзивилловича. На рубеже 1909–1910 года варшавский кружок отвечал всем условиям, чтобы стать ложей. Пусть немногочисленный, но достаточный для основания полноправного звена «королевского искусства». После получения от Великого востока Франции конституционного патента, в Варшаве 10 июня 1910 года была основана первая масонская ложа юрисдикции Великого востока Франции, получившая название «Освобождение». Ее председателем стал Радзивиллович, который получил степень мастера 8 января 1910 года. Происхождение названия ложи обусловлено идеей независимости, что определяло деятельность всех ее членов. С учетом тогдашних политических условий, ложи не сообщали о своей деятельности административным властям, а поэтому оставались нелегальными организациями. Созданные в последующие годы ложи были прекрасно законспирированными. Ни Охранное отделение, ни царская жандармерия до конца своего существования не сумели проникнуть в ряды польских вольных каменщиков и даже установить их. Именно из конспиративных соображений, из-за опасений, что многочисленные собрания обратили бы на себя внимание, было принято решение в связи с ростом числа адептов открыть в Варшаве вторую ложу, которая была названа «Возрождение». Около 1917 года ложи «Освобождение» и «Возрождение» объединились, была образована ложа «Воскресение». Уже сами названия вновь образованных лож показывают, что принципиальной целью их деятельности была независимость Польши. И речь шла не только об освобождении народа из-под господства государств-разделителей, но также и об освобождении человека как индивидуума от кнута несовершенного, по мнению масонов, общественного устройства. Членов лож объединяло представление, что в своих рядах они смогут сочетать верность лозунгу «свобода, равенство, братство» с общими действиями в пользу возвращения Польше суверенного существования. Все это предприятие было проникнуто идеей борьбы за высокие, гуманные, благородные дела.

19 марта 1920 года в Варшаве была создана ложа шотландского послушания «Коперник». Ее председателем стал Радзивиллович. 24 апреля 1924 года ложа получила от Великой

ложи Италии учредительный документ. Благодаря этому, ложа «Коперник» стала полноправной, то есть ложей-матерью других звеньев «королевского искусства». Семь братьев могли создать ложу и избрать председателя. В период с апреля по сентябрь 1920 года было образовано шесть следующих столичных лож (в порядке создания: «Лукасинский», «Махницкий», «Костюшко», «Возвращенная Свобода», «Совинский», «Мицкевич»). 11 сентября 1920 года семь варшавских лож создали собственный руководящий центр — Великую национальную ложу «Объединенные поляки» с Великим мастером Радзивилловичем во главе. В документе от 9 января 1921 года, присланном Великой ложей Италии, Великая ложа Польши была признана правильно построенной, суверенной и независимой. 30-й градус шотландского устава Радзивилловичу присудили перед мартом 1921 года, а вскоре и 33-й градус, затем он стал членом Высшего совета в Польше и в нем исполнял, до самой смерти, должность оратора.

В 1910–1920-х годах Радзивиллович осуществлял функции связного между людьми, партиями и организациями, а направляемая им жизнь ложи становилась мотором различных действий, имеющих целью обретение независимости. Можно сказать, что для Радзивилловича наступило время напряженной работы в политике и в общественной жизни, и в этой работе непреложно главенствовали масонские ценности и идеи. Он сочетал в своей деятельности умение руководить делами людей с принципами гуманизма и самосовершенствованием. В 1906 году Радзивиллович стал одним из организаторов Товарищества кооператоров и Товарищества читален города Варшавы. Оказывал помощь созданной в 1912 году тайной Организации свободолюбивых учителей, был деятелем Товарищества польской культуры, в котором также работал Генрик Гольдшмит (Януш Корчак). Радзивиллович старался вдохновить своей активностью другие общественные организации. Он не оставлял вниманием и сельскую общественность, оказывая помощь типографии Польского народного союза. Под псевдонимом «отец Миллер» активно сотрудничал с Крестьянским союзом. Был также деятелем Отдела бесплатных читален Варшавского благотворительного общества, а также одним из основателей Товарищества Публичной библиотеки в Варшаве.

Своими знаниями психиатра он служил, в частности, и людям, арестованным царскими властями. Одним из способов борьбы стала симуляция, в крайних случаях, психического заболевания. Это подчас бывало единственным шансом на

спасения. Психиатры-волонтеры (и в этом был огромный вклад Радзивилловича), рискуя собой в своем бескорыстии и преданности делу, инструктировали политических заключенных, как симулировать болезнь, или в качестве судебных экспертов в ходе ведущихся дел представляли благоприятное для обвиняемых заключение. В 1900 году Радзивиллович помогал Юзефу Пилсудскому симулировать психическую болезнь и «укрыться» в психиатрической больнице. Совершив побег из больницы св. Николая Чудотворца в Петербурге, будущий руководитель независимой Польши спасся от новой ссылки в Сибирь.

Важным полем деятельности Радзивилловича была социальная медицина. В 1916 году группа врачей, объединенных в демократическом врачебном избирательном комитете (во время выборов первого городского совета в Варшаве), приняла решение не распускать комитет после выборов, а создать объединение, которое возродило бы традиции Союза польских врачей, упраздненного российскими властями в 1906 году. Таким образом возникло Польское товарищество социальной медицины. Его председателем в 1916–1922 гг. был Радзивиллович а вице-председателем — Витольд Ходзько. Радзивиллович как председатель Товарищества социальной медицины выступал на публичном форуме по вопросу улучшения опеки над психически больными. Он подчеркивал значение правильной организации коллективной жизни пациентов. По его мнению, «воспитательное значение примера, играющее столь большую роль в педагогике, имеет не меньшее значение в психиатрии». Свою позицию он использовал для организации опеки над психически больными и призывал создать государственное психиатрическое управление, целью которого был бы надзор над институтами, занимающимися помощью лицам, страдающими психическими заболеваниями. Он заботился об улучшении опеки над психически больными и о том, чтобы психиатрическая помощь стала доступнее, особенно для бедных. В этих вопросах он видел не только экономическую, но и моральную проблему. Организовал также Первый польский съезд военной медицины, который прошел в Варшаве 1–2 февраля 1917 г. Уникальность съезда состояла в том, что он предоставлял возможность фронтовым врачам поделиться опытом и непосредственно обмениваться мыслями с обеих сторон ведущихся боев. Среди решений съезда на первом месте оказалось воззвание к врачам-полякам «в насколько можно большем числе вступать в ряды польской армии (легионов Пилсудского)». От имени Товарищества Радзивиллович выступал по вопросу улучшения опеки над психически

больными и введения соответствующего правового регулирования (закона о психиатрии). Он высказывался за создание Государственного психиатрического управления, которое осуществляло бы надзор за учреждениями, осуществляющими психиатрическую помощь и опеку, ходатайствовал бы перед Сеймом о принятии закона системе помощи психически больным. В 1916–1918 гг. Радзивиллович был консультантом больницы в Творках.

В апреле 1918 году Ходзько стал министром здравоохранения. Вместе с Радзивилловичем и Мазуркевичем, которые также какое-то время работали в министерстве, он принял за организацию службы здоровья в независимой отчизне. Двое последних занялись, в основном, вопросами психиатрической помощи. Попытки консолидировать польское сообщество психиатров, рассредоточенное в трех зонах раздела Польши — российской, немецкой и австрийской, начались в конце первого десятилетия XX века. 11–13 октября 1909 года по инициативе Радзивилловича в Варшаве прошел I съезд польских неврологов, психиатров и психологов. Радзивиллович был членом оргкомитета съезда со стороны Польского психологического общества (зарегистрированного 5 марта 1907 года) и вел заседания психологической секции съезда. II съезд состоялся 20–23 декабря 1912 года в Кракове и был посвящен взглядам Фрейда и организации психиатрической помощи. Радзивиллович, принявший участие в его работе, представил отчет о выполнении решений варшавского съезда и сообщил о создании психологической лаборатории при Варшавском научном обществе, а также о создании журнала «Польская неврология», посвященного вопросам неврологии, психиатрии и психологии. В том же году Радзивиллович совершил поездку по странам Западной Европы, посетив клиники Германии, Австрии и Англии. Вершиной организационной деятельности Радзивилловича в области психиатрии в независимой Польше была инициатива созыва и подготовка I съезда польских психиатров, который проходил с 30 октября по 1 ноября 1920 года в Варшаве. Одновременно это был учредительный съезд Польской психиатрической ассоциации. Радзивиллович был председателем организационного комитета съезда, в комитет входил также Мазуркевич. В ходе съезда, наряду с научными вопросами, затрагивались также многие масштабные темы государственного характера.

В своих работах Радзивиллович связывал этическую и судебно-психиатрическую проблематику. Он высказывался за создание Государственного психиатрического управления, которое занималось бы лечением психически больных и опекой над

ними. Радзивиллович явился автором учебника «Судебная психиатрия». В другом своем труде, «Невменяемость и ограниченная вменяемость. Психиатрический комментарий в связи с новым уголовным кодексом», он обратился к теме вменяемости и вопросу о применении профилактических мер по отношению к лицам, совершившим преступления. Его предложения были рассмотрены и поддержаны на II съезде польских психиатров. Радзивиллович считал, что, наряду с полной невменяемостью, в уголовный кодекс должно войти определение «ограниченная вменяемость», под которым понимается установление факта наличия сниженной психической дееспособности, что требует применения соответствующих профилактических методов, не наносящих ущерба подсудимому. Он высказал также требование отмены исполнения наказания в случае, если суд признал ограниченную вменяемость в ходе совершения преступления. Такая трактовка, в пользу больного, была новаторской и отвечала требованиям времени.

В течение всего межвоенного периода во главе Польской психиатрической ассоциации стояли психиатры-масоны: Ходзько и Ян Мазуркевич. Радзивиллович в 1920–1928 гг. выполнял функции генерального секретаря, был учредителем «Ежегодника психиатрии» — печатного органа ассоциации.

Радзивиллович, благодаря своей неуклонной вере в правильность избранного пути, который должен был привести к гарантированной полноте гражданских прав лиц, страдающих психическими нарушениями, стал мотором действий, направленных на принятие закона о психиатрии. Смерть Радзивилловича значительно ослабила эти действия.

Для психиатрии рубежа XIX–XX века был характерен отход многих исследователей от неврологии и нормальной или патологической анатомии и переориентация в сторону психопатологии и психодинамики психических нарушений. То же и в случае Радзивилловича, который в первый период своей научной деятельности занимался гистопатологией мозга, а затем по преимуществу клинической и судебной психиатрией, социальной психиатрией и психологией. Он явился создателем польской социальной психиатрии, и его научные интересы нашли выражение в практическом участии в освободительном движении и в его общественной деятельности.

Вращаясь в среде варшавской интеллигенции, Радзивиллович принимал активное участие в происходивших на рубеже веков спорах и дискуссиях. То, что предлагал позитивизм, не было для него достаточным, альтернативой оказался

распространенный на Западе Уильямом Джеймсом прагматизм. Радзивиллович был сторонником этого течения, которое можно определить как американскую национальную философию, и пропагандировал его в Польше. Имеется много сходного между прагматизмом и философией волюнтаризма, что, впрочем, не должно слишком удивлять с учетом огромного влияния масонских организаций на общественную, политическую и культурную жизнь Соединенных Штатов, что особенно заметно проявилось в самом начале истории американского государства.

Прагматизм, который главное место уделял поступку, провозглашая тезис о единстве мысли и действия, стал для Радзивилловича философией, подтверждающей смысл его работы, инспирировавшей формирование иных, чем ранее, взглядов на психиатрию. Прагматизм, благодаря наличию в нем эволюционно-биологических элементов, был для него мостом, объединяющим нейроанатомический и психологический подход. Постепенно во взглядах Радзивилловича психологические элементы стали доминирующими. Начало этому интересу, скорее всего, было положено еще исследованиями, проведенными в период его врачебной работы в клинике Э. Крепелина, который первым применил методы экспериментальной психологии в клинической психиатрии. Радзивиллович в 1908–1915 гг. преподавал психологию на Высших женских педагогических курсах, а после 1922 года — студентам третьего курса медицинского факультета Варшавского университета. Одним из основных вопросов, на которые он стремился дать ответ, был вопрос о сущности психологии и о ее отношении к психиатрии. Он полагал, что не предмет, а отношение исследователя к предмету является чертой, отделяющей психологию от других наук. Для него эта черта — индивидуализм. Он полагал психологию экспериментальной естественной наукой. Подчеркивал факт существования многих исследовательских методов в психологии и их «равноправность». Радзивиллович исходил из установки прагматизма, согласно которой любой метод должно признать адекватным, если тот ведет к цели. Однако сам предпочитал метод интроспекции, являющийся «методом изучения собственных состояний сознания». Термин «интроспекция» он использовал в своих работах для определения самонаблюдения.

Радзивиллович признавал большое значение биологического направления в психиатрии. Он указывал, что термин «биологическое направление» используется слишком узко, как синонимичный «физиологическому направлению». Основой

биологического направления он полагал «метод эволюционного мышления», учитывающего закон развития. Радзивиллович полагал, что самая важная задача психиатра — это определение динамики симптомов посредством «их эволюционной трактовки». К психиатрической нозологии относился как к второстепенному делу.

Свою концепцию организации психической жизни Радзивиллович опирал на модель Уильяма Джеймса, в которой личность представлялась как иерархически организованная система ее черт. Джеймс выделял четыре формы Я (самости — self): Я материальное (тело, одежда, материальные блага и т.д.), Я социальное (то, что связано с потребностью в дружбе, в позитивной оценке и т.д.), Я духовное (сознание, умственные способности), а также чистое Я, являющееся ощущением собственного сознания. Радзивиллович полагал, что «поведение составляет вершинное выражение психической деятельности». По его мнению, поведение возникает в ходе развития личности позже всего, а потому раньше всего подвергается патологическим процессам. Радзивиллович пользовался термином «jaźń» (Я, самость), считая, что такой термин охватывает познаваемое опытом в субъекте, то есть образ субъекта, который мы можем познать из внутреннего опыта. Он утверждал, что «личность» (jaźń) имеет особое значение для психиатрии, поскольку «в минуту, когда личность подвергается патологическому изменению, начинается психическая болезнь как факт». В своей концепции личности Радзивиллович выделил четыре иерархических уровня формирования образа себя (jaźń). Первичный уровень — это ощущения от жизнедеятельности организма (секреция желез, вазоконстрикция, дыхание и т.д.), они, постоянно воздействуя на центральную нервную систему, придают ощущениям, формирующим личность, характер внутренних ощущений. Осязательными и двигательными ощущениями задаются внешние границы. Таким образом формируется телесная личность, а затем — физическая. Следующий уровень составляет социальная личность, связанная с отношением индивидуума к окружающему миру. Высший уровень развития — это духовная личность, являющаяся ресурсом наших мыслей и чувств. Если физическая личность хранит человека от гибели в борьбе за существование, то социальная личность является принципиальным условием существования и развития личности, а духовная — направляет личность в сферу света, веля проводить в жизнь творческий замысел. Радзивиллович полагал, что «поведение составляет вершинное выражение психической деятельности». Он считал, что оно проявляется в ходе развития позже всего, а в связи с этим раньше всего

подвергается болезненным нарушениям. Он придерживался точки зрения, что психическая болезнь возникает, когда нарушается духовная личность, а вид болезни зависит от того, какой из уровней развития личности подвергся первичному расстройству. Свою теорию он использовал для классификации психических нарушений. По его мнению, в сфере телесной части личности, охватывающей симпатическую нервную систему и железистую систему, зарождаются депрессии и мании, а при расстройстве духовной личности возникает картина болезни, протекающей с галлюцинаторными проявлениями и нарушениями сознания.

Радзивиллович критически относился к ассоцианистским взглядам Блейлера и Крепелина. Он писал: «Я не могу согласиться с утверждением, весьма распространенным в немецкой и польской психиатрии, что “нет бога, кроме Крепелина, и Блейлер — его пророк” (хотя и очень высоко ставлю обоих как выдающихся клиницистов, которым я лично многим обязан)». Прежде всего, он подверг критике слишком широкое понимание шизофрении, написав, что Блейлер «поддался чарам самим же им отчеканенного термина и [...] охватил им едва ли не все виды психических заболеваний с неограниченным патологическим субстратом».

Радзивиллович подчеркивал, что стремление построить психиатрическую классификацию по этиологическому принципу изначально порочно. «Два основных элемента этого принципа: одни и те же причины вызывают одни и те же следствия, а разные причины вызывают разные следствия, так что с возникновением причины возникает ее следствие, — [в данном случае] неверны». По мнению Радзивилловича, «вся система причинности в психиатрии сводится к установлению наличия двух факторов, вызывающих возникновение психического заболевания: наследственности и травмы [...]. Серьезно отягощение наследственности при слабой травме вызывает возникновение психического заболевания, а при слабом отягощении наследственности требуется сильная травма, чтобы вызывать подобное следствие». Под «травмой» Радзивиллович понимал психический стресс, физическое ранение или химические нарушения в организме.

Радзивиллович подчеркивал, что психиатрия — это наука сравнительно молодая, проходящая еще процесс «становления», поэтому любую классификацию следует трактовать как временную. Радзивиллович стоял на позициях критического реализма. По его мнению, причинность вообще переоценивается в психиатрии, а целенаправленность

недооценивается. Высшим проявлением психической деятельности он считал поведение, что выразил следующим образом: «Не преуменьшая ценность картезианского принципа “*cogito ergo sum*” (“мыслю — следовательно, существую”), я надстраиваю над ним волюнтаристский принцип прагматизма, лозунг которого “*ago ergo sum*” (“действую — следовательно, существую”))». Радзивиллович, так же, как и Джеймс, был приверженцем плюрализма. Он полагал плюрализм «единственным биологически обоснованным способом взгляда на мир». Концепцию плюрализма он выводил из структуры человеческого опыта, которую отождествлял с жизнью и совокупным осознанием пережитого. Плюрализм соответствовал предпочитаемой им идее активности, в которой индивид — создатель действительности. Мир является не данностью, но «заданностью»: он постоянно творится, изменяется, он подвержен эволюции.

Интересы Радзивилловича нашли отражение в его общественной деятельности. Он первым ввел в польскую психиатрию элементы англо-американского философско-психологического мышления, полагая, что «одностороннее воздействие на нашу [польскую — Й. Б.] науку немецкого влияния не идет ей на пользу. Улучшение отечественной научной почвы английским критическим эмпиризмом повлекло бы за собой, несомненно, повышение плодородия нашего научного поля».

В 1922 году Радзивиллович, по получении *veniam legendi*, стал доцентом психиатрии Варшавского университета и начал читать лекции по судебной психиатрии на юридическом факультете и по психологии — на медицинском факультете. 17 апреля 1926 года совет медицинского факультета Виленского университета имени Стефана Батория пригласил Радзивилловича возглавить кафедру психиатрии. С 1 января 1927 года он переехал в Вильно и принял должность контрактного профессора, одновременно заняв пост директора государственной психиатрической больницы. Совет медицинского факультета на заседании 6 марта 1928 года принял решение представить Радзивилловича к званию почетного профессора Виленского университета, которое было ему присвоено президентом 29 сентября 1928 года.

Рафал Радзивиллович неожиданно скончался 28 октября 1929 года, возвращаясь с заседания Польской психиатрической ассоциации.

*

История масонства в Польше связана с национально-освободительным движением и неразрывно сопряжена с жизнью и делами Рафала Радзивилловича. В свою очередь, его деятельность пользовалась поддержкой организационных структур вольных каменщиков.

Радзивилловича в его работе отличали заинтересованность, включенность в дела, связанные с широкими кругами людей труда, ответственность за судьбы будущих поколений и общества, в котором он жил.

Наталья де Барбаро

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Да прекрати ты. Прости, но не ради тебя
я сделала доброе дело. Не по твоему совету.
Ты и вся эта твоя каллиграфия,
эта тепличная, подрезанная, притворная жизнь,
жизнь из лака, глянца и плексигласа...
Ты, крашенная королева вышитых салфеток,
кто к тебе прикоснётся, тот покроется инеем.
Ты, перед чьим портретом всегда успевают
сменить цветочки, прежде чем от них начнёт вонять,
—
что ты лезешь ко мне с этим своим цирком
плакальщиц, прачек, бумагомарателей и корректоров?
Медная барышня, пластмассовая дева, —
что, вручить мне медаль и поехать дальше?
Разве видела ты меня, когда я в одиночку
боролась с тем, чего не вместить
твоим удобненьким, изящным афоризмам?
Видишь ли ты других — тех, кто борется в эту минуту?
Вовсе не ради учтивой твоей любви
выбрала я добро. Хочу, чтоб ты знала:
зло было тёплым и пахло хлебом.
Я тосковала о нём — как никогда о тебе.

Ты пришла, когда всё было кончено,
тряпки выжаты, шлам откачан,
и ты хочешь внести меня в свой список?
Думать забудь. Уезжай и больше не возвращайся.

* * *

Сквозь густые засеки бежит второпях
то, что могло быть. Каменная стена над рекой
уверена в своём постоянстве, но отражение
колеблется,
не зная, что же оно такое. В светящихся оттисках на
сетчатке,
оставшихся после чужих городов, в прядях дыма над
огнём,
на случайно попавшихся снимках, в белых следах
самолётов, — на всём отпечаток несбывшегося.
Всё тоскует по иным формам.
В холодном зале музея стою перед картиной:
кто-то пробил ножом сукно, а потом долго
перевязывал рану.

* * *

Разум следует за движением. Даже теперь
ты идёшь на поводу у этих букв, не в силах
остановиться.
Хотя некоторые говорят, что истина в первой
букве и только там. Что движение лжёт: равнодушная
сила
раздирает светлые платки полей, обращая в клубы
пыли
нежные швы изгородей, церковь,

мальчика у дороги и то, о чём он тосковал.

И если там, где ты был до того, как тронулся в путь,
горит в окнах свет, то отсюда его уже не видно.

Восьмое марта

Бассейн, ванна или другой очевидный суррогат
моря, лона, из которого мы все появились, но теперь,
проходя мимо зеркал, боимся порой,
что гладь воды не покроется рябью. Украдкой касаемся
стёкол галантерейного магазина, чтоб ощутить на
мгновенье

холодную надёжность вещей. И ночью снится:
меня провожают на поезд,
а когда он отходит, я кричу той, на перроне:
«Но я не знаю, как тебя зовут!» Пятно солнца
перемещается по её лицу и исчезает.

Подсказка

Мастер не приходит. И ладно. И замечательно.
Послушная своему тщетному ожиданию,
я смотрю на киноэкран: в сцене прощанья
он что-то шепчет на ухо, только слов не слышно.
Стены да стены. Стены комнаты этой,
стены комнат других, где другие ждут.
Они засыпают, им снится засвеченный негатив,
край вырванного листка. Рука движется
по стеклу витрины с янтарными бусами.
Буду ехать долго и далеко, прочь из дома, из города,
пока моё странствие не превратится в подсказку:

мастер нигде не живёт, не было его никогда.

* * *

Я побывала в другом языке, в третьем, и наконец — ни в каком.

Покупала тетради, они оставались пустыми.

Когда слова умоляли, выпускала по несколько штук

в вольер страницы, карандашом. Ходила целыми днями,

чтоб дочиста выходить саму себя, удивлённую,

как столько набралось. Город мне подменял

отражение в окнах метро лицами всегда чужими.

Так что в конце концов я сама для себя стала третьим лицом.

И это лицо смотрело —

— как вещи молча снимают названия, словно чужие тряпки,

а все наши дела выворачиваются из причин.

* * *

День воздуха, день движения. День парящих на ветру

полиэтиленовых пакетов, семян клёна и крапинок света.

День классических сцен: например, в обнимку с ребёнком,

на солнце, в зарослях пижмы, окунув руки в реку.

День, когда наши истории, видимо, были кем-то

рассказаны, и явно от холодной нежности рассказчика

они обрели ритм и рифмы, отсюда и облегчение.

То, что случилось, мы видим теперь, словно чужой город,

мосты, стены, мансарды которого можем по
собственной воле

в любую минуту бросить: они не наши. И мы друг от
друга

отъединены, не равны себе: две тени,

по подсказке заката темнеющие в саду.

НАТАЛЬЯ ДЕ БАРБАРО

Наталья де Барбаро (р. 1970) дебютировала в 2010 году сборником стихов «Тьма», одержав победу в конкурсе им. Константина Еленского, объявленном редакцией журнала «Зешиты литерацке». Поздний дебют не удивляет, ведь основное занятие де Барбаро – политический маркетинг. Её книга «Взять слово», посвященная проблемам избирательных кампаний, получила широкое признание профессионалов. Однако стихи этого автора далеки от политики – они сосредоточены на вопросе: как человек участвует в жизни мира.

Смотри издалека: в том числе на то, что тебе близко.

Смотри издалека на всё. Ибо вещи малы.

Поэтесса говорит почти афористичными формулами, на языке парадоксов, отлично отдавая себе отчёт в том, что человеческое бытие разворачивается в парадоксальном измерении: решающую роль играет не общее, хотя оно существенно, а частности и детали, которые следует наблюдать с дистанции. Парадоксальный характер имеет и наш образ мыслей:

Разум следует за движением. Даже теперь

ты идёшь на поводу этих букв и не способен
остановиться.

Хотя некоторые говорят, что истина – в первой
букве, и только там.

Движение оказывается иллюзией, течение времени
относительно, жизнь – это всего лишь миг:

Но если б не этот миг, если б не

этот миг, когда мы оба стоим у двери,

о которой знаем, что она останется закрыта.

Если б не этот миг. О, камень, пламя,

о, пламя долготерпеливое.

Экзистенциальный опыт должен быть записан магической, внерациональной формулой. Она непереводаима на обычный язык, так как судьба любого из нас суверенна и неповторима. При этом в поэзии Натальи де Барбаро ощутима ироническая дистанция, как, к примеру, в этом стихотворении:

Я приехала сюда, чтобы здесь писать. Быть может,
уеду ни с чем. Куда бы я ни двинулась,
она останется здесь: сосна,
которая не захотела превращаться в бумагу.

А.В.

СТАВ БОГАЧЕ, ПОЛЯКИ МЕНЯЮТ СВОЕ МЕНЮ

Меньше говядины, картофеля, овощей, яблок и хлеба. Зато больше птицы и цитрусовых. Полюбилась нам также минеральная вода.

Увеличение достатка поляков, повсеместная реклама и заграничные поездки, которые дают возможность познакомиться с кухней разных народов, заметно изменили наше меню. Однако сохраняющаяся большая разница доходов привела к уменьшению потребления более дорогих продуктов.

Еще в 2000 г. поляк съедал в среднем 7,1 кг говядины в год. А в прошлом году — 1,5 кг, как следует из оценки Института экономики сельского и пищевого хозяйства (ИЭСПХ). Такое снижение неслучайно. Многие отказались от говядины после эпидемии коровьего бешенства (BSE), которая вспыхнула на Западе в 90-е годы. Позже преградой оказалась растущая цена.

В этой ситуации стало стремительно расти потребление мяса птицы, которое значительно дешевле говядины. Его карьера — это еще и следствие того, что блюдо из птицы приготовить быстрее и проще, чем из коровьего мяса.

Свою позицию сохранила свинина. Правда, в прошлом году ее потребление упало по сравнению с позапрошлым на 8% (в том числе из-за растущих цен), т.е. до 36 кг на человека, но в предыдущие годы оно было выше, чем в 2000 году.

По сравнению с 2000 г. в нашем рационе стало меньше овощей и фруктов. По данным ИЭСПХ, потребление фруктов составило в прошлом году 41 кг — это почти на 8 кг меньше, чем в 2000 г., и в два с лишним раза меньше, чем в среднем по Евросоюзу.

Упало даже потребление яблок, хотя в Европе мы являемся самым крупным их производителем. «Это произошло в том числе и потому, что с нашим вступлением в Евросоюз резко увеличилась доступность других импортных фруктов», — поясняет Ирена Строевская из ИЭСПХ. Яблоки конкуренцию с ними проигрывают. Поэтому потребление, например, бананов за последние годы выросло с 4 кг в 2000 г. до пяти и более (в Евросоюзе средняя составляет 8 кг).

Значительно реже мы стали есть овощи. Их потребление (по данным т.н. баланса, в домашних хозяйствах и за их пределами) уменьшилось: в 2000 г. оно составляло 121 кг на человека, а в прошлом всего около 103 кг (не считая картофеля), в то время как в Евросоюзе достигло уровня 118 кг. «Дистанция, которая отделяет нас от среднего показателя, может быть следствием того, что мы едим меньше помидоров и блюд из них», — считает И. Строевская. В Евросоюзе их съедают в среднем 30 кг, в Польше же — всего 17. Зато мы съедаем больше лука: 14 кг на человека, тогда как в среднем по Евросоюзу — 9 кг.

Снижение потребления овощей и фруктов беспокоит диетологов. «Чтобы сохранить хорошее здоровье, необходимо съесть их как минимум 400 г в день», — утверждают эксперты Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). Между тем из расчетов ИЭСПХ, проведенных Главным статистическим управлением Польши на основе изучения бюджетов семей, следует, что в 2013 г. потребление фруктов (41,2 кг на человека), овощей (58,1 кг на человека) и блюд из них составило в Польше лишь 272 г на человека в день.

С польских столов стремительно исчезает хлеб. Его потребление упало за последние тринадцать лет более чем на треть. Это один из самых низких показателей в Европе. Как следует из подсчетов «Газеты правовой», основанных на данных ИЭСПХ, в прошлом году среднестатистический поляк съел 49,7 кг хлеба. «Это, в частности, результат активной рекламы хлебозаменителей», — утверждает профессор Кристина Светлик из ИЭСПХ.

Кроме того, работа занимает у поляков все больше времени, поэтому перед выходом из дому они часто не успевают сделать себе бутерброды на второй завтрак. Хлеб скомпрометировали еще и модные диеты, согласно которым мучное полнит. «А это не так, если в его составе есть по меньшей мере 30% ржаной муки», — говорит профессор Халина Гамбусь из Сельскохозяйственного университета в Кракове.

Смена блюд на тарелках поляков — это еще и следствие многочисленных туристических поездок, а также влияние рабочих-мигрантов. С Запада к нам пришла мода пить много воды. В 2000 г., по данным ИЭСПХ, среднестатистический поляк выпивал 13 л в год, сегодня это уже 49 л на человека.

Для сравнения потребление соков, считающихся полезными в силу того, что они сделаны из фруктов, выросло за этот же период с 7,68 до 8,64 литров.

Потребление чая уменьшается, а кофе — увеличивается. В 2000 г. потребление чая в семье на человека составило 0,96 кг, а кофе — 2,04 кг. В прошлом году, как следует из данных ИЭСПХ, это было уже соответственно 0,72 кг и 2,16 кг.

«Мы постепенно заменяем чай кофе, чему способствует появление в Польше многочисленных кафе», — отмечает Кристина Светлик. Кроме того, увеличивается время работы, поэтому все больше людей ищет бодрящие напитки, но без содержания алкоголя.

Хотя потребление последних тоже выросло за последние 13 лет. По подсчетам Союза работодателей польской спиртовой промышленности в прошлом году потребление спиртных напитков составило 3,2 л на человека. В 2000 г. оно было на 1,2 л меньше. Еще больше выросла популярность пива. Потребление этого напитка за тот же самый период увеличилось с 66,9 л до 96 л на человека в год. Это заслуга самих производителей, которые за счет новинок удерживают стабильно высокий интерес к данной категории. Благодаря их стараниям пиво все чаще выбирают также женщины.

Наше меню в 2013 году

Карьера цыпленка

В прошлом году его килограмм стоил в среднем 6,94 злотых и был дороже, чем 13 лет назад, на 18%. Цены на говядину выросли за это время в два с половиной раза — почти до 26 злотых за килограмм, а годовое потребление мяса птицы на человека увеличилось до 27 килограммов, т.е. на 84%.

Хлеб уже не насущный

Потребление хлеба в польских домах снизилось за последние 13 лет более чем на треть. Это один из самых низких показателей в Европе. В 2013 г. средний поляк съел 49,7 кг этого мучного продукта. Хлеб проигрывает конкуренцию, в частности, чипсам, макаронам и хлопьям к завтраку.

Пиво льется

По сравнению с другими напитками быстрее всего растут продажи пива. Еще в 2000 г. среднестатистический поляк выпивал в среднем 66,9 л пива в год. Сегодня эта цифра составляет 96 л на человека. Это заслуга новинок, которые производители каждый год выпускают на рынок. Например, благодаря ароматизированному пиву этот хмельной напиток все чаще выбирают женщины.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ СОЮЗ ДОНАЛЬДА ТУСКА

21 апреля в «Файнэншл таймс» появился текст премьер-министра Дональда Туска под названием «Объединенная Европа может положить конец удушающему энергетическому давлению России». Польский премьер предложил учредить энергетический союз, который мог бы сделать Европу независимой от российского сырья, особенно от газа.

При этом он ссылался на прецедент, каковым является Европейское сообщество по атомной энергии, совершающее закупки урана для всех европейских стран. Европейские средства массовой информации и умеренные политики план польского премьер-министра встретили с большим интересом. Хотя в нем и отсутствует факт, что ЕС уже более десятка лет старается создать интегрированный рынок энергии, а Польша до этого момента отнюдь не была лидером подобной интеграции.

Политика или рынок?

По мнению польского премьера, энергетический союз должен означать принятие четырех самых важных решений:

1. Необходимо образовать одно европейское учреждение, которое приобретало бы газ для всех 28 государств-членов ЕС.
2. Следует создать механизм солидарности, заключающийся в том, что, если бы одному или нескольким государствам ЕС грозило отсечение от поставок газа, то другие страны предоставили бы им помощь.
3. Указанный союз должен совместно профинансировать необходимые инвестиции — резервуары для складирования газа, трубопроводы и межсистемные соединения в странах, которые в наибольшей степени зависят от российского газа.
4. Энергетический союз помогал бы в полной мере использовать существующие в ЕС ресурсы ископаемых топлив, в том числе угля и сланцевого газа.

Достоинство проекта состоит в том, что все трудные вопросы, связанные с энергетическим рынком, он сводит к нескольким

эффектным лозунгам, понятным среднестатистическому поляку и европейцу.

Дональд Туск совершил в мае целую серию поездок по Европе и беседовал на тему энергетического союза с важными политиками. Никто не сказал «нет», но у некоторых из стоящих у власти лиц возникли сомнения и возражения, связанные с теми или иными конкретными решениями.

15 мая европейский комиссар по энергетике Гюнтер Эттингер заявил немецкой газете «Франкфуртер альгемайне цайтунг», что он не согласится на единую цену газа, которая будет вытекать не из рыночной калькуляции, а из политических соображений. «Газ — это товар, а не политическое оружие», — заявил евросоюзный комиссар. В своем твиттере он написал: «Когда на рынке действует конкуренция, энергия не может быть использована в качестве политического инструмента».

Разделительная линия между польским правительством и комиссаром по энергетике (которого, не афишируя своей позиции, поддерживает Ангела Меркель) ясно прочерчена. Туск предлагает политический проект, направленный против России. Его последствием стало бы усиление влияния отдельных государств и всего Европейского Союза на рынок. Эттингер утверждает, что рынок вполне может сам гарантировать энергетическую безопасность, если только будет действовать лучше.

Быть может, федерация?

Поразительно, что Туск, представляя проект энергетического союза, ни словом не обмолвился о существующей уже 15 лет Европейской федерации энергетических трейдеров (EFET, European Federation of Energy Traders), а также о газовых и энергетических директивах, продвигающих свободную торговлю газом и энергией в Европейском Союзе. В состав EFET входит сегодня 126 членов — это крупнейшие фирмы из стран Европейского Союза, а также из Швейцарии, которые занимаются торговлей энергией и газом. Указанная федерация сотрудничает с Европейской комиссией и другими евросоюзными учреждениями. Ее цель заключается в создании европейского рынка конкурирующих между собой фирм, а также в устранении имеющихся барьеров — например, посредством строительства перемычек между газовыми и энергетическими системами разных стран.

29 апреля, через неделю после статьи Туска, Гюнтер Эттингер подытожил 15 лет существования EFET. Это была почти явная

полемика с замыслом Туска. «Наша общая задача, — констатировал Эттингер, — заключается в том, чтобы понять, какие выгоды вытекают из наличия интегрированного рынка энергии. Могут ли они быть более очевидными, чем во время украинского кризиса, в результате которого более всего подверглись риску страны, лишенные гибко и четко работающего рынка, а также диверсифицированных поставок энергии?»

Энергия и газ представляют собой специфические товары, принимая во внимание сложную инфраструктуру, которая необходимая для торговли ими. Плавному и четкому функционированию газового рынка мешают многолетние контракты, в которых цена газа связана с ценой нефти. К счастью, сейчас от таких решений постепенно отходят, и рынок становится более эластичным.

Необходимы также регламентирующие положения, касаются хотя бы технических параметров. Следовательно, данный рынок так или иначе регулируется в силу необходимости, но это не обязательно должно означать, что на нем доминируют политические решения.

На исправно действующем рынке формируется одна цена (ценовые различия могут проистекать только из расстояний и затрат на транспортировку), спрос удовлетворяется соответствующим предложением, а равновесие обеспечивается благодаря эластичным ценам. Такой рынок выполнял бы все задачи, которые Туск ставит перед энергетическим союзом. Его дополнительным достоинством, отсутствующим у энергетического союза, была бы конкуренция, содействующая снижению цен на энергию.

Комиссар Гюнтер Эттингер признал, что рынок энергии и газа в Европейском Союзе далек от идеала, но значительный прогресс в создании исправно действующего рынка налицо. Начиная с 1998 г., было разработано несколько директив Европейского парламента, в которых содержатся нормы и предписания, касающиеся рынка газа и энергии. В 2009 г. был принят так называемый III энергетической пакет, который налагает на энергетические фирмы и на государства Европейского Союза обязанность проводить дальнейшую либерализацию рынка энергии и газа.

Оператор сети газопроводов не вправе ни дискриминировать акционерные общества, пересылающие газ по сетям, ни предоставлять им привилегии. Тем самым газопроводы

уподобляются автострадам, владельцы и управляющие которых трактуют всех пользователей одинаково.

Разумеется, для того, чтобы газ мог свободно «перемещаться» по всему европейскому рынку, должна существовать соответственно развитая сеть и эффективные соединительные трубопроводы между газовыми системами отдельных стран, т.е. так называемые перемычки. В проекте Дональда Туска по созданию энергетического союза содержится предложение финансировать строительство указанных перемычек из евросоюзных средств. Но это не новая идея, так как и сегодня можно использовать для этой цели структурные фонды. Трубопровод в окрестностях деревни Лясув, соединяющий польскую газовую систему с германской (сегодня его пропускная способность составляет 0,5 млрд кубических метров в год), перестраивается и дополнительно финансируется в рамках Европейской энергетической программы для восстановления экономики (European Energy Program for Recovery, EEPР). Финансы, впрочем, — далеко не главная проблема. Если у Польши сегодня недостаточные соединения с газовыми системами Германии и Чехии, а со Словакией они вообще отсутствуют, то так происходит вовсе не из-за отсутствия средств на финансирование перемычек, а по причине отсутствия политической воли у очередных польских правительств.

Короткая память

Выступление Туска с инициативой создания энергетического союза может создавать впечатление, что Польша является европейским отличником в области интеграции страны с европейским энергетическим рынком. Однако это не так. Цены электрической энергии на товарной бирже энергии выросли в течение года примерно на 20%, несмотря на то, что цены на уголь, главное энергетическое сырье в Польше, упали. На бирже в Лейпциге можно купить энергию дешевле, но на это надо иметь согласие польского Управления по регулированию энергетики, а это уже проблематично. Без свободного импорта и экспорта не существует европейского общего рынка, а польское государство блокирует такую торговлю.

Более того, Европейская комиссия (ЕК) многократно обращала внимание польского правительства на нарушение им евросоюзных газовых и энергетических директив. ЕК заблокировала также в 2010 г. договор Польского акционерного общества добычи нефти и газа (ПАОДНиГ) с «Газпромом». Комиссар Эттингер пришел к выводу, что предоставление «Газпрому» предпочтительных условий для транзита, а

вдобавок еще и исключительного права на польский участок ямальской трубы, — это явное нарушение газовой директивы. Тогдашний вице-премьер Вальдемар Павляк упорствовал, что данный договор не нарушает евросоюзных принципов, но в мае 2010 г. правительство приостановило подписание договора. Мы остались со старым контрактом, срок действия которого истекает в 2022 г. К тому же ЕК вынудила ЕвроПолГаз (это совместная собственность «Газпрома» и ПАОДНиГ), чтобы тот соблюдал принцип «доступа третьей стороны». Благодаря этому сегодня возможна пересылка газа по ямальскому газопроводу из Германии в Польшу, что очевидным способом увеличивает нашу энергетическую безопасность. Договор 2010 года сделал бы нас еще более зависимыми от «Газпрома». От той ловушки нас спас тогда комиссар Гюнтер Эттингер, — а сегодня некоторые польские СМИ и политики обвиняют его в том, что он недостаточно чувствителен к угрозе, которую создает для Европы «Газпром». Человеческая память бывает короткой.

АБХАЗСКИЙ УЗЕЛ

Войцех Гурецкий — известный и опытный репортер, автор книг «Планета Кавказ» и «Тост за предков». «Абхазия» — его новый сборник репортажей и, как подчеркивает автор, заключительная часть «кавказского триптиха», созданного на протяжении последнего десятилетия. События на Украине сделали эту книгу необычайно важной и актуальной, так как она посвящена жизни в сепаратистской республике, которая в начале 90-х годов отделилась от Грузии. В своих предыдущих репортажах Гурецкий старался сохранить позицию объективного наблюдателя, который не вмешивается непосредственно в кавказские конфликты. Он, скорее, делал акцент на взаимопроникновение культур и факторы, объединяющие народы этого региона. В данном случае он оказался в самом центре грузино-абхазской войны, поэтому сразу же напрашивается вопрос о достоверности информации, приводимой автором. А надо признать, что для абхазской стороны было очень важно, чтобы польский репортер представил именно ее точку зрения.

Гурецкий описывает течение грузино-абхазского конфликта на протяжении 1993-2013 годов. Он посетил каждый уголок Абхазии, останавливаясь в этой стране на несколько месяцев в ходе многочисленных поездок из России в Грузию или Азербайджан. Репортер пришел к убеждению, что в этой войне нет победителей и побежденных, а самой большой ее жертвой стало как раз население самопровозглашенной республики. Сегодня Абхазия выглядит почти так же, как по окончании вооруженных столкновений десять лет тому назад^[1]: выбоины от снарядов на дорогах, разрушенные здания, повсеместная безработица и упадок экономики. Думаю, эту книгу было бы очень полезно прочитать сторонникам боевиков, сражающихся сегодня в Луганской и Донецкой областях. Ибо сепаратизм оказался путем в никуда. Как в Абхазии, так и на Восточной Украине мы наблюдаем похожий сценарий: участие в боях «добровольцев» родом из России, которые располагают военным снаряжением этой страны, но в поддержке которых Москва официально не признается. Отрыв Абхазии от Грузии имел целью ослабить последнюю и не допустить ее членства в НАТО. Той же цели Путин сегодня пытается достичь на Украине. Но на самом деле Абхазия стала заложницей в этой напоминающей качели российской геополитической игре за

влияние в Закавказье, где Россия постепенно теряет свои позиции, отмечает репортер. Если к власти в Тбилиси приходит политическая сила, благосклонно глядящая на Москву, Россия вводит частичную блокаду сепаратистской республики и отстраняется от нее. Когда бразды правления перенимает прозападная сила — Россия сразу же возобновляет экономическое и военное сотрудничество с Сухуми. Гурецкий прямо пишет, что Москва заинтересована в поддержании грузино-абхазского конфликта в замороженном и законсервированном состоянии. Если бы не она, обе стороны конфликта уже давно бы договорились по спорным вопросам, которые делают невозможным мирное сосуществование.

Иногда Гурецкий все же поддается влиянию абхазской риторики. Прежде всего, вызывает сомнения его концепция СССР как дома, «в который была встроена система мин с часовым механизмом. Тоталитарная система держала все во взведенном состоянии, однако, когда она стала слабеть, заряды сработали. Снос дома сопровождался возгораниями, взрывами и завалами». Автор описывает процесс грузинизации Абхазии, справедливо обращая внимание на имевшие место в 1957 и 1977 годах протесты жителей автономной республики против фальсификации истории и уничтожения национальной идентичности. По мнению автора, советская Грузия напоминала СССР в миниатюре, где господствовали отношения, как между старшим и младшим братом. Действительно ли можно возложить всю вину за развязывание войны на грузинский национализм, как это предлагает Гурецкий? Я все же полагаю, что к национальным вопросам в СССР относились без должного внимания, так как важна была коммунистическая империя в целом, а к какой союзной республике относился данный регион, в сущности, не имело большого значения. Отношение к щедрым жестам советских вождей, например, Сталина, передавшего Абхазию Грузии, как к продуманной стратегии, рассчитанной на возникновение конфликтов в отдаленном будущем, напоминает теорию заговора. Более того, отождествление сталинизма с грузинским народом — это выражение идеи коллективной ответственности. Развивая эту точку зрения, Гурецкий описал уничтожение абхазских памятников, а также учреждений культуры (архивов, музеев) грузинскими войсками. Но в то же время мы узнаем, что по обе стороны вооруженного конфликта воевали банды мародеров, получавших жалованье в виде добычи, которую им удавалось захватить. Так что вопрос о целенаправленном разорении абхазского культурного наследия тбилисскими властями по меньшей мере сомнителен, и я

полагаю, что автор в определенной мере некритично повторяет ту версию событий, которую навязали ему абхазы.

Самая сильная сторона книги Войцеха Гурецкого — это попытка уловить специфику Абхазии, выражающуюся в многокультурности и сосуществовании христианства и ислама с местными языческими верованиями. Думаю, что именно благодаря этим сюжетам его кавказские репортажи отличаются оригинальностью. Автор подчеркивает, что эта небольшая страна скрывает в себе немало тайн и напоминает мудрую книгу, на познание которой должно уйти много лет. Оказывается, что под покровом европейского образа жизни у абхазов существует скрытый, недоступный для постороннего, мир адатов, кодексов чести, клановых проклятий и домашних святынь. Хотя 80% жителей Абхазии исповедуют христианство, а 20% — ислам, древние языческие божества в почете у 100% населения. Интересно помещенное в книгу описание монастырского комплекса Нового Афона, популярного места паломничества последователей православия, который был построен близ пещеры, где обитал апостол Симон Кананит, а также русского поселения в Псоу, существующего с середины XIX века. Однако, по замечанию автора, для многокультурности этого региона ударом стала абхазско-грузинская война. Тем не менее, мы узнаём, что в Тбилиси действует Грузино-абхазский институт, цель которого — сближение обоих сообществ, преодоление враждебности, а также популяризация абхазской культуры.

В этой книге, как и в «Планете Кавказ» или «Тосте за предков», репортер собирает материал, беседуя с представителями местного общества. Чаще всего это абхазские интеллектуалы, занимающие посты в сепаратистском правительстве. После короткой эйфории, вызванной победой в войне с Грузией, сейчас в их среде господствует ощущение безнадежности и разочарования. Некоторые впоследствии погибли при покушениях, так как политика в этой стране оказалась занятием смертельно опасным. Наиболее взвешенную позицию занял почтенный классик абхазской литературы Фазиль Искандер, выступающий за мирное разрешение конфликта, компромисс и соглашение с Грузией. Может быть, потому, что писатель постоянно живет в Москве, и эта дистанция позволила ему сохранить умеренность и здравый рассудок во времена, когда весь Кавказ погряз в национализме. Но, как точно подметил репортер: «Абхазия любит его так, как Польша Иоанна Павла II. И так же не слушает».

В рассказ об Абхазии автор включил личные сюжеты, в которых описал собственный нелегкий путь репортера и эксперта, занимающегося проблематикой постсоветских государств. В начале 90-х он приступил к работе журналиста «Газеты выборчей» в Москве. Там он встретил интересных людей, благодаря которым заинтересовался кавказской экзотикой и был ее очарован. В Польше он попытался написать кандидатскую диссертацию, но не закончил ее. Был советником в польском посольстве в Баку, а теперь работает в Центре восточных исследований, где занимается именно Кавказом. Я считаю, что «Абхазия» Войцеха Гурецкого — весьма внятное предостережение от сепаратизма, хотя не исключено, что публикация книги может стать причиной оживления интереса к судьбе этой забытой республики.

Гурецкий В. Абхазия. — Воловец: Чарне, 2013. — 184 с.

-
1. Военные действия на грузино-абхазском фронте происходили в 1992–1993 гг. Прим. пер.

ПОЛЯКИ УМЕЮТ ДАВАТЬ ДЕНЬГИ

Пользователи Интернета уже внесли через сайт «PolakPotrafi.pl» 3,5 млн злотых. Они финансируют издание дисков, компьютерных игр, ремонт зданий, спектакли, велопробеги, экспедиции в горы.

Илона из Варшавы придумала настольную игру «iGranie z Gruzem», в которой участники не топят вражеские корабли, а просто сидят дома, ходят на работу, делают покупки, присутствуют на различных мероприятиях (и все это на игровом поле). Ей нужны были деньги на издание игры, создание фигурок. В Сети она попросила 10 тыс. злотых. Получила в семь раз больше.

Иоанне Посох жертвователи перечислили более 60 тыс. злотых на создание музея лаванды на Мазурах. Пользователи Интернета профинансировали уже 373 проекта. Авторы проектов просили денег на самом крупном польском портале краудфандинга (от англ. «crowd» — толпа, «funding» — финансирование) — PolakPotrafi.pl

Помочь изобретательным людям

Придумал и создал этот портал Куба Собчак. Сейчас ему 28 лет, а идея осенила его, когда он был еще студентом факультета электроники и телекоммуникации Познанского политехнического университета. «Студенты создают гениальные вещи, — утверждает Куба. — Чтобы их проекты вышли из стадии идеи, порой требуется совсем небольшая сумма, скажем, тысяча злотых, которых у них просто нет. И вот, как-то раз, сидя в кафе, мы придумали сайт, через который люди могли бы вносить по 10–15 злотых. Мы и не подозревали, что подобные сайты уже существуют».

Идея краудфандинга, то есть «народного» финансирования, родилась в Штатах. В 1997 году американские фанаты группы «Марриллион» собрали в сети 60 тыс. долларов и оплатили этой группе концертный тур по США. Потом в течение десяти лет возникло сразу несколько сайтов, через которые можно было в Интернете организовать сбор денег. Самый крупный и самый популярный сегодня это «Kickstarter». Он действует в Штатах

вот уже пять лет. В Европе первые такие сайты стали появляться в начале этого десятилетия.

Портал PolakPotrafi.pl стартовал в 2011 году и был первым польским краудфандинговым сайтом. По сей день он является крупнейшим.

Все или ничего

Как это работает? Автор проекта определяет сумму, которая ему нужна, и срок (максимально 120 дней), в который он хотел бы эту сумму собрать. Он подготавливает описание проекта и короткий рекламный ролик, а также список призов и поощрений для жертвователей. Это могут быть самые разные вещи: заставка на экран компьютера, билет в первый ряд на спектакль, к созданию которого вы тоже оказались причастны, пожертвовав некую сумму на его постановку, или же вход на частный концерт на квартире группы, диск которой мы совместными усилиями финансируем. Чем больше сумма, тем привлекательнее награды.

Профиль можно редактировать, внося в него изменения по мере развития проекта. Нельзя менять только цель, сумму и срок, предназначенный на сбор денег. Однако если по каким-то причинам окажется, что проект нереален, автор может аннулировать поддержку. Тогда все суммы возвращаются. Никто не теряет ни копейки. Платой становится лишь испорченная репутация сборщика.

Тот, кто хочет внести деньги на проект (собственные идеи поддерживать нельзя), сначала объявляет сумму, потом выбирает награду, которая его интересует. И тогда его перенаправляют на электронную торговую площадку, где он может перечислить деньги.

Краудфандинг — это финансирование по принципу: все или ничего. Чтобы автор проекта получил деньги, сумма должна быть собрана полностью. Если же не удалось собрать всю квоту, то перечисленные деньги возвращаются дарителям. И никто на этом не теряет. Собчак зарабатывает на комиссионных. Он берет с автора 7,4% от стоимости проекта, но лишь в том случае, если удалось собрать всю сумму. Кроме того 2,5% забирает электронная торговая площадка.

Прыжки с тарзанкой в политехе

Куба Собчак: «Мы и не думали, что из этого вырастет фирма. Это вовсе не планировалось как бизнес. Просто мы сделали

сайт, чтобы помочь людям. Тем, у кого есть талант, но они не устраивают шоу, чтобы насладиться минутой славы. Тем, у кого есть идеи, как сделать Польшу лучше, но нет на это денег».

Куба создавал сайт вместе с тремя однокурсниками. Потом в течение полутора лет занимался им в одиночку. Работы было много, ему пришлось отказаться от аспирантуры в Политехническом университете. Первого сотрудника он нанял в начале 2013 года. Сегодня в «PolakPotrafi.pl» работает семь человек. «Сначала сайтом пользовались только наши знакомые, — говорит Собчак. — Потом дело пошло, мы стали получать более десятка заявок в месяц. Сегодня — даже по пятьсот».

Первые, кому удалось собрать всю сумму, финансировали прыжки с тарзанкой на фестивале «Polibuda Open Air», организованном студенческим самоуправлением Познанского политехнического университета. Им удалось собрать 4,7 тыс. злотых.

В начале следующего года появился первый рекорд: удалось профинансировать десять проектов. В 2013 г. сайт уже был настолько популярен, что рекордный проект поддержали 633 человека.

В декабре прошлого года сайт отметил пятикратный рост по сравнению с предыдущим годом.

В настоящее время пользователи Интернета могут поддержать 81 проект. Деньги собирают артисты, кинорежиссеры, музыканты, а также инженеры, путешественники, авторы игр, изобретатели.

На кабельное телевидение? Да, если будет пикник

Не каждый проект принимается к финансированию. «Мы отличаемся от американского сайта “Kickstarter”, где принимаются заявки даже от маркетинговых агентств, — говорит Куба Собчак. — Наш сайт — это не обычная веб-страничка для сбора денег, а что-то вроде патронажа над проектом. Сами мы тоже поддерживаем инициативы, которые произвели на нас особое впечатление.

Какие проекты проваливаются? Чисто коммерческие и благотворительные. В уставе сайта четко прописано: мы поддерживаем проекты, а не бизнес. То, что имеет начало и конец, и по поводу чего можно отчитаться. Например, можно собрать деньги создание фильма, но на основание студии звукозаписей — уже нет».

Сайт не публикует также просьбы о денежной помощи. «Для этого существуют другие ресурсы, — объясняет Куба Собчак. — Однако мы открыты для некоммерческих проектов. Например, мы поддерживаем мирные демонстрации, образовательные экскурсии. На нашем сайте собрал деньги, к примеру, Лукаш Красонь, организовавший велопробег по Польше для людей с ограниченными возможностями. Это то, что может изменить мир. Дать силу людям, запертым в четырех стенах, вытащить их из депрессии».

Иногда проекты проваливаются из-за того, что люди неправильно их рекламируют. «Когда-то один парень, — рассказывает Собчак, — решил собирать деньги на кабельное телевидение, объясняя, что хочет смотреть матчи на Евро 2012. Мы этот проект отвергли, а потом оказалось, что в этом кабельном телевидении была необходимость, так как предполагалось, что жители всего села будут встречаться на пикниках у этого телевизора, рядом с которым стоял бы гриль. При таком раскладе идея имела смысл. Но мы узнали об этом слишком поздно».

Всей толпой — это великая сила

Кто дает деньги? Чаще всего молодые люди от 25 до 35 лет. Каждый десятый поддерживает более одного проекта. Чаще всего вносят по 35–40 злотых. Но некоторые дают гораздо больше. Средняя сумма, внесенная каждым из 45,5 тысяч человек, воспользовавшихся нашим сайтом, составляет 80 злотых.

Собчак: «У меня такое чувство, что вместе мы делаем много хороших дел. Удалось отремонтировать театр “Бараках” в Кракове, профинансировать множество дисков, фильмов, путешествий. На нашем сервисе собирал деньги, в частности, режиссер, снимавший документальный фильм о польском пловце Матеуше Малине».

На сегодняшний день благодаря сайту PolakPotrafi.pl:

- Адам Белецкий нашел деньги для экспедиции на вершину Канченджанг (8 586 м над уровнем моря). Покоритель восьмитысячников просил 15 тыс. злотых. Он написал: «Стоимость моего участия в экспедиции — 50 тыс. зл. У меня уже есть 20 тыс. — если я соберу еще 15 тыс., то влезу по уши в долги, но зато отправлюсь в экспедицию, которая была мечтой всей моей жизни. Если мне удастся собрать 30 тыс., то я без проблем профинансирую все мероприятие».

Пользователи Интернета дали в два раза больше. «Он получил не только деньги, но и огромный кредит доверия от пользователей Интернета после трагической экспедиции на Броуд-Пик», — говорит Куба Собчак.

- Илона из Варшавы создала настольную игру «iGranie z Gruzem». Два года игра пролежала в ящике стола. «Она свое уже отлежала и теперь готова к каминг-ауту, — написала Илона на сайте. — Эта игра пропагандирует ужасные образцы поведения, разрушает дружбу и подавляет игрока чрезмерным реализмом. Считается также весьма абсурдной».

Илона попросила у пользователей Интернета 10 тыс. злотых, чтобы иметь возможность профессионально издать ее в издательстве «Black Monk». Илона собрала 73,9 тыс., благодаря чему в игру войдет значительно больше элементов, чем предполагалось вначале.

- Студенты из Вроцлава, которые попали в финал международного конкурса «Inspiration Mars», в котором надо было спроектировать полет корабля с экипажем на борту вокруг Марса и его возвращение на Землю, не располагали необходимыми деньгами для поездки в НАСА. Они решили собрать хотя бы четыре тысячи. Тогда в Штаты полетел бы один из них. За 14 дней они собрали 92 тыс. злотых. Полетели все.

Богдан Задуря

ПЕРВОЕ ПОСЛЕ 1963 ГОДА СТИХОТВОРЕНИЕ БЕЗ СИГАРЕТ

добрый мой боже
солнечным майским утром 2013-го
(две тысячи тринадцатого
не двухтысячного тринадцатого)
ты дал мне шанс умереть
в здоровом уме и твердой памяти
(сказать так о моих физических возможностях
в тот момент
уже было бы преувеличением)
но нехорошие люди
всё испортили
из-за них упустил я свой шанс
умереть на работе
что всегда считалось почетным
и не таким обременительным
как смерть в какой-либо постели
умереть
у открытого окна
за которым пели птицы
над клавиатурой компьютера
на незаконченном предложении
о книге украинского писателя

которую я переводил всю жизнь
(ну ладно полжизни
всю жизнь он ее писал
и еще не закончил)
«Полусонные письма из Бриллиантового царства
и Королевства северных земель»^[1]
случись такое
глядишь кто-нибудь в Польше
ее бы в итоге издал
но нехорошие люди
всё испортили
во-первых
эта несносная женщина
Анета Вятр
которая знала
куда позвонить
и сначала позвонила
а потом уж
сняла подушку со стула
с которого я упал
свернула ее
и положила
мне под голову
и в нетерпении нервничала
мне даже пришлось ее успокаивать
во сколько ты позвонила

три минуты назад самое большее пять
больница недалеко на Хожей
отвечала она
через пять минут
должны быть
ну и тот двадцатидвухлетний
врач «скорой»
что всё время звонил в больницу
приказавший мне проглотить
таблетку аспирина
(не запивая?
вертелось у меня на языке
но я сдержался
тоже мне в самом деле проблема
только спросил
разжевать ли ее сначала)
а он делал вид что не слышит
когда я его вопрошал
каковы мои шансы
эдакий вы неспешный
говорил он скорее самому себе
нежели мне
уже в машине
и когда я спросил что он имеет в виду
то на этот раз он ответил
что пульс мол

менее сорока
а раз уж речь о карете «скорой»
то пару ласковых
скажу о водителе
что между Вейской и Спартанской
не остановился ни разу
только резко тормозил
на перекрестках
как мне пришлось догадаться
ибо я ничего не видел
не за что было
мне уцепиться
поскольку ручки носилок
были подвижны
мне казалось
что человеку с инфарктом
тишина пошла бы на пользу
а тут везут меня
с таким гвалтом и суетой
словно крупную сумму
из банка в банк
разве что без эскорта
полиции
на крыльце больницы
меня дожидалась свита
в зеленых что ли халатах

коридор
и мраморный лифт
и вновь коридор
и один из этих людей
приподнял надо мной простыню
и дважды провел бритвой
по моим волосам пубертатным
над правым пахом
а может просто
в воздухе над ними
всё на бегу
и сказали мне
спокойно переместиться
с койки на стол
и положить ладони
под ягодицы
и стол казался мне
огромным как пастбище
или алтарь
надо мной
было нечто что я бы назвал объективом
я еще удивился
что он весь обмотан
пленкой
справа
мужчина в халате

и тяжелом свинцовом фартуке
в окружении
нескольких женщин
вдруг
поднял руки
словно дирижируя оркестром
видимо лишь хотел
помочь надеть себе
фартук
он напомнил мне
Генрика^[2] в дверях
балкона своей квартиры
на четвертом этаже
на улице Видок
который поднимая
широко открытые ладони
прощался со своими гостями
подходя к Ротонде^[3]
нужно было остановиться
обернуться
взглядом отыскать его фигуру
и ему помахать
и так почти что
полвека
врач говорил
об анестезии

чувстве холода
короткой боли
слева над головой
у меня было три
черно-белых монитора
недостаточно видеть
надобно понимать
но не мог я расшифровать
всех этих картинок
по лицу оператора
катились тяжелые капли пота
почти как по моему
час назад
когда я свалился со стула
и в какой-то момент
он сказал
ну что же
поправили мы артерию
что стала причиной инфаркта
он сказал об этом
во множественном числе
но вообще-то на самом деле
был точь-в-точь как Анета Вятр
только вот я не знаю
его фамилии
так вот я упустил

возможность
умереть
не только с почетом
но также быстро
и безболезненно
ведь всё
что у меня болело
это разбитая
при падении голова
и вот еще что
добрый мой боже
ты дал мне шанс быть хорошим сыном
и умереть чуть раньше
чем ушел мой покойный отец
но нехорошие люди
всё испортили
к примеру как та
несносная женщина
Анета Вятр
если бы я этим шансом воспользовался
может и был бы хорошим сыном
но возможно не лучшим отцом
не лучшим другом коллегой мужем
не лучшим садовником и черт бы побрал
эти герани которым не было бы перед кем
хвастать своими цветами

так что добрый мой боже
коль уж на этот раз не получилось
то перед тем как случится следующий
всем кто так переживал
я хотел бы
уже без твоей помощи и благословения
так насолить так дать прикурить
всем сразу и в отдельности каждому
чтобы кроме крупницы жалости
испытали они облегчение

Перевод Игоря Белова

1. Роман-эпопея украинского писателя Володимира Яворского (здесь и далее прим. пер.)
2. Имеется в виду польский литературный критик и эссеист Генрик Береза (1926–2012)
3. Ротонда ПКО — банковское здание на площади Дмовского, главном перекрестке Варшавы.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Нынешним летом обычное каникулярное безрыбье на новостном фронте нам не грозит. Напряженная политическая ситуация сказывается также на атмосфере культурной жизни.

23 июля Польское агентство печати (ПАП) сообщило, что Год Польши в России, запланированный на 2015 г., отменяется по решению Совета министров. Об этом проинформировала пресс-секретарь правительства Малгожата Кидава-Блонская. На решение повлияла, в частности, ситуация со сбитым малазийским самолетом. «Это, разумеется, решение правительства, но и министр иностранных дел Радослав Сикорский, и министр культуры Малгожата Омиляновская однозначно высказались, что при нынешнем политическом положении, с учетом того, что происходит на Украине, после истории со сбитым самолетом невозможно организовать и провести Год Польши в России на должном уровне», — сообщила ПАП М. Кидава-Блонская, по мнению которой «культура должна объединять зрителей и артистов, важно, чтобы была теплая, дружественная атмосфера, культура должна служить делу единения. Сегодняшние обстоятельства этого не позволяют».

Пресс-секретарь правительства подчеркнула, что многие польские артисты неоднократно заявляли, что мероприятие должно быть отложено. «Я надеюсь, что в будущем ситуация стабилизируется настолько, что к этой теме можно будет вернуться. В данный момент это было бы очень трудно», — заявила Малгожата Кидава-Блонская.

Высказалась также Канцелярия Президента Польши. «Культурное сотрудничество всегда остается серьезной сферой диалога между обществами. Поэтому жаль, что пришлось отменить Год Польши в России и Год России в Польше», — сказала в беседе с ПАП глава президентского пресс-службы Иоанна Тшаска-Вечорек. Она подчеркнула: «Мы не должны рвать все нити понимания с российским обществом. Но вместе с тем мы не можем делать вид, что ничего не изменилось в положении российского государства на международной арене, поскольку в этой области произошло слишком много всего».

А как в беседах с ПАП комментируют решение правительства сами артисты? Утверждают, что диалог в рамках года Польши в

Росси был бы фальшивым, политическая ситуация не располагает к таким мероприятиям, но при этом они подчеркивают, что сотрудничество в сфере культуры должно быть продолжено.

По мнению директора Национального музея в Варшаве Агнешки Моравинской, решение правительства «правильное, хотя и огорчает, как огорчает вся ситуация». В рамках проведения Года планировалась выставка живописи Генриха Семирадского. «Он был польским художником, но учеником Петербургской академии, где потом стал профессором. Поэтому очень многие его работы находятся в российских музеях. Чтобы показать все творчество Семирадского, нужно сотрудничество между Польшей, Россией и Украиной, их музеями. Это очень яркий пример исторических и политических сложностей в Европе», — подчеркнула А. Моравинская.

Театральный режиссер Кристиан Люпа сказал, что он с самого начала был настроен скептически: «Все то, что происходит в России, и то, что в данный момент происходит между нами, не способствует организации такого года, независимо от намерений самих артистов».

Следует стремиться к тому, чтобы «культура была основой единения народов, однако серьезность ситуации, связанной с Украиной, всех нас повергает в беспокойство, — сказал ПАП актер, председатель Союза артистов польских сцен Ольгерд Лукашевич. — Некий протест против неясности ситуации и роли, которую играет Россия в конфликте на Украине, должен был как-то проявиться. Наши коллеги в России тоже должны это понять».

Режиссер Кшиштоф Занусси, как он сам заявил, не дает оценку решению правительства: «Я знаю, что общественное мнение очень возбуждено последними событиями. Правительство должно с этим считаться. Однако, с точки зрения наших долгосрочных отношений с Россией, я сожалею, что этот Год отменен, ибо это была бы возможность для диалога, который в данный момент рвется на всех фронтах. (...) Россия оторвалась от мировой общественности. Я полагаю, что люди культуры должны поддерживать контакты, что, конечно, могут делать в частном, а не в государственном формате. Наша ситуация предрасполагает к тому, чтобы мы первыми в Западной Европе поддерживали диалог с русскими».

В июне беспокойство, демонстрации и пикеты вызвал спектакль «Пикник на Голгофе», который планировалось показать на фестивале «Мальта» в Познани. Постановщиком

спектакля был скандально известный драматург аргентинского происхождения Родриго Гарсия. От спектакля отказались из-за решительных протестов католического клира, политиков «Права и справедливости» и в связи с позицией президента Познани Рышарда Гробельного. Архиепископ Станислав Гондецкий о спектакле, которого никто не видел, написал следующее: «Многие считают, что это представление — зрелище исключительно грубое. Христос показан как дегенерат, эгоист, на него возложена ответственность за все зло мира. Спектакль изобилует скабрёзными сценами, а в адрес Христа звучат многочисленные вульгаризмы. Выступающие голыми актеры насмеваются над Крестными Муками, а все это переполнено порнографическими отсылками к Священному Писанию». Депутаты партии «Право и справедливость» возмущались в Сейме («нападки на Церковь»), официальный протест подписали также 23 депутата городского совета, в том числе от «Гражданской платформы», «Права и справедливости» и из кругов президента Гробельного.

На католических и правых интернет-форумах клубы футбольных фанатов договаривались об общей акции, появлялись угрозы в адрес организаторов фестиваля. Полиция отказалась от охраны, предлагая «изменить сроки и место проведения по причине значительной угрозы для общественной безопасности». В результате директор «Мальты» Михал Мерчинский отменил представление. Аналогично развивалась ситуация в Люблине. Местный Центр культуры отменил показ видеозаписи спектакля из-за протестов духовенства и деятелей самоуправления, но решающим оказался голос служб, ответственных за безопасность.

Это вызвало волну возмущения и критики — не только в адрес цензорских замашек Церкви и политиков, но, прежде всего, в связи с позицией государства, которое поддалось на шантаж.

На тему ситуации, сложившейся вокруг спектакля «Пикник на Голгофе», высказалась также недавно назначенная на пост министра культуры Малгожата Омиляновская. «Произведений богохульного содержания в культуре созданы уже сотни, а может, и тысячи», — сказала она на церемонии вручения премий 20-го национального конкурса на лучшую постановку современной польской пьесы в Варшаве. «В лице министра культуры у вас железная опора. В Польше нет места для цензуры», — заявила министр, обращаясь к театральной общественности. Эти слова были приняты овацией. «Свобода художественного высказывания — это основа демократии и конституционная норма. Я присягала на этой конституции. И

это были не пустые слова, — подчеркнула госпожа министр. — Я никогда не допущу, чтобы кто-либо поднял руку на свободу художника. Это должно быть так же ясно, как солнце на небе в погожий день».

Тем временем в Познани в конце июля президент города Рышард Гробельный освободил Эву Вуйцяк от должности директора легендарного тетра «Восьмого дня». «Восьмерки» возникли в 1964 году как студенческий театр. Их спектакли были резким, ироничным комментарием на тему ПНР. Во время военного положения театр выступал в храмах и на улицах. С 1979 года театр имеет статус профессиональной сцены.

По мнению Р. Гробельного, Эва Вуйцяк нарушала положения устава театра: «Сама себе назначала отпуска и без согласия руководства ездила в командировки». В вину ей ставится также оскорбительное высказывание на публичном форуме. В марте 2013 года Вуйцяк, после избрания папы Франциска, написала в Фейсбуке: «Ну, и выбрали х..., который доносил военным на священников левого толка». Однако познанская прокуратура приостановила следствие по делу об оскорблении Папы.

Эва Вуйцяк утверждает, что городские власти искали предлоги, чтобы уволить ее, и что дело имеет политический контекст: «Я думаю, что определенную роль играют приближающиеся выборы. У партии “Право и справедливость” явное преимущество, поэтому Гробельный взял крен вправо, что, впрочем, было видно уже в случае отмены представления “Пикник на Голгофе”».

Театральное сообщество обеспокоено решениями президента Познани.

«Быть может, господин президент откажется от сведения счетов, поскольку это отчасти так и выглядит. Театр “Восьмого Дня” — одна визитных карточек Познани. Это марка, известная во всем мире. Его надо холить и лелеять и облегчать ему работу», — прокомментировал ситуацию театральный критик Януш Майхерек. А Роман Павловский написал в «Газете выборчей», что это все равно, как если бы Тадеуша Кантора уволили из его театра «Крико-2».

Эва Вуйцяк не собирается сдаваться: «Я обращаюсь в суд по трудовым спорам и прошу помощи у Хельсинского комитета по правам человека, потому что считаю происходящее вокруг меня преследованием и клеветой».

Малгожата Реймер, автор сборника репортажей «Бухарест. Пыль и кровь» (издательство «Чарне»), стала лауреатом в третий раз присуждавшейся премии «Грифия» для женщины-писателя. Премию присуждает газета «Курьер щецинский», материальная часть премии составляет 50 тыс. злотых. Торжественная церемония прошла 28 июня в щецинском театре «Вспулчесный».

В 2012 году «Грифию» получила книга «Итальянские шпильки» авторства Магдалены Тулли, а в 2013 — «Спасение Атлантиды» Зиты Оришин.

Капитул литературной премии «Гдыня» назвал 28 июня четырех лауреатов. Ими стали: в категории «поэзия» Мартин Светлицкий за сборник «Один» (издательство EMG); в категории «проза» Ежи Пильх за роман «Много демонов» (издательство «Велька литера»); в категории «эссеистика» Войцех Новицкий за «Зальчики» (издательство «Чарне»). В нынешнем году в первый раз присуждалась премия в категории «перевод на польский язык». Ее получил Ежи Чех за сборник стихов шестнадцати русских поэтов «Я вскарабкался на пьедестал. Новая русская поэзия» (издательство «Чарне»).

Кароль Модзелевский стал лауреатом премии «Варшавская литературная премьера» за книгу «Клячу истории загоним. Признания потрепанного всадника» (издательство «Искры»). Она была избрана книгой 2013 года по результатам голосования читателей, библиотекарей и книготорговцев.

Воспоминания выдающегося историка-медиевиста, политического деятеля, известного оппозиционера времен ПНР повествуют о его судьбе и судьбе его семьи на фоне политической истории Польши с 40-х годов XX века по сегодняшний день.

«Это одна из наиболее веских и пронзительных книг последних лет, — написал Веслав Владыка в “Политике”. — Автобиография Кароля Модзелевского — это своего рода письмо к согражданам, призыв задуматься о себе и об общих делах».

Премия вручена лауреату 17 июля в варшавском Клубе книготорговца на центральной площади Старого города.

8 августа в старинном Дворе Артуса в Гданьске уже в девятый раз состоялось торжественное вручение «Нептунов» — премии президента города Гданьска для выдающихся польских и зарубежных творцов. В этом году премию из рук президента

Павла Адамовича приняли писатель Стефан Хвин, документалист Анджей Фидык и актриса Халина Слоевская-Колодзей.

Богдан Задура стал лауреатом Международной литературной премии им. Григория Сковороды за 2014 год. Поэт награжден за сборник стихов «Ночная жизнь», изданный на Украине в 2012 году в переводе Андрея Любки. Литературная премия имени Григория Сковороды присуждается с 2005 года по инициативе Украинской академии наук, Союза украинских писателей, Интеллектуального клуба в Чернигове, Волынского товарищества «Свитязь» и Национального института литературы им. Тараса Шевченко.

14 августа, в десятую годовщину смерти Чеслава Милоша в усадьбе в деревне Красногруда прошел симпозиум «Память о Милоше». Программа включала, в частности, демонстрацию фильмов, встречи, вечер поэзии и музыки. Телеканал «Культура» пригласил в августе на премьеру двух частей литовского трехчасового документального фильма «Век Чеслава Милоша», представляющего личность и наследие поэта в литовской перспективе, а также новый документальный фильм о нобелевском лауреате «Милош» режиссера Катажины Гондек. Издательство «Знак» подготовило «Трактат о жизни» — избранные мысли поэта (составитель Иоанна Громек-Ильг).

С 24 июля по 3 августа во Вроцлаве проходил XIV международный кинофестиваль «Т-Mobile. Новые горизонты». Было показано свыше 360 фильмов, представляющих преимущественно авторское кино, творчество «киноанархистов» и «бунтовщиков». Гран-при «Новых горизонтов» (а также премию публики) получил фильм «Белая тень» (Танзания-Германия-Италия, 2013) израильского режиссера Ноаза Деше. Это рассказ о трагических судьбах африканцев, страдающих альбинизмом. В Танзании, Кении и Конго к ним относятся как к доходному товару. Шаманы покупают тела или органы альбиносов и изготавливают из них амулеты. В обосновании своего решения жюри отметило, что это фильм «сильный, суровый, остающийся в памяти, беспокоящий и радикальный».

Польским кандидатом на «Оскар» в категории «лучший неанглоязычный фильм» будет «Ида» режиссера Павла Павликовского. Конкурсная комиссия «Оскара» под председательством Филипа Байона приняла это решение единогласно.

Скромный черно-белый фильм сделал ошеломительную карьеру в прокате по всему миру. Был закуплен почти в 60 странах, заработал 3,5 млн долларов в Соединенных Штатах, получил фантастические рецензии во всех главных американских периодических изданиях. «Нью-Йоркер» навал его цельным и абсолютным шедевром. Действие «Иды» разворачивается в начале 60-х годов прошлого века в Польше. Молодая послушница Анна (в этой роли Агата Тшебуховская), сирота, выросшая при монастыре, перед постригом знакомится с единственной своей родственницей, тетей Вандой (Агата Кулеша), бывшей прокурором в сталинские времена, виновной смерти деятелей польского подполья. От тетки девушка узнает, что она еврейка, узнает трагическую историю своих родителей, убитых во время войны. По отзыву Филипа Байона, успех фильма за границей поразил всех, даже его создателей, — тем более, что особым интересом польской публики «Ида» не пользовалась.

К столетию Первой мировой войны и «Акта независимости» Национальный музей в Кракове подготовил выставку «Польские легионы. 1914–1918». Экспозицию торжественно открыл президент Бронислав Коморовский 6 августа, в день столетия выступления 1-ой Кадровой бригады. «На этой выставке мы найдем многое из прекрасной и по-прежнему нужной легенды», — сказал президент на вернисаже.

В собрании краковского музея хранится богатая коллекция созданных легионерами произведений искусства, насчитывающая сотни рисунков, акварелей, а также орденов и наград. Представлено, как минимум, полтысячи экспонатов, среди которых особое место занимает оружие, оснащение и обмундирование немецких, австро-венгерских, русских и французских войск.

Есть немало фотографий важнейших битв и картин авторства художников, которые творили в свободное от службы время, — например, Леопольда Готтлеба, Станислава Яновского и будущего маршала Польши Эдварда Рыдза-Смиглого.

Экспозиция будет открыта до конца сентября.

Прощания

23 июня в Варшаве умерла Малгожата Браунек, актриса кино и театра, мастер дзен. Она сыграла почти в сорока фильмах, сериалах и постановках Театра телевидения, в том числе главные роли в «Охоте на мух» Анджея Вайды, в «Третьей части ночи» Анджея Жулавского, в «Кукле» — сериале Рышарда

Бера по одноименному роману Болеслава Пруса. Наибольшую популярность принесла ей роль Оленьки Биллевич в «Потопе» Ежи Хоффмана по роману Генрика Сенкевича.

В начале 80-х годов Браунк прервала актерскую карьеру. На экран вернулась лишь в конце 90-х. Снялась, в частности, в сериалах «Тринадцатый участок», «Мент», «Дом у озера». В 2010 году вернулась в театр — выступила в спектакле Кристиана Люпы «Персона. Тело Симоны» в столичном Драматическом театре.

«Малгожата Браунк была в ПНР, а точнее на рубеже 60-х–70-х годов прошлого века, первой крупной польской кинозвездой в современном стиле, — написал в “Newsweek” Лешек Бугайский. — В ее экранном облике не было ничего, что напоминало бы изысканно-возвышенные или нарочито простецкие манеры звезд довоенного кино, она ничем не была похожа на киноактрис времен соцреализма, которые — ввиду отсутствия иных возможностей — играли соревнующихся с мужчинами передовых работниц. Появившись на экране в небольшой роли в фильме «Житие Матеуша», она сразу же обозначила свою инаковость: пред миром традиционного сельского общества она предстала в довольно открытом купальном костюме, с распущенными волосами, явившись девушкой из другого мира, знаком нового, которое разрушит вековой уклад жизни, текущей в согласии с природой».

Малгожата Браунк была буддисткой, вегетарианкой, поддерживала акции в защиту животных. Умерла после долгой болезни, борясь со злокачественным новообразованием. Ей было 67 лет.

15 июля в возрасте 91 года в Варшаве умер Шимон Шурмей — актер, режиссер, директор и художественный руководитель Еврейского театра им. Эстер Рахель и Иды Каминских в Варшаве. Эту должность он занимал с 1 сентября 1970 года. В его творческом активе почти весь репертуар еврейской классики, в том числе постановки произведений Шимона Анского, Ицхака Лейбуша Переца, Шолом-Алейхема, Абрама Гольдфадена, а также собственные адаптации еврейского литературного и театрального наследия. Шимон Шурмей был также активным деятелем польских и международных еврейских организаций.

«Шимон Шурмей гордился тем, что он еврей. Он никогда не забывал о своих корнях, в очень трудные времена боролся за еврейскую культуру. Был человеком, с которым иногда можно не соглашаться, но он всегда помнил, кто он такой. Он был теплым человеком, я помню его улыбку, и мы всегда

заканчивали разговоры анекдотом», — сказал главный раввин Польши Михаэль Шудрих.

11 сентября в Кракове умерла Ирена («Кика») Шашкевич, легендарная артистка «Погребка под баранами» и старейший польский блогер. Ей было 97 лет. Родилась в помещичьей семье, во время войны состояла в Армии Крайовой, после войны на ее долю выпала тяжелая жизнь работницы и медсестры в Новой Гуте, в одиночку растящей двух сыновей. Стала звездой «Подвала под баранами», а также героиней первого послевоенного польского комикса, созданного Казимежем Висняком и Петром Скшинецким «Шашкевич, или Ксилолит в ее жизни», публиковавшегося на рубеже 50–60-х годов в «Пшекруе». Незадолго до смерти получила Офицерский крест Ордена возрождения Польши за поддержку демократических перемен и помощь, оказанную согражданам во время военного положения, а также за деятельность по развитию и пропаганде польской культуры.

15 августа в возрасте 101 года в Варшаве умер профессор Ян Экер — выдающийся пианист и композитор. Делом его жизни было Национальное издание произведений Фредерика Шопена. Экер окончил в 1934 году музыковедческое отделение Ягеллонского университета, затем — Варшавскую консерваторию, где занимался по классам фортепьяно и композиции.

В 1937 году стал лауреатом восьмой премии III Международного конкурса Шопена и провел свое первое концертное турне по Польше. Во время немецкой оккупации выступал в столице на тайных концертах и принимал участие в подпольных патриотических представлениях. Во время Варшавского восстания более тридцати раз выступал перед бойцами. 15 августа 1944 года он дал концерт для повстанцев в актовом зале Варшавского политехнического института, исполнив тогда полонез As-dur и «Революционный этюд». Ему, его тогдашней жене, актрисе Дануте Шафлярской, и их годовалой дочери удалось пережить восстание. В 1949 году он был членом жюри первого послевоенного Конкурса пианистов им. Шопена. Работал также как педагог в музыкальных учебных заведениях Варшавы и Кракова. Он говорил: «Моя жизнь всегда служила музыке Шопена». В 2010 году президент Бронислав Коморовский наградил профессора Яна Экера орденом Белого орла.

ФОТОГРАФИЯ С БЕРЕГОВ НЕВЯЖИ

Десять лет тому назад, 14 августа 2004 года, от нас ушел Чеслав Милош.

Рожденный в литовских Шетейнях (Шетеняе), остаток своей долгой жизни он провел в Кракове, где и упокоился в Крипте заслуженных на Скалке^[1].

Он оставил огромное наследие: более десяти сборников стихов, свыше двадцати книг эссе и воспоминаний, два романа, историю польской литературы, переводы библейских книг и англоязычной поэзии. Еще он оставил добрую память о себе.

Все началось с Литвы

Просматриваю стопку любительских фотографий. Я делала их в Америке, во Франции, в Германии, в Польше, в Литве. Одна из них не перестает удивлять меня — это над Невяжей^[2], в мае 1992 года. Каким чудом Милош оказался на ней в одиночестве? Он стоит, задумавшись, над рекой своего детства, а вокруг ни одной живой души. Как это возможно? Ведь в то время в Кедайнском районе шумная свита не отставала от него ни на шаг. Окруженный толпой, телекамерами и фотоаппаратами, он ни на секунду не оставался наедине с родной стороной. «И это самое трудное. Я не мог в одиночестве поздороваться с Литвой», — вздохнул он, когда я спросила его, как он чувствует себя здесь после полувекового отсутствия.

Он всегда помнил о Литве. В нобелевской лекции признался: «Хорошо родиться в малой стране, где природа человечна, на людскую меру, где веками жили вместе разные языки и разные религии^[3]».

Он был великим поэтом, могучим столпом польской культуры. Лауреатом Нобелевской премии по литературе. Интеллектуалом мирового уровня, настойчивым искателем смысла и высшего порядка. Гигантом. Но еще он был теплым человеком с прекрасным чувством юмора. Великодушным, чему я не раз бывала свидетелем. Время от времени он доверял мне свои эссе и стихи, которые я, лопаюсь от гордости, размещала в прежней «Жечпосполитой». Он также дал мне

более десятка интервью. Случалось, что приглашал на различные торжественные мероприятия — вручение почетных докторатов, фестивали поэзии, авторские вечера. Иногда на стаканчик виски, иногда на ужин с графинчиком чистой. Бывало, что мы вместе путешествовали, в том числе и по Литве. Мне повезло.

Литовский «Век Чеслава Милоша»

О Милоше написаны тысячи статей и, наверное, по меньшей мере, сотня книг, список которых открывает великолепная биография пера Анджея Франашека. Не дремлет и кинематограф — нобелевский лауреат стал героем многих документальных фильмов. Из польских картин я видела если не все, то, наверняка, большинство. Есть среди них и выдающиеся, однако, все они странно бледнеют перед литовским фильмом „Česlovo Milošo amžius”, то есть «Век Чеслава Милоша» режиссера Юозаса Явайтиса. Соавтором сценария, наряду с Явайтисом, стал литовский поэт Пранас Моркус. Фильм вышел два года тому назад и получил приз Союза кинематографии Литвы за лучшее документальное кино года.

Польский канал «Культура» показал этот трехчасовой документальный фильм в августе в двух отрывках. Целиком с польскими титрами его можно посмотреть также в интернете.

Я смотрела на экран, как загипнотизированная. Вроде бы все факты известны: детство в Шетейнях, учеба в Вильно, военная эпопея в Варшаве; судьба эмигранта во Франции и Америке, Стокгольм и Нобелевская премия, первый приезд в Польшу через 30 лет, возвращение в Литву через 52 года, почетная степень доктора наук в университете Витаутаса Великого в Каунасе, встреча нобелевских лауреатов в Вильнюсе, последние годы в Кракове...

Иной взгляд

И все же, пройдя через фильтр литовского восприятия, образы раскрываются немного под другим углом. Появляется какая-то таинственная аура, неожиданные кадры высокой красоты — увеличенный лошадиный глаз в окружении седых ресниц, бурлящие воды реки, поля одуванчиков, хрупкая фарфоровая чашка... Порой встречаются образы слишком иллюстративные, символические же повторяются чересчур часто: голые дети на лугу, мерно тикающий старинный часовой механизм. Но это мелочи. В целом фильм совершенно необыкновенный.

Что важно, «Век Чеслава Милоша» свободен от каких-либо комплексов и исторических неправд. А драматические моменты из личной жизни автора «Родной Европы» поданы тактично и деликатно.

О Милоше рассказывают друзья, переводчики, сотрудники, исследователи его творчества, а также старший сын Антоний. На разных языках. По-польски — руководитель издательства «Знак» Ежи Ильг, личный секретарь поэта Агнешка Косинская, Анджей Франашек. По-русски — Наталья Горбаневская. По-французски — Рита Гомбрович^[4]. По-английски — Роберт Хасс^[5] и Марк Даннер^[6]. По-литовски говорят поэт Томас Венцлова, бывший ректор университета Витольда Великого в Каунасе Альгирдас Авиженис и литературовед молодого поколения Миндаугас Кветкаускас. А звучит литовский язык прекрасно — величаво и таинственно.

Доклады о политической ситуации

На меня фильм Явайтиса произвел большое впечатление, наверное, еще и потому, что я своими глазами видела литовские поездки Чеслава Милоша.

Мы познакомились весной 1990 г. в варшавской квартире Анджея, младшего брата поэта. Когда я вошла, то увидела такую картину: посреди комнаты в кресле сидел поэт с выпрямленной ногой, опиравшейся на табурет. Нога была в бинтах из-за поврежденного колена. Рядом на полу лежал кот, весь перевязанный, с торчащей лапой в гипсе.

— Выскочил в окно, дуралей, и не удалось ему упасть на четыре лапы, — объяснил мне Чеслав Милош.

Таким стало начало нашего знакомства. Несколько минут спустя я впервые услышала гулкий, заразительный смех поэта. Так он засмеялся, узнав, что тогдашние соратники Валенсы, лидеры «Соглашения Центр»^[7] братья Качинские в детстве снялись в фильме «О двух таких, что украли луну». Раньше он об этом не слышал: «Не может быть!»

Мы разговаривали о Литве. Я тогда ездила туда довольно часто, иногда даже по два раза в месяц. Знала литовских политиков, от «Саюдиса»^[8] до коммунистов и «Вильнии»^[9], знала лидеров польского меньшинства — пролитовских, антилитовских, даже таких, что хотели выкроить из Виленщины советскую республику. Словом, я неплохо ориентировалась в местных играх и забавах, а Милошу всегда были интересны самые свежие новости из Вильнюса.

В октябре того же года мы встретились в Кракове, куда он пригласил Иосифа Бродского. Прежде чем они начали читать стихи в аудитории Ягеллонского университета, автор «Родной Европы» вновь подробно расспросил меня о ситуации в Литве.

Когда после долгих колебаний он, наконец, решился туда поехать, я пообещала, что буду ждать его в Вильнюсе на летном поле аэропорта. Так и произошло в мае 1992 года. Он ехал в Литву через 52 года, полный опасений, раздраженный. Взмолвленный и волнение скрывающий.

Поединок Давида с Голиафом

Приехал он по приглашению университета Витаутаса Великого в Каунасе, чтобы получить почетную степень доктора наук. На вручении он был в фиолетовой тоге и произнес речь, из которой я лучше всего запомнила фрагмент о свободной Литве. Это произвело впечатление — независимость бывшей советской республики была еще свежей:

«Я не думал, что буду жить так долго, что смогу еще раз увидеть Литву. Я знал, что империи не существуют вечно, однако за советской империей были не только огромная армия и мощнейший в мире полицейский аппарат, но и умы и перья многих западных интеллектуалов. Постоянно споря с ними, я не собирался ездить ни в Москву, ни в оккупированные страны, и теперь счастлив, что мне дано было оказаться в свободной Литве. Упрямое стремление литовцев к независимости принесло победу. Поединок Давида с Голиафом закончился поражением Голиафа».

После выступления он принял участие в торжественном обеде, пожал множество рук, раздал десятки автографов. Добросовестно выполнил все обязанности. А потом отправился в путешествие.

Встреча с остатками парка

Он ездил по местам, где когда-то стояли усадьбы Милошей, Сырутей, Кунатов, Коморовских. Представители Кедайня встречали его при въезде в район черным хлебом, посыпанным тмином. Цветы ему вручали девушки, одетые в литовские народные костюмы. Милош старательно их расцеловывал.

В Свентобрости (Швентибрастисе), где его крестили в маленьком деревянном костеле, после специального богослужения поэту вручили выписку о крещении из

приходских книг. Расчувствовавшись, он прослезился, хотя в целом держался молодцом.

А потом перед костелом было народное гуляние. На деревянных столах хозяйки расставили глиняные жбаны с хлебным квасом, подали творог. Нужно было видеть, с каким аппетитом поэт уминал одно блюдо за другим!

В Шетейнях, в месте, где он появился на свет в усадьбе, которую снесли в 60-е годы, его брат Анджей искал остатки фундамента, заборов, кирпичей, хозяйственных построек. Но сам он — несостоявшийся натуралист — здоровался, скорее, с остатками парка, с деревьями и кустами. С растениями. И с отравленной промышленными стоками Невяжей без водяных лилий и аира.

Вендзягола начеку

Я сопровождала его в этой поездке, в том числе и в личных ее моментах, когда он отрывался от журналистов и официальных лиц. Мы попытались потихоньку, сбив с толку преследователей, заехать в Вендзяголу (Ванджёгалу), где похоронен дед поэта, Артур Милош. Анджей даже возил в багажнике веник, тряпку и банку краски, чтобы привести могилу в порядок.

Заезжаем конспиративно в Вендзяголу, останавливаемся перед деревянным костелом, а к дому священника уже несется караульный с криком: «Приехал, приехал!».

Вендзягола была начеку с самого утра. Школьная детвора, учительница, настоятель и церковный староста. Могила Артура Милоша, повстанца 1863 года и адъютанта Зигмунта Сераковского^[10], приведена в порядок, убрана, в цветах, кладбищенская дорожка посыпана свежим песком. Дети взволнованы, не сводят глаз с нобелевского лауреата, а он, указывая на надгробие предка, вдруг наклоняется ко мне, его глаза смеются. Прикрывая рот, объявляет трубным голосом: «Он пол-уезда заселил!»

Язык ангелов

Вот так и провел время Милош в Литве, в своих родных краях.

Я носила за ним букеты и караваи черного хлеба, делала ему бутерброды, фотографировала троих Милошей — Чеслава, Анджея и Тони — на фоне особняка в Ужумишках, принадлежавшего их семье до Первой мировой войны.

Я не слишком мучила его интервью. И очевидно, благодаря воспоминаниям об этом литовском путешествии Профессор впоследствии относился ко мне весьма доброжелательно, а порой проявлял ангельское терпение.

Мы также бывали вместе в Вильнюсе, но это уже совсем другая история.

Возвращаясь к литовскому документальному фильму. Думаю, Милошу бы он понравился. И уж точно он бы улыбнулся, слушая истории Роберта Хасса. Американский переводчик и друг поэта рассказывает, как однажды столкнулся в дверях его дома с одним человеком. Как оказалось, учителем литовского языка. Удивленный, он спросил: «Чеслав, зачем ты учишь литовский? Тебе ведь 87 лет...»

В ответ он услышал: «А может быть, на небесах будут говорить по-литовски».

Статья была опубликована в августе на портале Гражданского института, а также на портале Студии мнений.

-
1. Крипта заслуженных на Скалке или Усыпальница великих поляков — крипта, находящаяся в храме св. Архангела Михаила и св. Станислава на Скалке в Кракове. В ней похоронены 13 польских деятелей культуры. Здесь и далее прим. пер.
 2. Невяжа или Невежис — река в Литве, правый приток Немана.
 3. Цитата в переводе Н. Горбаневской.
 4. Рита Гомбрович — вдова писателя Витольда Гомбровича.
 5. Роберт Хасс (р. 1941) — американский поэт. Был поэтом-лауреатом США с 1995 по 1997 гг.
 6. Марк Дэвид Даннер (р. 1958) — американский писатель, журналист и преподаватель.
 7. «Соглашение Центр» — польская политическая партия христианско-демократического направления, существовала с 1990 по 2002 гг. Затем на ее основе возникла партия «Право и справедливость».
 8. «Саюдис» (с лит. «движение») — общественно-политическая организация Литвы, возглавившая в 1988–1990 гг. процесс выхода Литвы из состава СССР.
 9. «Вильния» — националистическая организация в Литве.

10. Зигмунт Сераковский (1826–1863) — капитан русского Генерального штаба, участник польского восстания 1863–1864 гг.